

Суфизм это не доктрина, а мастерство, метод внутреннего преобразования, алхимический способ превращения низшего в высшее, неблагородного металла в золото. Он не верит в разговоры о Боге.

Он скорее верит в создание Бога. Он не верит в грандиозную философскую аргументацию - все это мусор. Он делает акцент на разрушении человеческой механичности, на деавтоматизации человека, высвобождении в нем осознанности.

Бхагаван Шри Раджниш (Ошо)
ИСТИНА СУФИЕВ

1. Однажды

Однажды жила корова. И во всем свете не сыскать было такого животного, которое бы постоянно давало молоко такого высокого качества.

Отовсюду приходили люди, чтобы взглянуть на это чудо. И все превозносили эту корову. Отцы рассказывали своим детям, как она предана своему делу. Священники призывали паству брать с нее пример. Правители ссылались на нее, как на образец правильного поведения, планирования и мышления, следование которому могло бы улучшить состояние человеческого общества. Одним словом, всем удалось извлечь пользу из существования этого животного.

А между тем у нее была одна черта, которую большинство людей, поглощенных очевидными достоинствами этой коровы, упустили из виду. И вот в чем она заключалась: как только ведро наполнялось молоком, которое, по общему признанию, не имело себе равных, она сразу опрокидывала его ударом копыта.

Суфизм — это не умствование — он от начала до конца практичен. Он не философия, он очень заземлен. Он не абстрактное, чистое размышление, он означает дело. Он стремится преобразовать людей, а не просто наполнить их головы пустыми, бессмысленными идеями. А все идеи так бессильны. Они на многое претендуют, но когда вы глубоко в них входите, вы никогда не находите в них ни грамма реальности. Они обещают, но никогда не дают того, что нужно. Они мошенничают.

Философы всегда были величайшими мошенниками в мире. Они сооружают в воздухе красивые замки. Это мастера по созданию снов. И горе тем, кто околдован этими снами, ибо впустую будет растрочена их жизнь. А к тому времени, когда они начнут сознавать, что гонялись за призраками, будет уже слишком поздно.

Но существуют и такие люди, которые этого не осознают. Всю свою жизнь они поглощены мыслями и такими же умирают. Они никогда не сталкиваются лицом к лицу с реальностью. А ведь именно реальность освобождает.

Освобождает истина, а не мысли. А истина — это не мысли, истина — это переживание.

Суфизм — это не «изм» как таковой. Это практический метод. Это алхимия. Если вы поймете, как он действует, он превратит вас из неблагородного металла в благородный. Он сможет привести вас в другую реальность. Он сможет распахнуть двери к высшему. Он не заинтересован в том, чтобы давать вам великие мысли. Он делает основной упор на том, как дать вам чуть больше осознанности. И толика осознанности намного ценнее целых Гималаев философии. А продвижение на дюйм к большему осознанию куда лучше тысячелетнего путешествия в ваших снах.

Философия — это очень четко сформулированный сон — лишенный образов, понятий, но все же сон, очень сложный сон. Сон неискушенных людей образный; сон искушенных людей понятийный, однако качество остается тем же самым.

Сон — это то, что мешает вам познавать реальность. Все сны должны прекратиться, должны исчезнуть. Когда ваши глаза больше не наполнены снами, вы сможете увидеть, что такое реальность. Она освобождает, она возвышает, она преобразовывает!

А теперь несколько слов о суфийском подходе.

Первое: он скорее научный чем философский — научный в том смысле, что критерий истины должен иметь практический результат. Если ваша религия истинна, она будет вас питать, она будет вас укреплять, она расправит ваши крылья. Истина состоит не в

доказательствах — доказательством можете быть только вы.

Вивекананда спросил Рамакришну: «Каковы доказательства бытия Бога?»

«Я есть», — ответил Рамакришна.

Странный ответ. Такого ответа Вивекананда никак не ожидал. Вы бы тоже его не ожидали, потому что когда кто-то просит доказать бытие Бога, то на это существуют традиционные философские доказательства. Вивекананда, видно, думал, что Рамакришна скажет: «Все нуждается в творце, мир существует, потому должен существовать и творец Мы можем видеть его или не видеть, но творец должен существовать, поскольку существует мир».

Так нет же. Рамакришна не сказал ничего подробно. Он не был философом: он был суфием. Он сказал: «Я есть. Посмотри на меня, ощути меня! Войди в меня! И я смогу привести тебя в ту реальность, которую ты называешь Богом. Как бы ты ее ни называл, не имеет значения. Я уже побывал на тех высотах — и могу также провести тебя по этому пути. Готов ли ты со мной пойти?»

Вивекананда не был готов. Он пришел подискутировать. Но это не дискуссия. Следование за этим сумасшедшим обещает быть рискованным. Никогда нельзя быть уверенным, куда он тебя заведет.

Вивекананда стал колебаться И Рамакришна сказал: «Прежде чем задавать вопрос, ты должен быть готов получить ответ! Ты что, трус или что-нибудь в этом духе? Почему ты вообще задал этот вопрос?» И Рамакришна прыгнул — он был таким же сумасшедшим, как Зусия — и коснулся своими ногами груди Вивекананды, и Вивекананда впал в транс.

Когда спустя час он очнулся, это уже был преображенный человек. Он поклонился, коснулся ног Рамакришны и проговорил: «Простите, простите меня. Так ребячливо с моей стороны было задавать Вам подобный вопрос. Это не вопрос — это дерзание. Спасибо Вам. Вы мне дали вкус чего-то такого, что я никогда не осознавал».

Таков метод суфия. Он создает ситуацию. Ситуация — это его лаборатория. На самом деле в этой ситуации он постепенно склоняет вас, обольщает вас идти в запредельное. Да, это обольщение — ибо кто готов пойти в запредельное? Ум так и норовит уцепиться за известное; известное знакомо. С известным мы искусны и ловки; мы можем его схватить. Идти же в неизвестное, без сомнения, рискованно. Мы будем как дети. Ведь наш опыт останется где-то позади. Все наши знания здесь не пригодятся. Кому хочется идти в неизвестное? Но Бог — это не только неизвестное, но и непознанное. Бог доступен лишь тем, кто набирается смелости и идет в неизвестное.

Суфийский мастер помогает вам набраться смелости. Своим примером, своим бытием, своим присутствием суфийский мастер создает жажду неизвестного. Волнует ваше сердце. Дает вашему дыханию новую жизнь Сообщает вам пульсацию новой страсти к Богу Но это не философия Он вообще не решает ни одного вопроса. Да, он помогает вам разрешить все вопросы, но он никогда не решает ни одного вопроса.

Отсюда первое, что нужно понять суфизм практичен, очень заземлен. Суфизм по душе людям, подобным греческому Зорбе, ибо это не те люди, которые не способны стать Зорбой-Буддой — это единственные люди, которые на это способны. Люди, весьма поднаторевшие в игре слов, философии, абстракции, рационализациях, объяснениях — не из тех, кто отправляется в такое путешествие. Они трусы. А все их философствование ничто иное как бегство от истины. Чтобы избежать истины они строят теории об истине и потом цепляются за эти теории, веря, что это и есть истина.

Вот почему здесь есть и индуисты, и мусульмане, и джайны, но только не суфии. Суфии не имеют ничего общего с индуизмом или мусульманством или христианством. Суфии могут быть повсюду! В любой религии или в нерелигии. Суфий — это странник, суфий всеобъемлющ.

Суфий принадлежит целому миру, а целый мир принадлежит суфию. Все принадлежит ему и он использует все ситуации, чтобы выйти за пределы.

И коль скоро речь заходит об определении истины, то суфий полностью согласен с Буддой. Рассказывают, Будда говорил своим ученикам: «Истина — это то, что работает». Очень прагматичное определение истины. Непревзойденное. Даже современная наука не способна дать определение лучше чем то, которое дал Будда: «Истина — это то, что работает». Если это не работает, то это не истина. Ложь — это то, что не работает, не может работать. Не может работать, потому что идет вразрез с законом вселенной. Истина работает, потому что она находится в гармонии со вселенским законом.

Помните вот что: постоянно смотрите на свои верования, свои концепции, свои предрассудки — пусть это будет пробным камнем. Верьте только в то, что работает. И тогда это уже больше не верование. Это истина, потому что вы увидели ее работу. Вы знаете, что она соответствует дао: вы знаете, что она сонастроена с высшим законом, с Дхармой.

Это должно быть первым и единственным критерием для всех следующих по пути.

Философия абстрактна, запутанна и совершенно бессмысленна. Она окутывает вас массивной толщей облаков и создает в вас видимость большего приближения к познанию чего-то. Однако этого никогда не происходит. Человек может быть окутан очень красочными облаками — но ничего так и не случается. Философия на самом деле мешает. Чем больше облаков мыслей, идей, идеологий окутывает вас, тем меньше возможности видеть.

Отбросьте все философии. Пусть ваши глаза будут пусты, пусты от всего. И эти пустые глаза наполнятся истиной. Философия лишь порождает слова, слова и слова. Одно слово порождает другое слово... это что-то вроде бессознательных ассоциаций.

Попробуйте иногда сесть и молча понаблюдать: произнесите одно слово и ждите, и вы увидите, как оно приносит другие слова. Именно так работает психоанализ: свободные ассоциации. Вы ложитесь на кушетку психоаналитика, и он говорит. «Свободно ассоциируйте — пусть что-нибудь придет». Приходит одно слово, и вы удивлены: оно, словно крючком, прицеплено к другим словам и тянет за собой другие слова. Затем ваше удивление еще больше возрастает, слова не разделены, они цепью связаны друг с другом. Здесь есть определенная система. Слова существуют связками. Одно-единственное слово... и вот оно уже вызывает целую серию и т.д. и т.д.

Одно слово создает другое. Это то, что Будда называет сантааном. Как родители дают рождение ребенку, так и слова дают рождение другому слову и это происходит непрерывно. Это происходит бесконечно. Люди теряются в невежестве: люди теряются в словесных джунглях. Суфизм — большой противник многословия.

Это случается если вы придете к суфийскому мастеру, то вам придется быть рядом с ним годами. И лишь когда вы пробудете рядом с ним в течение нескольких лет, сидя в молчании, наблюдая и делая все, что он вам велит, не возникает никаких вопросов, не разрешается ни одного сомнения, не позволяется ни одной дискуссии, не принимается во внимание никакая аргументация. Если мастер говорит: «Иди и принеси из колодца воды» — вы идете и приносите из колодца воду. Вы не спрашиваете «зачем?». Иногда Мастер может попросить и что-нибудь абсурдное.

Вот знаменитая суфийская история

Ищущий пришел к Мастеру и обратился к нему со словами: «Я побывал у многих Мастеров, но все оказалось напрасно. Среди них не было ни одного настоящего Мастера. И вот я прихожу к Вам с большой надеждой. Это моя последняя надежда — будьте же моим убежищем. И я знаю: это у Вас есть. Я вижу - это у Вас есть».

Мастер ответил: «Да, оно у меня есть. И я знаю, что оно было и у тех людей, у которых ты

побывал. Проблема заключается не в наличии или отсутствии этого у меня, а в твоей способности или не способности это получить».

«Я готов», — сказал ученик. — «Я буду делать все, что Вы мне скажете».

И Мастер сказал: «Тогда пойдем со мной, я собираюсь к колодцу за водой. Но запомни одно: не задавай никаких вопросов. Вопросы не допускаются. Наблюдай! Но не задавай никаких вопросов».

«Что ж, это не трудно», — сказал ученик. Однако с самого начала он почувствовал большое неудобство, ведь чтобы набрать воду из колодца, Мастер взял ведро, в котором не было дна! Но он хранил молчание. Это было трудно, это было действительно тяжело, но он хранил молчание. Он старался не смотреть на ведро... в котором не было дна. И мастер еще собирается принести воды?

За те несколько мгновений по пути от дома до колодца его так и подмывало спросить тысячу и один раз: «Что Вы делаете? Вы сошли с ума?» Но задавать вопросы было нельзя. Но как долго он мог сдерживаться?

Мастер стал набирать воду из колодца. И, конечно, когда ведро без дна уходило под воду, оно наполнялось, а когда он начинал его поднимать, вода выливалась обратно, и наверх поднималось лишь пустое ведро. Вы только подумайте об ученике... ведь он там стоял и наблюдал всю эту несуразицу. В голову его закралось подозрение насчет этого человека: «Либо он сумасшедший, либо дурак. И что я связался с этим человеком? Прежние мои Мастера, по крайней мере, были лучше».

Но вопросы не допускались, и он кое-как боролся с этим искушением. Один раз поднялось пустое ведро, второй раз, третий раз — на четвертый раз он забыл обо всем и выпалил: «Что Вы делаете? Вы же так не наберете воды из колодца. В вашем ведре нет дна».

«Ты нарушил правило», — сказал Мастер. — «Тебе велено было ничего не спрашивать — тебе велено было наблюдать. Убейся! Нас ничего не связывает».

Ученик думал, медитировал над этим всю ночь и решил: «В этом, наверное, было что-то таинственное — а я упустил. Мне следовало бы подождать».

На следующий день он вернулся и попросил прощения. Мастер сказал «Я-то могу простить, только вот у тебя не получится. Ты не выдержал даже пустяка. Ты не мог владеть собой даже при таком пустяке. Это было абсурдно, но это была моя проблема, а не твоя. К тебе-то она какое имела отношение? Это был всего лишь прием. И даже если при таком пустяке ты не смог обойтись без доводов... то в более серьезных случаях, которые я собираюсь тебе показать, тебе уж точно без доводов не обойтись. А суфии не верят в доводы. Меня совершенно не интересуют ни твои вопросы, ни ответы на них. У меня есть это. И я могу тебе это дать. Но тебе придется подготовиться. И подготовка твоя состоит вот в чем: стань невопрошающим, оставайся в состоянии отсутствия сомнения».

Суфии создают подобные ситуации. Эти ситуации помогают ученикам становиться зрелыми. А когда наступает зрелость, тогда становится возможной передача. Это и есть у Мастера, ученик тоже может это получить — но существуют некоторые вещи, которые необходимо отбросить.

Поэтому о суфизме нужно знать прежде всего следующее: это алхимия — наука о внутренней душе. Это экспериментирование с сознанием. И только результат решает, правильно или неправильно было то, что вы делали. Другого способа решать не существует.

Философии все движутся и движутся по кругу — они никогда никуда вас не приводят. Суфизм устал от философий. На самом деле все великие мистики устали от философий. И все это из-за философской трясины и путаницы, мешающей людям знать то, что является их правом по рождению. Бог потерян не из-за ваших грехов; Бог потерян из-за ваших так называемых

знаний.

Суфизм — это экспериментирование для достижения определенного переживания. Это путь не верования, но знания, переживания. Он экзистенциален. Переживания чего? Переживания самого себя. Это не умствование ради умствования. У него имеется методология, которая приводит к самому грандиозному из всех переживаний — назовите его Богом, нирваной, мокшей, освобождением или чем хотите; это самое грандиозное из всех переживаний. Это величайшее переживание в жизни. И без этого переживания никто никогда не чувствует никакой удовлетворенности, не может почувствовать. Мы предназначены для достижения этого переживания. Это наш потенциал: он должен осуществиться. Это наша семя: оно должно расцвести во всех красках и благоухании. И до тех пор, пока семя не станет цвести, мы будем оставаться беспокойными, стесненными, жаждущими чего-то, не зная точно, чего именно. Ищущими, продвигающимися ощупью.

Человек остается ощупывающим и ищущим, и поиск заканчивается только с Богом, и никак иначе. Что такое Бог? Это переживание своего собственного глубинного ядра. Бог не где-то там! Бог здесь, внутри вашего сердца, пульсирующий, дышащий, осознающий. Бог совсем рядом.

Рамана Махарши говорит самосознание — вещь легкая, самая легкая из всех. Ведь оно совсем рядом! Оно уже здесь, оно всегда было здесь Один лишь взгляд, один поворот внутрь, и ты уже больше не странник, ты достиг императорства, ты взошел на трон, ты коронован, ты царь. Один лишь взгляд внутрь.. Но это именно то, о чем говорят суфии. Рамана — суфий.

Я употребляю слово «суфий» в самом широком смысле этого слова. Будда — суфий, Иисус — суфий, Рамана — суфий. Под суфием я подразумеваю того, кто пресытился философами и приступил к поиску реальности, кто больше не довольствуется синтетической пищей, а ищет настоящую пищу

Рамана говорит самопознание так же просто, как все что угодно — проще него не бывает. А теперь послушайте прямо противоположное высказывание Иммануила Канта, великого философа: метафизика есть призыв к разуму заново предпринять попытку решения самой трудной из всех задач, а именно задачи самопознания.

Философия делает его сложным, очень сложным, почти невозможным — потому что философия уходит от него все дальше и дальше. Знание о себе это не знание себя, знание о Боге это не знание Бога — как может «о» быть этим? Все «о» да «о»... вы движетесь по кругу. Это становится невозможным.

Чем умнее, ловчее, расчетливее становитесь вы в отношении «о», тем вернее и вернее вы сбиваетесь с пути. Это не вопрос познания о себе это просто вопрос познание себя, бытия осознанием; не вопрос думанья об этом, но центрирования в этом. Тихого сидения в этом — и тогда это открывается.

Рамана прав, бесспорно прав — он знает. Иммануил Кант не прав, не может быть прав — он никогда с этим не сталкивался. Несмотря на упорные старания он напряженно работал, он был одним из проницательнейших интеллектуалов, которые когда-либо существовали. Проницательность его бесспорна, логика его совершенна. Но коль скоро речь идет о его проникновении, то он слеп.

Он напоминает рассуждающего о свете слепого — он неизбежно обречен на неудачу. Как может слепой рассуждать о свете?

Вот что рассказывал Будда.

Это случилось при дворе одного великого царя, когда придворные ученые затеяли спор о Боге. А царь тот был не обычным царем — это был настоящий царь, царь внутреннего мира. Внешнее царство его было всего лишь случайным; это случайно с ним произошло.

Умирал один великий царь. А сыновей у него не было. И он приказал перед смертью:

«Пусть станет царем первый, кто завтра утром войдет в город, кем бы он ни был». И то была лишь случайность: этот саньясин оказался первым, кто вошел в ворота, поэтому его и сделали царем. Это произошло случайно. А прежде он уже стал царем внутреннего царства.

Итак, при его дворе велась дискуссия о Боге. Царь засмеялся и сказал: «Слушайте. Соберите всех слепых, которые есть в городе». И когда собрали всех слепых, царь обратился к ним с вопросом: «Всем вам знакомы слоны?»

«Да», — отвечали они.

Итак, бурные дебаты были обеспечены. Один слепой сказал: «Слон такой-то», другой сказал: «Слон такой-то...», и высказывания их противоречили друг другу. Потому что одному слепому довелось коснуться лишь хобота, другому слепому довелось коснуться лишь уха, третьему — ноги и тл, и т.п. Описания их разнились до невероятности.

И царь сказал своим ученым, придворным ученым и пандитам: «Послушайте: эти слепые не могут прийти к общему мнению о том, что такое слон. А ведь все они были с чем-то знакомы у слона! А как обстоят дела с вами? Они, по крайней мере, хоть с чем-то знакомы: один касался ноги, другой — хобота... а вы не видели и части Бога, а еще взялись спорить. Вы еще слепее этих слепых! И что бы вы ни говорили, все это чепуха. Вы можете приводить цитаты из священных писаний — но это не поможет. До тех пор, пока вы не увидите, ничего не поможет».

Суфии верят глазам. Видеть просто — думать трудно. Если вы имеете уши, то вы знаете, что такое музыка; но если у вас нет никаких ушей, то как вы будете рассуждать о музыке? Каким образом? Это же невозможно! Нет никакого способа сообщить вам, что такое музыка. Если вы имеете глаза, то вы знаете цвета и красоту радуги. Но если у вас нет никаких глаз, то даже величайший из поэтов не сможет дать вам и намек на то, что такое радуга: это невозможно.

Суфии не верят мышлению: они верят глазам.

Вы, должно быть, слышали знаменитое высказывание «видение — это вера». Это именно то, что говорят суфии. Они говорят: «Видение — это вера».

А вот высказывание одного знаменитого суфия «кто знает других, тот ученый — кто знает себя, тот мудрый». Быть ученым легко; мудрость же требует мужества, смелости. Почему? Почему в этом мире для того, чтобы познать себя, требуется смелость? Этому есть причины.

Первая причина: существует страх, что, если вы войдете, то можете никого там не найти... и в определенной мере этот страх действительно оправдан, вы там никого не найдете, и это опасение действительно оправдано.

Если войдет Нареш, он не найдет там Нареша. Если войдет Аста, она не найдет там Асту. Если войдет Судха, она не найдет там Судхи. Если войдет Вийоги, Вийоги не найдет там Вийоги. Что-то там непременно будет обнаружено, но оно неопределимо, ему невозможно дать никакого названия. И это «что-то» не является вашей собственностью: это «что-то» настолько же ваше, насколько чье-то еще.

Вы что-то обнаружите, но то будет универсальный центр — вам не найти там ничего индивидуального, вам не найти там никакого эго. Отсюда страх. Вы исчезнете: в самопознании вы полностью исчезнете. Поэтому люди говорят о нем, спрашивают о нем, читают о нем книги, но никогда не входят в него. Бессознательный страх преграждает им путь».

Это тем более относится к современному человеку, он боится еще больше. Современный человек часто бывает склонен к отчаянию, так как боится, что самости вообще не существует или что самость — это машина Капекана, робот Скинера, таракан Каффки, носорог Йонескуна или бесполезная страсть Сартра! И все эти страхи обрушились на голову современного человека.

Кто знает? Когда вы войдете, вы можете обнаружить таракана Кафки. У Кафки есть такая притча:

Однажды утром он просыпается и обнаруживает, что он таракан. Наверное, это сон,

наверное, это пробуждение во сне. Но это еще не все таракан опрокинут на спину — вот его лапы, он видит, как эти лапы шевелятся в воздухе, и он не может перевернуться и занять правильное положение, он лежит на спине. И вы можете подумать... страдание человека, его агония и тошнота. Он выбивается из последних сил, но подняться, кажется, невозможно. Большой таракан, занимающий целую кровать.

Современный человек боится еще больше: кто знает, на что натолкнешься внутри себя? Кошмары, монстры... кто знает, что там? Зачем открывать ящик Пандоры? Держи его плотно закрытым, да еще сядь на него для верности, что и делает каждый. И в определенной мере страх действительно оправдан — но только в определенной мере.

Вначале вы натолкнетесь на пауков, носорогов, всяких пресмыкающихся, вы натолкнетесь на всевозможную жуть — ибо вы подавляли в себе это, вы это не допускали. Подавленная вами ярость, подавленная вами зависть, подавленное вами собственничество, подавленная вами ненависть. Подавленное вами насилие, кровожадность. Все это предстает перед вами! Это ваш внутренний таракан. Насилие стало одной лапой, собственничество стало другой лапой, зависть стала третьей лапой...

Когда вы войдете, вам придется столкнуться со всем этим лицом к лицу. Это, конечно, не вся история. Если вы можете столкнуться лицом к лицу с тараканом, если вы можете идти глубже и глубже без всякого страха, наблюдая за всем присходящим и помня при этом: «Я только наблюдатель, свидетель всего этого. Я не могу быть тараканом, потому что я могу видеть...» Сделайте это ключом, постоянным напоминанием: вы не можете быть тем, что вы видите. Вы видите гнев? Значит, вы не гнев. Вы видите голод? Значит, вы не голод. Вы видите сексуальность? Значит, вы не сексуальность. Вы — тот, кто все это наблюдает. Помните о свидетеле, и постепенно исчезнут все тараканы, все носороги — исчезнет все, что уродливо.

Свидетельствование — это такое явление, которое растворяет все, что уродливо. Медленно-медленно, до тех пор, пока не останется одни лишь свидетель. Но этот свидетель не будет тобой: этот свидетель — Бог. Этого свидетеля невозможно ограничить рамками. «Я» — это чистое «есть».

Совсем недавно я говорил вам, что на храме Аполлона в Дельфах выгравированы две надписи: «Познай себя» и «Ничего сверх меры». Эти указания не были разобщенными. Человеку советовали познать себя, но в своем познании ему следовало избегать крайностей. Что это за крайности?

Крайностей две: ад и рай, безобразные пауки и прекрасные бабочки. Вы должны оставаться свидетелем и того, и другого. Вы ни паук, ни бабочка психоделической окраски — вы ни то, ни другое. Ни это, ни то — нети нети. Вы только наблюдатель, зеркало, отражающее паука, отражающее бабочку

Согласно дельфийским священникам, первой крайностью была попытка преодолеть собственную конечность, вести себя так, как будто вы бесконечны. Такое случается. Если вы входите внутрь, вы начинаете ощущать себя какой-то адской тварью или же вы чувствуете себя ангелом, небесным созданием. Однако и в том, и в другом случае вы снова создали эго. Избегайте крайностей, так как эго может существовать только с крайностями. И оно умирает посередине. Золотая середина — это то же, что могила эго.

Греки обычно называли эту крайность гидрисом. Название этой крайности означает грубое попираание природы вещей. Не вздумайте воображать, что вы от неба, что вы божий посланник, специально посланный в этот мир как выразитель последней вести, что вы сын Бога, что вы единственный мессия, единственный подлинный мессия, единственный Мастер, единственный Совершенный Мастер... избегайте этой чепухи. Бог приходит многими, многими путями, и его послание проникает и проникает в мир. Не только через Иисуса, Будду и Мухаммеда — нет. Его

послание звучит даже в криках кукушки. Иисус не единородный сын Бога — иначе все остальные были бы сиротами.

Каждое дерево, каждое животное, каждая птица — такие же дети Бога, как любой другой. И не только Мухаммед является пророком — реки и горы — все они его посланники, его пророки. Послание его льется и льется отовсюду, из каждого уголка и закоулка. Не погружайтесь в эту идею, иначе эго войдет через заднюю дверь и снова создаст вам трудности. Вы упустите самопознание.

У греков имеется для этого специальное слово — они называют эго гибрисом. Другой крайностью была попытка вести себя так, как будто вы не являетесь членом общества, то есть стать монахом, жить в уединении. Вы часть общества, вы рождены в обществе, вы живете в обществе. Общественное сознание для вас подобно океану а вы — рыба в этом океане. Вы не можете без него жить. А те, кто пытаются без него жить, почти всегда становятся ненормальными. Да, иногда бывает хорошо отдохнуть в горном уединении — именно отдохнуть, и вы должны вернуться в мир. Да, хорошо помедитировать несколько часов, но после этого вы должны вернуться в мир. Не становитесь монахом. Не воображайте себя отъединенным, ибо самопознание не достигается в отъединенное. Оно достигается в единении.

А самое тесное единение возможно только с другими людьми. Как вы сможете общаться с деревьями, если вы не можете общаться даже с людьми? Как вы можете общаться со скалами, если вы не можете общаться даже со своей возлюбленной? Это же абсурд. Сама эта идея абсурдна. Человек говорит: «Я оставляю жену и детей, так как они для меня обуза, ухажу в горы и буду общаться с горами». Он несет вздор. Ощущение с горами будет для него невозможным, ибо горы говорят на совершенно другом языке. Они остались далеко позади человеческого сознания. И чтобы установить с ними контакт, вам самому придется стать горой — только в этом случае вы сможете с ними общаться.

И если вы не способны общаться с человеческими существами, которые так же эволюционировали, как и вы, которые принадлежат такому же языковому миру и находятся на таком же уровне жизни, то вы не сможете нигде ни с кем общаться. Не одурачивайте себя.

Греки придавали этим двум крайностям особое значение. Того, кто жил вне общества, они называли частным существом. Для обозначения этого у них есть очень красивое слово — они называли такого человека идиосом. От этого слова произошло слово «идиот». Такое существо называли идиосом — если вы действительно уйдете из общества, вы станете идиотом. Такого мое наблюдение.

Я видел много людей, годами живущих в горах — они становятся идиотами. Они неизбежно становятся идиотами, потому что нет вызова, нет человеческого вызова, который бы их провоцировал, нет человеческого вызова, который бы обострил интеллигентность. Они обречены становиться идиотами. Рост там невозможен.

Они могут жить в покое, но это покой гор — это не их достижение. До тех пор, пока вы не сможете жить, храня покой в миру, это не будет вашим достижением. Вернитесь из Гималаев — и вы будете вдруг шокированы тем, что остались таким же, каким когда-то ушли — а, может быть и хуже. Вы не сможете терпеть шум, суматоху мира. Что это за достижение? Вместо того, чтобы обрести большую способность, большую целостность, вы распались на части, вы ослабели. Вы не стали сильнее.

Познайте себя — но в своем познании не становитесь гибридом или идиотом! Человек наполняется самодовольством: «Я де лучше», «я де бесконечен», «я вечен», «я это то-то и то-то»... Если утверждается «я», тогда вы ничто. Когда это уходит, да, тогда появляется вечность — но вы не можете претендовать на обладание ей. Вечность есть, Бог есть, бессмертие есть, но ничем этим вы не можете обладать, вы ничего не можете держать в своем сейфе. Это не имеет с

вами ничего общего! Это принадлежит всей полноте существования И вы тоже принадлежите существованию.

Такова первая крайность, которую нужно избегать.

Что же касается второй крайности, то не делайтесь идиотом. Не вздумайте избегать людей потому что весь рост происходит с людьми, в отношениях с людьми, в принятии вызова и ответе на вызов.

Самопознание — это очень странное понятие, и вам необходимо его понять — ибо в этом и состоит вся работа суфиев: как познать себя Само это слово вносит противоречие, ибо в познании необходимы, по крайней мере, две составляющие: познающий и познаваемое. А в самопознании не две составляющие, а только одна. Как можно назвать ее самопознаванием? Кто познает и кого познает? Но это слово неизбежно приходится употреблять, так как в нашем языке не существует лучшего слова для обозначения этого явления Однако его нужно употреблять очень и очень осознанно — отдавая себе отчет, что оно не означает именно того, о чем говорит.

Самопознание — это вид познавания, но не знания. Это вид осознанности, ясности, но не знания. Знания быть не может, потому что для знания требуются две составляющие.

Эта проблема самосознания емко и метафорично высказана Симоной де Бовуар. Она говорит: «Легко сказать «я это я». Но кто это «я»? Где найти себя? Мне пришлось бы быть по другую сторону каждой двери. Но тогда, когда именно я стучусь в дверь, другой на другой стороне замолкает. Чтобы познать себя, самость должна оставаться по обеим сторонам одной и той же двери. Но, увы, когда самость стучится в дверь со стороны познающего, на другой стороне дверь некому открывать. А когда самость на другой стороне, на познаваемой стороне двери, и может ее открыть, на познающей стороне двери некому стучаться! Что же делать?»

Вы понимаете? Если вы познающий, тогда кто тот, кого нужно познавать? А если вы тот, кого нужно познавать, то кто будет познавать? Это то, о чем говорит Бовуар: вы должны быть по обеим сторонам двери. Например, если вы стучитесь в дверь и вы один, один-одинешенек, то внутри некому ответить на стук. А если вы за дверью и готовы ее открыть, тогда некому стучаться. И вы должны быть по обеим сторонам — только тогда возможно какое-то общение, какое-то знание.

А это невозможно. Как вы можете быть по обеим сторонам двери? Это напоминает коан дзен — это одно и то же. Это основополагающий коан. Из этого коана могут быть созданы тысячу других. Что же делать?

Одни говорят: «Постоянно стучать». Это путь воли. Постоянно стучись! Иисус говорит: «Придите, и дано будет вам; ищите и найдете; стучитесь, и отворят вам».

Это один ответ постоянно стучись... продолжай упорно стучаться, будь терпелив Не огорчается, если дверь не открывается. Продолжай стучаться, продолжай стучаться... И однажды дверь непременно откроется. Это один ответ.

Другой ответ «Прекрати стучаться и жди!» Это путь сдавшегося, всецело преданного, любящего, молящегося. Первый путь — путь йога, действующего через силу воли. Второй — путь сдавшегося и всецело преданного, который ждет, доверяет, молится.

А я говорю вам: «Посмотри... нет двери, в которую надо стучаться, и нет того, кто должен в нее стучаться! Посмотри же! Дверь открыта. Она все время оставалась открытой, с самого начала. И нет самости, которую надо познавать, и нет самопознания. Познавание, конечно, есть, но нет ничего похожего на самопознание».

Вот что сказала великий мистик Рабийя Хасану.

Хасан имел обыкновение каждый день молиться перед мечетью, сидя на улице. И иногда он плакал и, глядя в небо, причитал: «Боже, открой дверь! Я уже долго жду. Неужели этого не

достаточно? Или я должен пройти еще через какие-нибудь испытания? Не достаточно ли ты уже меня испытал? Открой дверь! Я кричу, я стенаю, я взываю — открой дверь!»

Такова было его постоянная молитва — каждое утро и каждый вечер, где бы он ни был, он шел к мечети, садился на улице и молился.

Однажды мимо проходила Рабийя. Она больно ударила Хасана по голове и сказала: «Что за чушь ты несешь? Дверь же открыта! А ты так увлечен своими воплями: «Открой дверь! Послушай меня, Господи. Почему ты не открываешь мне дверь?» Ты так занят этой бессмыслицей, что не способен видеть: дверь открыта! Она всегда была открыта».

Я согласен с Рабийей.. все доступно. Вам не нужно бороться. Вам не нужно даже сдаваться! Ведь сдача — это полярная противоположность борьбы. Вы должны быть ровно посередине. Вы должны быть именно в состоянии не-делания, не-сдачи. И вы вдруг сможете увидеть: дверь открыта. Вы никогда не ходили куда-то еще. Вы всегда были здесь. Куда еще могли вы уйти? Внутреннее — это ваша природа. И вдруг все внезапно открывается. Вдруг исчезает тьма, и все становится светом.

Самости, которую нужно познавать, не существует. Происходит познание, но это не самопознание. Отсюда страх. Где-то в глубине бессознательного вам хорошо известна «Если я войду, я себя не найду И лучше уж не входить: тогда можно будет и дальше верить в то, что «я есть»!

Это единственная преграда. Это единственное невежество. Это единственный грех.

А теперь перейдем к этой маленькой красивой истории.

Однажды жила корова. И во всем свете не сыскать было такого животного, которое бы постоянно давало молоко такого высокого качества.

Корова всегда была символом священного — невинные глаза коровы, ореол мудрости коровы всегда наводили на мысль о священном. Вы будете удивлены, если узнаете, что это факт внутреннего мира. Дарвин открыл, что человек эволюционировал от обезьяны. И он отчасти прав: тело человека произошло от тела обезьяны — но душа его произошла не от обезьяны. Человек — синтез двух разных родословных. Тело его произошло от обезьяны, а душа — от коровы. Вот почему Восток всегда считал корову матерью. И вот теперь Дарвин говорит, что обезьяна — это отец. Причем оба правы.

Душа эволюционировала по разным направлениям. Что касается человеческой души, то ближе всех к ней корова, а что касается человеческого тела, то ближе всех к нему обезьяна. Человек — это синтез обеих этих линий. В нем есть что-то от обезьяны и что-то от коровы. Корова всегда была символом священного.

Эта история говорит.

Однажды жила корова. И во всем свете не сыскать было такого животного, которое бы постоянно давало молоко такого высокого качества.

Священное — это наша настоящая пища. Мы живы не хлебом единым. Да, прав Иисус, человек не может жить хлебом единым. Если человек будет жить хлебом единым, он останется всего лишь животным. Он останется обезьяной. Нужна какая-то более высокая пища. А она исходит от священного.

Вот почему те, кто начинают чувствовать жажду высшей пищи, ищут Мастеров, ищут великую музыку, ищут поэзию, эстетическое. Они начинают искать некую духовную пищу которую не приобрести на рынке, которую не продать как предмет потребления, которую не купить в супермаркете, и которая становится возможна исключительно в священных отношениях. И это отношения между Мастером и учеником: что-то не от этого мира.

Отовсюду приходили люди, чтобы взглянуть на это чудо.

Но, как правило, люди всего лишь любопытны. И даже если они идут к Будде, они идут из

любопытства, как на своего рода развлечение. Даже если они слушают Иисуса, они заняты поисками какого-нибудь ощущения — это не является их настоящей потребностью.

Отовсюду приходили люди, чтобы взглянуть на это чудо.

Нужно запомнить одна Аристотель говорит, что философия начинается вследствие удивления — но не так обстоят дела на Востоке. На Востоке никто никогда не говорил, что философия начинается с удивления. Нам на Востоке известно, что философия начинается с осознания страдания, а не с удивления. С мучения человека, а не с удивления. С боли человека, с бессмысленности человеческой жизни, с осознания ее начинается философия.

Поэтому западная философия осталась чем-то вроде развлечения. Восточная же философия не развлечение — это труд, это садханна. На самом деле ни в одном языке мира нет слова, которым можно перевести индийское «садханна», ибо нигде больше не существовало ничего подобного. «Садхана» означает: философия не ради одной мысли, но ради бытия. Человек обязательно должен ей стать. Человек обязательно должен ею жить! Она обязательно должна стать вашей кровью, костями и плотью.

«Садхана» означает не только некое систематическое мышление, но сам способ жизни. Она должна стать стилем вашей жизни. Вы должны жизнью своей ее доказать что бы вы ни считали правильным, оно обязательно должно быть прожито — и это единственное доказательство правоты того, что вы думаете. Если вы думаете, что это правильно, а живете по-другому, вы только дурачите других и самих себя

Восточный подход состоит в том, что жизнь — это боль, тревога, мука. И сознание этого заставляет искать средства и методы их преодоления

Отовсюду приходили люди, чтобы взглянуть на это чудо.

И, конечно, из-за того, что они приходили только ради развлечения, они не смели увидеть самой сути.

И все превозносили эту корову. Отцы рассказывали своим детям, как она предана своему делу.

Люди всегда пытаются навязать детям свои мысли. Они всегда так и норовят найти примеры, на которых они могли бы поучить своих детей и вдалбливать им: «Посмотри! Посмотри на эту корову, на это чудо из чудес — будь как она. Производи что-нибудь!» Причем «производи» означает для них добиваться денег, власти, престижа, стать президентом страны. «Посмотри на эту корову! Ты тоже должен быть в этом мире удивительным человеком. Будь таким, чтобы люди приходили посмотреть на тебя и поаплодировать тебе».

Родители всегда, постоянно вдалбливают своим детям: «Будь таким-то и таким-то! Посмотри на ребенка таких-то родителей — какой он умный».

Отец говорит своему ребенку: «Посмотри на соседского мальчика — какой он умный! Всегда первым приходит в класс. А ты? Ты вечно опаздываешь».

«Это не мой недостаток», — ответил ребенок. — «У него расторопные родители».

Родители делают все для того, чтобы вызвать у ребенка амбицию. Амбиция — это нервное возбуждение, это болезнь. Амбициозный человек всегда болен внутри. Он страдает от душевного рака. Тело его может быть в норме, но душа его умирает. Он растрчивает свою душу на бесполезные вещи. Он накапливает много ненужных вещей и разрушает в себе все сущностное. А между тем родители продолжают этим заниматься. Они не упустят ни единой возможности. Вот почему они непременно должны взять с собой своих детей, чтобы показать им эту корову. «Посмотрите на эту корову! Вот какими нужно быть. Вот это производство! Сколько молока! И какого качества!»

Священники призывали паству брать с нее пример.

И это то, чем всегда занимаются священники — они все время учат людей: «Будьте такими-

то и такими-то!» Никому никогда не велели быть самим собой. Это какая-то напасть. А ведь человек так жил тысячелетиями и это необходимо полностью отбросить, иначе он никогда не будет свободным, никогда не будет здоровым, никогда не будет праведным. Величайшее проклятие, обрушившееся на человека, — это когда люди все время твердят и твердят ему «Будь как Будда, будь как Махавира, будь как Мухаммед, будь как Кабир, будь как Руми!»

Но никто не должен быть кем-то другим — здесь каждый должен быть лишь самим собой. Пусть это будет провозглашено по всему миру: здесь каждый только для того, чтобы быть самим собой. Лишь тогда этот мир с облегчением вздохнет и в нем воцарится гармония. А иначе все станут подражателями, все станут псевдо, лицемерами, расколотыми, шизофрениками. Такие люди говорят одно, а живут по-другому, и им поневоле приходится так жить, ибо их естественная самость не может быть разрушена этими поучениями. В лучшем случае они способны усовершенствовать фасад, ложную маску, которую они могут носить. Они могут создать личину, однако их глубинное существо останется прежним. И всякое посягательство на него — это преступление — величайшее из преступлений.

Все мои усилия здесь направлены на то, чтобы избавить вас от этой напасти! Вы должны быть только самим собой... и тогда наступает великое расслабление. Тогда исчезнет напряжение. И вы сможете быть подлинными, искренними! Вы сможете быть только самим собой. Вы сможете себя уважать. А человек, который уважает себя, уважает и других. И вы сможете себя любить, а человек, который любит себя, может любить и других.

Священники призывали паству брать с нее пример. Правители ссылались на нее как на образец правильного поведения, планирования и мышления, следование которому могло бы улучшить состояние человеческого общества. Одним словом, всем удалось извлечь пользу из существования этого удивительного животного.

Все они использовали сам факт существования бедной коровы. Всегда отыщутся люди, готовые использовать все во имя собственных целей. Суфизм это не идеализм; он не дает вам никакого идеала. Он помогает вам быть естественными, спокойными. Суфизм это не стремление к совершенству — он не может им быть, так как он не является невротическим.

Любое стремление к совершенству ведет людей к неврозу. Всякий раз, когда вы сталкиваетесь с невротиком, попробуйте глубоко в него заглянуть, и вы найдете там скрытое желание совершенства. И всякий раз, когда вы сталкиваетесь с таким человеком, будьте бдительны. Он на пути к неврозу.

Суфии простые люди. Они радуются простым вещам. У них нет великих идеалов, у них нет никаких идеалов. Они не создают идеи совершенства, которой должен следовать каждый — нет. Каждый должен быть лишь самим собой. И лишь будучи самим собой вы сможете молиться Богу. Лишь будучи самим собой вы сможете подарить Богу свою радость, свое празднование. Лишь будучи самим собой вы почувствуете благодарность. А благодарность есть молитва.

И все это продолжалось. Родители поучали своих детей, священники наставляли своих прихожан, правители поднимали вокруг этого много шума, профессора, школьные преподаватели — все должны были воспользоваться такой возможностью. Никто не упускает ее. Ибо это способ осуждения других.

Всякий раз, когда кто-то расцветает... люди начинают осуждать всех и вся. Вместо того, чтобы наслаждаться лицезрением красоты цветения, они начинают всех осуждать, так как вы обязаны быть таким же — а никто таким же быть не может.

Есть книги наподобие книги Томаса Кемписа «Подражание Христу» — безобразные книги. Подражание? Если вы будете подражать Христу, будете ли вы Христом? Вы будете подражанием. Каким бы совершенным ни было подражание, это все равно подражание. А подражание уродливое явление.

Если вы всего лишь обычная галька на морском берегу, будьте ей! Но не подражайте Кохинору, ибо в глазах Бога нет разницы между Кохинором и прибрежной галькой. Оба красивы. И оба должны существовать, каждый по-своему Бог любит разнообразие. Только взгляните на мир: сколько в нем разнообразия! Любой человек так уникален и неповторим, незаменим. Никогда еще прежде не было никого подобного ему и никогда не будет больше никого подобного ему. Эти люди так пекутся о вас лишь для того, чтобы сделать из вас раба. А лучшая стратегия низведения людей до состояния рабов такова: рассказать людям, как стать похожими на Будду — ведь они на это не способны. Они станут чувствовать вину. Они будут чувствовать «У меня что-то не в порядке». А стоит только человеку почувствовать «у меня что-то не в порядке», как он оказывается в руках священника.

И вот — героиня.

А между тем у нее была одна черта, которую большинство людей, поглощенных очевидными достоинствами этой коровы, упустили из виду. И вот в чем она заключалась: как только ведро наполнялось молоком, которое, по общему признанию, не имело себе равных, она сразу опрокидывала его ударом копыта.

Это корова, судя по всему, была великой философской коровой. Философы все время только этим и занимаются. Какими бы ни были прекрасными их учения, все они тщетны. Из них ничего не выходит. Вот молоко, но его всегда опрокидывают. От него нет никакой практической пользы. Оно абсолютно бесполезно.

Но никто не замечал этого маленького недостатка. Однако люди, эксплуатирующие ситуацию, всегда будут называть его маленьким недостатком.

Я слышал...

Сваха превозносила добродетели девушки, своей клиентки: «И такая уж она красивая, и высокая, и хорошо сложена, и вкусно готовит, и проворная — все при ней».

«Однако вы упустили одну важную деталь», — заметил клиент.

«Это невозможно», — ответила сваха. — «Что же я могла пропустить?»

«Что она хромает», — сказал молодой человек.

«О!» — раздалось в ответ. — «Но это только когда она ходит!»

Или другой случай:

Сваха уверяла молодого человека, что у нее имеется для него на примете одна безупречная девушка.

- У нее рыжие волосы, — с гордостью объявила она.

- Вы говорите о Бекки, дочери портного? — воскликнул молодой человек

- Именно о ней, — просияла сваха.

- Да Вы с ума сошли! Она почти слепая!

- О чем тут беспокоиться? Это же замечательно. Она не увидит половины того, что ты будешь делать.

- Но она к тому же заика!

- И это благо. Женщина, которая заикается, будет опасаться говорить, поэтому у вас будет действительно мирная жизнь.

- Но она глухая!

- Мне бы такую удачу! При глухой жене ты можешь кричать, ты можешь горланить, сколько хочешь.

- Но она на двадцать лет старше меня!

- Ах, — сморщилась от отвращения сваха. — Я предлагаю тебе женщину с такими достоинствами, а ты мелочишься из-за одного маленького недостатка!

Люди, которые взялись эксплуатировать ситуацию, не беспокоятся, выйдет что-нибудь из нее или нет. Они продолжают вам внушать «Станьте Христом, станьте Буддой, станьте как Кабир...» Они твердят это из века в век, однако никто не оказался на это способным. И они все продолжают и продолжают. Это хороший бизнес. Это очень пагубно для человека, но для них это хороший бизнес. Они заинтересованы в том, чтобы вы чувствовали себя все более и более презренными, никудышными. Чем более никудышными вы себя почувствуете, тем легче вы станете их жертвами.

И они не заинтересованы менять тему. Они заинтересованы настойчиво вдавливать одну и ту же старую чепуху. Они время от времени меняют ее форму, язык, стиль, но они не заинтересованы менять.

Петерсон явился домой в три часа утра и увидел, что жена его лежит в постели и не спит.

«Где ты пропадал до трех часов утра?» — закричала она.

Пока она кричала, Петерсон открыл стенной шкаф и увидел там голого мужчину, съездившегося на полу.

«Кто этот мужчина?» — требовательно спросил Петерсон.

«Не меняй тему!» — заявила в ответ его жена.

Священники совершенно не заинтересованы менять тему. Вот почему они так на меня разгневаны — я пытаюсь изменить тему. Они слишком долго эксплуатировали человечество, и приемы их очень искусны.

Стоял жаркий июньский день Миссис Ринкельштейн отправилась в лавку купить веер.

«Какой веер Вы предпочитаете?» — спросил лавочник Леви. — «У нас имеются веера по пять центов, по двадцать пять центов и по одному доллару».

«Дайте мне за пять центов», — сказала миссис Ринкельштейн.

«Хорошо», — сказал Леви и протянул ей японский веер из тонкой бумаги.

Через десять минут миссис Ринкельштейн вернулась: «Посмотрите, какую дрянь вы мне продали!» — кричала она. — «Этот веер сломался».

«В самом деле?» — спросил Леви. — «А как вы им пользовались?»

«Как я им пользовалась?» — разозлилась миссис Ринкельштейн. — «Как пользуются веером? Я держала его в руке и махала им перед лицом туда-сюда. Вы что, никогда не пользовались веером?»

«О, нет, что Вы!» — оправдывался Леви — «Но пятицентовый веер вы должны держать вот так в обеих руках и махать перед ним туда-сюда своей головой».

Священники всегда правы. Если что-то не так, то это у вас. Но я хочу вам сказать это не у человека, а у священников все не так. У человека вообще нет ничего, что было бы не так. Это стоит провозгласить с крыш домов: человек именно такой, каким он должен быть. А если что-то и кажется не так, то это исключительно из-за той чепухи, которую втолковывали священники.

Людям втолковывалась неудобоваримая бессмыслица. А им нужна настоящая религия, которая бы их изменяла, которая бы их питала, которая бы делала их более осознающими. Им не нужны христианство, индуизм, ислам. Им нужна подлинная жизнь и пути к ней ведущие — не те, которые соответствуют кому-то другому, а те, которые соответствуют их подлинной природе. Им нужна свобода, им нужна спонтанность.

Выбросьте из своей головы всякий идеализм, выбросьте из своей головы всякие концепции совершенства. Будьте естественными. Будьте обыкновенными, и вы познаете Бога. Ибо лишь будучи обыкновенными, вы становитесь самыми необыкновенными.

2. Нет самости, нет другого

Первый вопрос:

Каково различие между Мастером и психотерапевтом?

Мастера нет, а психотерапевт есть. Мастер — это полый бамбук, только канал, по которому может снизойти божественное. Он не предоставлен самому себе. Ему нечего говорить, нечего делать — но через него случается многое. И только через него. Сам он не делает этого. Он является только наблюдателем. Он позволяет этому быть, он не препятствует этому. Он сотрудничает с этим, но не является его создателем. Он только средство передачи.

Психотерапевт есть. Он тот, кто делает, он хорошо осведомлен. В его распоряжении все знания, весь опыт. Он не полый бамбук, он не отсутствие. Поэтому через него не может случиться многого. Он способен выполнять лишь поденную работу; немного отполировать то здесь, то там, слегка побелить, чуть подогнать — и все. Работа его банальна. Работа человека неизбежно остается банальной. Один лишь Бог велик И огромно лишь то, что исходит от Бога.

Все что делает человек, неизбежно остается мелким, ничтожным — фактически незначительным или стоминутным. Но когда нисходит Бог, в ваше бытие проникает что-то вечное.

У психотерапевта есть знания об уме и о функционировании ума. А между тем человек в своем глубочайшем ядре это вообще не ум. Вот в чем проблема. Болезнь человека это не только болезнь ума — это духовная, метафизическая, экзистенциальная болезнь.

Физиолог и врач могут оказать вам помощь в отношении вашего тела; психолог и психотерапевт могут оказать вам помощь в отношении вашего ума, но все это лишь ваша поверхность. А вы это не ваша поверхность: вы — это ваша глубина. Ни врач, ни терапевт не могут коснуться той глубины. Той глубины может коснуться лишь Мастер — потому что он и есть та глубина.

Мастер — это не-ум. И это величайшее из всех возможных различий. У психотерапевта есть знания об уме, и сам он обладает культивированным, квалифицированным, образованным, натренированным умом. Он владеет секретами техники.

Мастер — это не-ум. У него нет техники. Он открывает ученику доступ к своему ничто, но это — целительная сила. Психотерапевт пытается исцелить, но это ему никогда не удастся. Мастер никогда не пытается исцелить, но это удастся ему всегда. Его любовь — это его терапия. Его любовь проистекает из его отсутствия.

И эта любовь является на самом деле Божественной любовью. Когда Иисус снова и снова говорит: «Я и Отец мой — одно», то он говорит именно эта не думайте обо мне как о самости. Я лишь представление. Я лишь символ. Я лишь дверь.

Смотрите через меня, и вы найдете запредельное. Мастер живет в совершенно иной реальности. Психотерапевт живет в той же реальности, в которой живете вы. Между вами и психотерапевтом нет качественного различия; между пациентом и врачом нет качественного различия. Все различие — это различие в знании, то есть качественное. Он знает больше, чем знаете вы, но сам он не больше чем вы! Он точно на этом же уровне. Ему не дают покоя те же тревоги. И тревожат те же кошмары.

Зигмунда Фрейда всю жизнь преследовал страх смерти. Как же он собирается помогать? А ведь это основатель психоанализа. Как же он собирается помогать? Вся его помощь может быть лишь претензией. Он сам дрожит. Он был до того напуган смертью, что одного лишь

упоминания слова «смерть» было достаточно... и у него уже проступал пот. Одного лишь упоминания было достаточно, и он уже падал в обморок. Причем так происходило не только с ним.

Карл Густав Юнг был точно таким же. Он до того боялся смерти, что не мог видеть мертвого тела. Он всегда хотел отправиться в Египет посмотреть на древние мумии. Он очень интересовался оккультизмом, и, конечно, египетские пирамиды хранят ключи от оккультных знаний, и эти мумии несут какое-то великое послание, которое нужно расшифровать И он об этом узнал. Он хотел поехать и много раз пытался это сделать Однако это ему никогда не удавалось. Он заболел. Как только он собирался ехать в Египет, он заболел — одной лишь мысли о лицезрении мертвых мумий, которым три тысячи лет, было достаточно, чтобы потрясти его до самых основ. И постепенно он начал осознавать, что всякий раз, когда он пытался устроить эту поездку, он заболел — эта болезнь была психологической.

Однажды это все-таки случилось он кое-как дотянул до аэропорта; несмотря на высокую температуру, вызванную страхом, он вошел в здание аэропорта — но так и не смог войти в самолет. И умчался из аэропорта домой. Он был до того напуган, что навсегда отказался от этой затеи и никогда не ездил в Египет посмотреть на эти мумии. А ведь он ими очень интересовался. Как же после всего этого эти люди собираются помогать?

Мастер знает, что смерти не существует — и знает не только от других, но и на своем собственном опыте. Он глубоко заглянул в свою жизнь, и смерть растаяла, подобно туману — испарилась Мастер — это тот, кто абсолютно свободен, и не только от патологической психологии, но свободен от психологии как таковой, свободен от ума. Он отсекает самый корень всех патологий.

Отношения между вами и психотерапевтом — это отношения между пациентом и врачом. Они не являются сокровенными и не могут ими быть Они профессиональны. Отношения между Мастером и вами — это отношения любви; они не профессиональны. Они сокровенны. Это самые сокровенные отношения Да, даже между влюбленными не существует такой близости, которая существует между Мастером и учеником. Это тесное единение. Это такое единение, в котором встречаются не только два тела, не только два ума, но два бытия.

На Западе психотерапевт пытается стать Мастером и происходит странное явление психотерапевт пытается стать Мастером, стать гуру — а священник, гуру пытается стать психотерапевтом! Священники теперь говорят о психотерапии, а психологи говорят о религии — потому что священники видят: все, что-они до сих пор продавали продать больше невозможно — оно устарело. Люди этим больше не интересуются Люди больше не интересуются теологией. Людям интересно узнать что-нибудь о своем уме и о его функционировании; людей больше интересует обретение лучшего ума, более эффективного, более спокойного, уравновешенного, сосредоточенного.

Поэтому священник мало-помалу движется от теологии к психологии. А психоаналитик, психотерапевт начинает осознавать, что реальные проблемы людей имеют не психологический, а религиозный характер.

Карл Густав Юнг сказал: «Наблюдая за свою жизнь тысячи пациентов, я пришел к важному своему заключению: люди, обращающиеся ко мне в сорокадвухлетнем возрасте или около того, на самом деле страдают не от психологических проблем — они страдают от религиозных проблем».

Я полностью согласен с Юнгом — именно в это время человек вдруг начинает осознавать смерть. Если в четырнадцатилетнем возрасте человек вдруг начинает осознавать секс, секс приобретает важное значение, и сексуальные фантазии одолевают его со всех сторон, и каждое явление приобретает сексуальную окраску — одежда, походка, его манера говорить и смотреть

— все начинает приобретать сексуальный оттенок; и точно так же в сорок два года он вдруг впервые сталкивается со смертью. Жизнь начинает идти на спад.

И нужно быть готовым ко второй фазе жизни. А современное общество не подготавливает людей ко второй фазе.

Вас готовили всю жизнь — в школах, колледжах, университетах — вас готовили почти двадцать пять лет! Вас учили, как жить, но вас совершенно не учили, как умирать. А это великое искусство.

Религия есть искусство умирать — как умирать радуясь, как умирать с аллилуйей на устах, как умирать танцуя. Как преобразовать качество смерти в качество самадхи. Как преобразовать переживание смерти в переживание общения с божественным.

Примерно в сорокадвухлетнем возрасте религия вдруг начинает приобретать важное значение. Однако современный человек этого не допускает, поэтому возникает тысяча и одна проблема. Юнг прав: люди страдают не от чего-то психологического, а от религиозного. Они нуждаются в таком понимании, которое помогло бы им пройти через смерть. Они нуждаются в осознании бессмертия души. Они нуждаются в чем-то, что является не частью тела, а частью запредельного, и чтобы они могли ему доверять. Они нуждаются в лодке, которая смогла бы переправить их на другой берег, когда они покинут свое тело.

Психологи начали осознавать, что проблемы людей в основе своей религиозны, и поэтому они превращаются в гуру. А священники и гуру, видя, что их прежние идеологии, их прежние боги устарели и никто не интересуется этими старыми богами и старыми священными писаниями... люди могут ничего не говорить из вежливости, но стоит только вам упомянуть слово «бог», как они чувствуют некоторую неловкость. Они начинают смотреть по сторонам. Им хочется как можно дальше уйти от этого предмета и этой темы. Они не желают слушать об ангелах, рае и аде. И, уж конечно, их не интересуют так называемые великие теологические проблемы — например, сколько ангелов могут танцевать на острие булавок. Подобные вещи теперь глупо выглядят. Человек вырос из всего этого. Все это пережитки прошлого.

Вот такое происходит странное явление. Но помните: когда священник говорит о психологии, он выглядит глупо, так как пытается протащить через черный ход религию. Ему не удастся найти никаких других доказательств, вот почему он изучает теперь психологию. А психологии не удастся предоставить никаких доказательств. А потому все доказательства, которые он собирает из психологии, лишь мнимые, искусственные, произвольные, кое-как состряпанные и подтасованные, но не обладающие никакой ценностью. Он глупо выглядит.

Так же обстоят дела и с психотерапевтом, превратившимся в гуру — ибо вы можете стать Мастером отнюдь не с помощью одних лишь знаний: вы должны вырасти в бытии. Ни один университет не может вас к этому подготовить. Вы должны идти внутрь самих себя. Вам предстоит проделать долгий путь в своем внутреннем мире.

Поэтому что бы ни говорил психолог или психотерапевт о религии, все это остается только преградой, всего лишь философией. Его личность отнюдь не свидетельствует об этом.

Я слышал..

«У Вас все в порядке», — сказал психотерапевт пациенту — «Вы такой же здравомыслящий, как и я». «Но доктор!» — вскричал пациент, яростно от чего-то отмахиваясь, — «эти бабочки — они осаждают меня повсюду».

«Ради Бога», — закричал доктор, — «не стряхивайте их на меня!»

И этот человек сошел с ума! Нет никаких бабочек — но как долго сможете вы оставаться в здравом рассудке, если работаете с сумасшедшими? По результатам наблюдений за людьми из сумасшедшего дома, самым сумасшедшим из них является врач. В результате постоянной работы с сумасшедшими вместо того, чтобы их излечивать, что, безусловно, трудно, он сам начинает

мало-помалу меняться под их воздействием.

В самом разгаре своего курса психиатрического лечения миссис Блюссом вдруг воскликнула: «Доктор, мне кажется, что я в вас влюблена. Как насчет поцелуя?»

«Ни в коем случае», — возмутился доктор. — «Это противоречило бы этике моей профессии. Итак, продолжим».

«Ладно, как я уже говорила», — продолжала пациентка, — «я всегда спорю со своим мужем насчет его отца, и вот вчера... Простите, но это мне опять лезет в голову. Что плохого было бы в том, если бы вы подарили мне один маленький поцелуй?»

«Это абсолютно невозможно!» — вспыхнул доктор. — «Мне не следовало бы даже ложиться с вами на одну кушетку!»

Психотерапевт не многим отличается от вас, не может отличаться. Он чуть больше, чем вы, знает об уме. Но большим знанием об уме ничему не поможешь. Необходимо выйти за пределы ума.

Психотерапия считает, что есть ум здоровый и ум нездоровый — а между тем опыт Будды совершенно другой ум как таковой — нездоровое явление. Здорового ума не существует. Ум и нездоровье — синонимы. Поэтому вы не сможете сделать ум здоровым. Да, вы сможете сделать его более приспособленным, вы сможете сделать его в меру нездоровым, в меру невротичным. Но вам не удастся сделать ум здоровым. Это невозможно. Как вы сможете сделать здоровой болезнь? Если у вас болезнь, то вы уже нездоровы. Ведь вы не можете сказать: «У меня теперь очень здоровая болезнь».

Ум — это болезнь! Мастер — тот, кто увидел это и вышел за пределы ума, кто живет в стране не-мысли, кто живет в той абсолютной тишине. Но из-за той абсолютной тишины становится возможным невозможное. Одно лишь пребывание рядом с Мастером — это пребывание в исцеляющем присутствии.

Мастер не врач, но его присутствие — лечение. Присутствие его заживляет, заживляет раны столь многих жизней. Но его процесс лечения не психологический, он экзистенциальный. Он не занимается лечением каждой вашей отдельной болезни: он просто одним ударом отсекает самый корень. Он отсекает ум. Ветви и листья его не волнуют.

А психотерапевт все отсекает и отсекает листья. У вас такой-то страх, и психотерапевт годами будет пытаться вылечить его методом психоанализа, и вы кое-как приспособитесь к этому страху.

Один человек все время мочился ночью в постель. И вот ему уже стукнуло тридцать пять — и стало уже слишком поздно. Он был женат, у него были дети. И теперь уже пришло время мочиться в постель детям — а он до сих пор мочился сам.

«Почему бы тебе не обратиться к психотерапевту?» — посоветовала ему жена.

И он обратился. За этим последовал длительный курс психотерапии... ведь анализ — это долгий процесс, к тому же весьма дорогостоящий. И вот спустя шесть месяцев друг спрашивает его: «Ну как дела?»

«Отлично», — ответил он. Он был бодрым и весь сиял от радости. «Отлично», — сказал он. — «Я нашел величайшего психотерапевта в мире».

«Так он тебя вылечил?» — осведомился друг.

«Нет», — ответил он, — «но я не чувствую своей вины за это. Он убедил меня, что это совершенно естественно, нормально — на самом деле он сам это делает».

Психотерапевт сидит в той же самой лодке, в которой сидите вы. И все, на что он способен, — это незначительная поденная работа.

Мастер же убивает вас, разрушает вас до последних основ — и дает рождение новому человеку. Мастер становится вашей матерью, чревом. Быть учеником — значит войти в чрево

Мастера. Это смерть и воскрешение.

Второй вопрос:

*Под ливневым суфийским небом пребывая
И гордости исполняясь за меня,
В сиянье мудрость струиться,
И звучный голос песни поет,
И полнота в величии своем
Паденье и подъем
С дыханьем в унисон свершает.
И мир парит и крыльями трепещет
И возгорается в душе моей глубоко.»
Ошо,
Молитва ли это?*

Да, Венанда, это молитва. Молитва это не формальность. Чтобы помолиться, вам не нужно идти в церковь — те же, кто идут, не понимают, что такое молитва. Вам не нужно идти в храм, мечеть или гурудвару — те же, кто, идут, только претендуют.

Молитва — это что-то от сердца. Она может случиться где угодно. Где бы она ни случилась, там и находится храм. Вам не нужно идти в храм, чтобы помолиться, но где бы вы ни молились, вы этим создаете храм, невидимый храм. И где бы человек ни склонялся в молитве перед существованием, это место становится священным.

Для молящегося сердца любой камень становится Каабой, любая вода становится водой Ганга. Для молящегося сердца любое дерево — это дерево Бодхи. Вопрос не в формальности: вопрос в чувстве вознесённости. Да, молитва означает именно это: когда вы начинаете вдруг чувствовать вознесённость, когда сила тяжести больше не давит на вас, когда вы знаете, что все исчезнет и вы невесомы; когда нет прошлого, камнем висящего у вас на шее, и нет будущего, сбивающего вас с толку и уводящего от настоящего — тогда это мгновение — все, это здесь, вот это мгновение — все во всем, и что-то открывается в сердце, и льется аромат. Иногда словесно, иногда в молчании. Иногда в бессмысленных словах, иногда как в детском лепете. Иногда она становится песней или танцем. А иногда вы просто сидите, как Будда — в полном молчании, без движения; иногда это центр циклона.

У молитвы не бывает жесткой формы. Как только вы придаете ей жесткую форму, вы ее уничтожаете. Молитва — это спонтанность. И всякий раз, когда она приходит, она приносит новый аромат. Вам не дано ее предугадать. Когда она приходит, она всегда приходит неожиданно — вам не дано вызвать ее принуждением. Да, вы можете ее пригласить, но вы не можете выдать ее по заказу. Когда она приходит, она приходит. Она приходит, как бриз, и вот вы уже наполнены ею. А потом она уходит. Красив ее приход — и уход ее тоже красив. Когда она приходит, она омывает и отогревает вас. Когда она уходит, то оставляет всегда за собой великую тишину, первозданную тишину. Подобно уходу шторма, оставляющего после себя полную тишину.

Красив ее приход — и уход ее тоже красив. Но не думай ни одного мгновения, Венанда, что ты можешь ее устроить. Если ты попытаешься ее устроить, ты упустишь ее спонтанность. Ты убьешь ее. И тогда она уже не будет птицей, вознесшейся в небо. Тогда она будет лишь птицей в твоей золотой клетке — она будет лишь как эта птица. Куда девалась ее красота? Ведь красота — это неотъемлемая часть свободы. Без свободы красота существовать не может. Всякий раз, когда утрачивается свобода, утрачивается и красота. Рабство уродливо.

Да, птица была красива, когда она взлетала на крыльях в небо и пела с облаками. То было великое благословение. Когда она парила на крыльях высоко в небе и плыла в отпускании. И то была великая радость. Одно лишь наблюдение за ней было экстазом. Но вот ты хватаешь птицу и собираешься заткнуть ее в клетку усыпанную бриллиантами — на что птице бриллианты? Что птице золото? Ее золото — это открытое небо, а ее бриллианты — свободно плывущие облака, и солнце, и луна, и звезды.

Птица в клетке кажется живой, но она больше не жива. Это всего лишь видимость Такова и молитва. Если ты управляешь ей, то она — птица в клетке. Никогда не управляй молитвой Это великое. И человеку надлежит относиться к этому великому с большим почитанием.

Но человек не был почитающим! Вот почему в мире теперь столько молитв — молятся индуисты, молятся мусульмане, молятся христиане — вся молятся — и где же молитва? Если бы в мире действительно было столько молитвы, мир был бы раем. Если бы столько молитвы исходило из сердец, то облака молитвы окутали бы всю землю и посылали б ей свои благодатные дожди. А между тем создается такое впечатление, что повсюду царит одна лишь ненависть, насилие, война. А молитву нигде не найти. Здесь что-то не так Эта молитва искусственна.

Вандана, что бы ни случилось с тобой, позволь этому случиться. И никогда за это не цепляйся. А ум пытается за это уцепиться. Вот почему я настаиваю на том, чтобы ты оставалась сознающей. Ведь всегда, когда случается что-то красивое, ум так и норовит это сохранить — он очень жаден — всегда, когда случается что-то красивое, он тут же норовит за это уцепиться Тут же норовит стать хозяином этого, да так, чтобы он мог вызывать это снова и снова, как только пожелает.

Но существуют вещи, которые вам не подвластны: любовь, медитация, молитва, красота, грация, Бог. Они вам не подвластны! Самое большое, что вы можете — это открыться, пригласить их и ждать. Но вы не можете их притянуть Притянув, вы получите что-то искусственное, таинственное. А настоящее к вам так никогда и не придет. Это такие вещи, которые вы можете взять лишь открытыми ладонями.

А между тем ум твердит «Пока это здесь, не упusti момент — хватай. Держи это в своем кулаке или запихни в свой сейф — и запри его на замок».

Но вы не сможете запереть в сейф цветы. Вы сможете запереть деньги, потому что деньги мертвы. А цветы вы запереть не сможете, потому что они живые. Они должны цвести на дереве, коренясь в земле, коренясь в солнце, коренясь в ветре. Они способны жить только так. Отсеки от них все источники жизни, и они умрут, испуская омерзительную вонь Да, это молитва.

Под ливневым суфийским небом пребывая

И гордости исполнясь за меня,

В сиянье мудрость струиться,

И звучный голос песни поет,

И полнота в величии своем

Паденье и подъем

С дыханьем в унисон свершает.

И мир парит и крыльями трепещет

И возгорается в душе моей глубоко.-

Ошо,

Молитва ли это?

Да, это молитва. И теперь наблюдай Теперь она приходит, и пусть она уходит... Никогда не мешай этому процессу Когда она приходит — чувствуй благодарность. Когда она не приходит — жди. Не сетуй — она придет. И будет приходить снова и снова. Если только ты можешь ждать,

ждать и терпеть. И терпеть, она непременно придет. Она всегда приходит.

Третий вопрос:

Ошо, расскажите что-нибудь еще о самопознании. Это единственное, что меня интересует и составляет предмет моего исследования.

Самопознание — это противоречие в понятии. Когда оно на самом деле происходит, то нет ни самости, ни познания. Если есть самость, оно не может происходить. Если есть познание, это значит, что оно не произошло. Поэтому прежде всего необходимо понять следующее.

Первое: чтобы произошло самопознание, самость должна исчезнуть. Вы должны все забыть о вашем эго. Вы должны пребывать в состоянии без-эго.

И второе: вы должны также все забыть о познании. Если вы постоянно жаждете познать, то сама эта жажда будет вам помехой. Бог открывает себя лишь тем, кто ничего не жаждет, кто ничего не желает — даже того, чтобы познать Бога. Тайны открываются лишь тем, кто просто пуст, кто не требует Бога. Они ждут с открытыми глазами, они ждут с открытыми сердцем, но не требуя.

Ваше требование в основе своей ориентировано на эго. Почему вы хотите знать? Потому что знание дает власть. Постарайтесь это понять. Знание есть власть. Чем больше вы знаете, тем больше становится у вас власти. Эго всегда заинтересовано в многознании. Если вы знаете природу, вы обретаете власть над природой. Если вы знаете людей, вы обретаете власть над людьми. Если вы знаете свой собственный ум, вы обретаете власть над своим собственным умом. Если вы будете знать Бога, вы обретете власть над Богом.

Стремление к познанию по своей сути есть стремление к власти. А как вы можете властвовать над реальностью? Сама эта идея нелепа. Позвольте лучше реальности властвовать над вами... расслабьтесь. И позвольте лучше реальности вами обладать, чем самим обладать реальностью.

Чтобы действительно быть в состоянии самопознания, нужно забыть о себе и обо всех исследованиях познания. Тогда оно случается. Оно случается только тогда.

В истории человеческого сознания существовали три попытки в связи с самопознанием.

Первая попытка — это попытка реалиста. Реалист отрицает самость: он говорит, что внутренней самости не существует, субъекта не существует, существует только объект, вещь, мир. Это его способ избегания внутреннего путешествия. Внутреннее путешествие опасно. Вам придется все потерять! Самопознание и все остальное, корни и все остальное — вам придется все потерять. Реалист не может пойти на риск. Он прибегает к объяснениям. Он говорит: «Душа не существует, самость не существует. Все это принадлежит миру объектов». Поэтому он обращается к познанию объектов. Он забывает о субъективности и имеет дело с объективностью. Этим и занималась наука на протяжении трехсот лет. Это путь бегства от самого себя.

Второй путь — это путь идеалиста, утверждающего, что объекта не существует, что мир есть майя — иллюзия. Вовне познавать нечего, поэтому закрой глаза и отправляйся внутрь. Подлинным является только познающий, а познаваемое — иллюзорно. Реалист говорит, что подлинно только познаваемое, а познающий иллюзорен, идеалист говорит, что подлинным является только познающий, а познаваемое иллюзорно. Вы только взгляните на эту несуразицу: как же может существовать познающий, если нет познаваемого? И как может существовать познаваемое, если нет познающего?

Потому идеалист и реалист выбирают лишь части реальности. А другой половины они боятся. Реалист боится идти внутрь, ибо идти внутрь — это то же, что идти в пустоту, в

крошечную пустоту Это свалиться в бездонную яму, в пропасть... и невозможно ничего предвидеть. Где ты приземлишься, и существует ли вообще приземление.

Реалист боится познающего, поэтому он его отрицает. Из страха он говорит, что его нет: «Я имею дело исключительно с познаваемым, с объектом». А идеалист боится объекта, мира, очарования мира, магии мира. Он боится затеряться в желаниях и страстях Он боится попасть в ловушку вещей, денег, власти, престижа. Он так боится, что говорит. «Все это сон. Совершенный мир не является реальным. Реальный мир внутри».

Но и тот, и другой правы только наполовину. И помните: истина наполовину гораздо хуже, чем стопроцентная ложь. Стопроцентная ложь, по крайней мере, имеет одно качество — качество полноты. В стопроцентной лжи одно прекрасно: она не способна долго вас обманывать — ибо это такая ложь, что даже дурак рано или поздно увидит, что это ложь. Но истина наполовину опасна: даже умный может попасться на ее удочку.

И существует еще третий путь; путь мистика. Он принимает и то, и другое, и отрицает и то, и другое. Это мой путь. Он принимает и то, и другое, потому что говорит: «На одном плане существует и то, и другое: познающий и познаемое, субъект и объект, внутреннее и внешнее. Но на ином плане оба исчезают, и остается лишь одно — ни познаваемое, ни познающий».

Подход мистика целостный. И мне бы хотелось, чтобы вы поняли подход мистика как можно глубже. На одном уровне правомерны оба. Когда вы спите, сон на самом деле подлинный и спящий подлинный. Когда вы утром пробуждаетесь, то все это больше не является подлинным. Теперь уходит спящий и уходит сон — оба ушли. Теперь вы бодрствуете. Теперь вы существуете на совершенно ином уровне сознания.

Когда человек невежественен и бессознателен, то подлинным является мир и подлинным является эго. Когда человек становится сознающим, когда он обретает качество Будды, тогда нет мира и нет никакого эго — оба исчезли. Но то, что оба исчезли, не означает, что ничего не осталось: оба исчезли друг в друге. Осталось только одно, а двух не осталось. Познающий и познаемое стали едины.

И это единство есть то, что на самом деле подразумевалось под самопознанием. Впрочем, это неправильное слово. Ни одно слово не может быть правильным. Ни одно слово не может быть правильным в отношении такого великого опыта, который выходит за пределы двойственности.

Человек пытается двумя способами преодолеть это теоретико-познавательное разделение на две части, что внутреннее присуще самопознанию. Первый способ — это ограничение своего познания объектами мира несамости. Но это способ избегания самопознания. Люди, желающие избежать самопознания, осуждают его как интроверт-ное, асоциальное, аномальное, даже извращенное. Они называют его одним из видов интеллектуальной маструбации, разглядывание собственного пупка, а этих людей они называют праздными мечтателями, поэтами, мистиками, блуждающими где-то вдали от реальности.

Насколько стремление к исследованию в естественных науках мотивированно попыткой отвлечь наше внимание от самих себя? На этот вопрос должен быть дан ответ.

Люди начинают интересоваться научным исследованием — почему? Их что, действительно интересует какой-то научный проект? Или они просто пытаются избежать вхождения вовнутрь? То, что они избегают вхождения во внутрь, более вероятно.

Альберт Эйнштейн сказал перед смертью, что, если бы Бог дал ему еще один шанс родиться, он бы не стал снова ученым. Его друг, находившийся у постели умирающего, спросил: «Кем бы ты тогда хотел стать?»

И тот ответил: «Кем угодно, но только не ученым. Я предпочел бы стать хоть водопроводчиком, но только не ученым».

Почему? Альберт Эйнштейн был очень чувствительным и очень интеллигентным человеком, который мог бы спокойно стать Буддой. Иметь такой потенциал и упустить — и все из-за того, что он направил все свои познавательные способности на объективный мир. Он слишком интересовался звездами, временем, пространством и т.д., и он совершенно забыл о самом себе. Он был до того вовлечен в другие вещи и другие проблемы, что совсем забыл о том, кто он и что себе тоже нужно уделять какое-то время

Один из социалистических вождей Индии, доктор Рам Монохар Лохия пришел к нему в гости. Он рассказывал мне, что, когда он пришел к Альберту Эйнштейну ему пришлось ждать шесть часов. Время было назначено самим Альбертом Эйнштейном. Но снова и снова появлялась его жена, принося то хлеб, то что-нибудь еще, и говорила: «Извините, но он принимает ванну». Так долго?

Доктор Лохия спросил: «И сколько времени намерен он принимать свою ванну?»

«Никто не знает», — ответила жена, — «ведь, когда он сидит в ванной, он начинает думать о великих вещах. И совершенно забывает, где он находится. И нам не разрешается его отвлекать, потому что он может нащупать какую-нибудь тонкую цепочку мыслей, и, если мы ему помешаем, то это может оказаться потерей для человечества».

Доктор Лохия еще больше заинтересовался. «Но что он делает, когда там сидит?» — спросил он.

«Пожалуйста, не спрашивайте...» — ответила жена. — «Он играет мыльными пузырями и все думает, думает. Все решенные им великие проблемы были решены в ванной».

Вы, должно быть, слышали о рассеянности великих ученых. И это не только шутки — в них есть доля истины. Они теряют следы своего собственного бытия.

Вот что рассказывают об Иммануиле Канте: однажды вечером он возвратился домой и постучал в дверь. Уже темнело, и выглянувший из окна верхнего этажа слуга сказал: «Хозяина нет дома».

Это был дом Иммануила Канта, он был хозяином, а слуга подумал, что кто-то пришел к хозяину. Поэтому он сказал «Хозяина нет дома. Он ушел на прогулку».

«Хорошо», — сказал Иммануил Кант. — «Я приду попозже».

И он ушел! Прошел час, прежде чем его вдруг осенило: «Что за шутку сыграл со мной слуга? Хозяин ведь я!»

Если вы слишком поглощены внешним, то вероятно, что все ваше сознание начнет двигаться во внешнее. Ничто не указывает на вас самих.

Иммануил Кант вернулся домой в другой вечер. Обычно он носил с собою трость. Он зашел в комнату и забыл, что это, и тогда он положил трость на кровать, а сам встал в угол. И только среди ночи он понял, что здесь что-то не так.

Это действительно возможно. Можно на самом деле стать настолько одержимым объективным... что потеряешь все следы самого себя. Можно уйти в тень. Ученые живут в такой тени. Философы живут в такой тени.

Субъективность устраняется тогда, когда возобладают объект и интерес к объектам. Онтологический империализм научной методологии — это давящая опасность. Одно дело считать, что, если что-то не может быть познано научными методами, то оно не может быть познано, и совсем другое дело считать, что, если что-то не может быть познано научными методами, то оно не существует.

И как только вы становитесь одержимы объективным, тогда вы, естественно, становитесь одержимы и научной методологией — тогда она становится единственным правильным методом познания. И если что-то не достаточно этому методу то вы не только говорите, что его нельзя познать, вы мало-помалу бессознательно, безотчетно начинаете утверждать, что, если его

нельзя познать научным методом, то оно не может существовать. Вот почему ученые продолжают утверждать, что Бога не существует. Однако дело не в том, что Бога не существует — все дело в их методологии. Их методология годится для объекта, а Бог — это ваша субъективность. Их методология подразумевает хватание всего, что от вас отделено. А Бог от вас не отделен: Бог есть ваше сердцевинное существо, ваше внутреннее.

С помощью научных методов невозможно доказать любовь. Но это не означает, что любви не существует. Для нее нужна иная методология, иной подход, иное видение, иной способ восприятия.

Ученый избегает проблемы самопознания, все более и более сосредотачивая свой интерес на объективном мире. Все более и более погружаясь в предметы, он все дальше и дальше уходит от самого себя.

Существует и третья попытка избежать дихотомии субъект-объект — таков путь мистика. Один способ избежания проблемы субъекта и объекта — способ ученого: существует только один объект. Другой способ избежания этой дихотомии — а она неразрешима — способ идеалиста: объявить, что мир иллюзорен, что его не существует, что он майя — так что закрой свои глаза. Оба неправы. Третий метод — это метод мистика: он трансцендирует. Он не отрицает реальности объекта, он не отрицает реальности субъекта — он принимает реальность обоих. И наводит между ними мост.

В этом состоит смысл знаменитого утверждения Упанишад «Тат — твам — аси» — «это — ты». Это наведение моста. И в этом наведении моста случается самопознание, исчезает знание, и остается познание. Ясность, прозрачность. Все проясняется. И нет никого, кому ясно, и ничего, что ясно — но ясно все. Есть одна лишь ясность и ясность..

Буддисты называют это сказочной страной Будды. Там все ясно, благоухающе, прекрасно, исполнено фации. И великолепие открывает свои двери.

Мистики преодолевают эту проблему стремясь к такой форме познания, в которой познающий и познаваемое сливаются в единое целое. Теперь уже ничто не упущено в понятие «познание». Познание нельзя разделить на непосредственное и опосредованное. Все познание опосредованно. Познание — это приветствие кивком головы, а не объятие. Это утверждение, символизация, обобщение, анализ. В каком-то смысле познание — это форма фальсификации, ибо реальность конкретна, особенна, специфична, неанализируема. Познание — сухой и мертвый факт — это не переживание. А переживание — это не познание, но познавание.

Вот почему Кришнамурти всегда употребляет слово «переживание» вместо слова «опыт». И он прав. Он преобразует существительное в глагол: он называет это переживанием. Всегда помните: преобразуя существительные в глаголы, вы будете ближе к реальности. Не называйте это познанием — называйте это познаванием. Не называйте это жизнью — называйте это проживанием. Не называйте это любовью — называйте это влюбленней. Не называйте это смертью — называйте это умиранием.

Если вы сможете понять, что вся жизнь — это глагол, а не существительное, то за этим, как тень, последует великое понимание.

Нет самости и нет другого.

Великий еврейский мистик и философ Мартин Бубер говорит, что молитва — это переживание «я» и «ты», диалогическое переживание, диалог. Да, молитва такова в начале, но не в конце. Молитва есть диалог между «я» и «ты» для начинающих. Но для достигших молитва не диалог, ибо ни «я», ни «ты» не существует — существует лишь единое. Диалог существовать не может. Это не сообщение: это единение. Это даже не союз, но целостность.

Самопознание — явление великой важности. Нет ничего важнее его. Но помните две эти западни: одна — это отрицание субъективности и превращение в реалиста: другая — это

отрицание реальности и превращение в идеалиста. Избегайте две эти западни. Идите ровно посередине.

И тогда вы будете изумлены: самость исчезла, знание исчезло. И тогда наступает познание. Нисходит великий свет, свет, преобразующий не только вас, но и весь ваш мир. Сообщают, что Будда говорил: «В то мгновение, когда я стал просветленным, просветленным стало для меня все существование». Это истина. Это случается именно так. Когда ты становишься просветленным, все существование наполняется светом и остается наполненным светом. Даже тьма начинает сиять, даже смерть становится новым способом проживания

Четвертый вопрос:

Почему Вас так трудно понять?

Я так прост — должно быть, с вами что-то не так. Должно быть, вы хорошо осведомлены. Должно быть, вы носите в себе громадную массу предрассудков. Ведь то, что я говорю — это такие простые истины; сделать их проще уже невозможно. Но вы, верно, ожидаете услышать что-нибудь другое — и тогда возникают проблемы.

Я говорю одно. А вы ожидали услышать что-нибудь другое. И возникает противоречие. И, естественно, если вам что-то противоречит, вы не можете этого принять. Это вызывает сумятицу. Я здесь для того, чтобы все вам прояснить, но если у вас есть идеи, первичные идеи, устоявшиеся подходы, предрассудки, стереотипы, тогда мои простые высказывания вступят в противоречие с вашими глубоко укоренившимися верованиями, и возникнет сумятица. Тебе хочется услышать что-то другое... и если я это говорю, тогда все хорошо. Ты говоришь: «я понимаю». Именно это ты имеешь в виду, когда говоришь «да, я понимаю». Это значит, что я соглашаюсь с тобой, но я не обязан с тобой соглашаться. Как я могу с тобой соглашаться? Если я буду с тобой соглашаться, то как я буду тебя изменять?

Вся надежда, все упование на, мое несогласие с тобой, ибо это единственная для тебя возможность перерасти самого себя.

А между тем происходит следующее. У вас имеется определенная идея. Я что-то говорю, а вы либо не слышите то, что я сказал, либо мои слова наносят вам удар, ранят ваши убеждения, вы начинаете беспокоиться, и в этом беспокойстве вы не можете услышать, что было сказано. А ведь я говорю такие простые вещи.

Муж опять пришел домой пьяный. Жена не вытерпела и стала на него кричать: «Если ты не прекратишь это поганое пьянство, я наложу на себя руки».

«Обещания — это все что я получаю. Одни обещания», — отреагировал несчастный муж.

Очень трудно услышать то, что было сказано. Вы слышите лишь то, что можете услышать.

Мать слушала, как ее шестилетний ребенок отвечает урок математики: «Три плюс один доит в суке четыре», — говорил он. — «Три плюс два доит в суке пять. Три плюс три доит в суке шесть».

Мамина челюсть отвисла о изумления: «Джони, где это тебя научили так говорить?» — гневно спросила она.

«А да это нас так в школе учат», — ответил Джонни.

Не в состоянии в такое поверить, мама Джонни отправилась к учительнице и потребовала объяснения. Однако учительница была так же шокирована, как и мать: ей не приходило в голову, где Джонни научился подобным словам. Но, в конце концов она поняла, что случилось.

«Все ясно», — засмеялась она. — «Мы учим детей говорить: «три плюс один дает в сумме четыре», «три плюс два дает в сумме пять!»

Я могу говорить одно... вы можете слышать другое. Тогда приходится очень нелегко. Я

говорю, исходя из своих представлений, вы же слышите, исходя из ваших представлений. И здесь огромная разница. Поэтому каждое сказанное вам слово переводится вами даже не смотря на то, что я вам говорю на понятном вам языке — оно все равно переводится

Консультант по брачным вопросам советовал невесте: «Прежде всего я должен вам сказать, что если вы хотите сохранить интерес к себе со стороны вашего мужа, вы никогда не должны раздеваться в его присутствии, когда остаетесь с ним наедине. Всегда оставляйте для него маленькую тайну».

Через два месяца муж говорит своей новобрачной: «Скажи мне, Джейн, у тебя в роду есть сумасшедшие?»

«Конечно, нет!» — запальчиво ответила та. — «А почему ты меня об этом спрашиваешь?»

«Ну», — засмеялся он, — «меня просто удивляло, почему вот уже два месяца после нашей свадьбы, когда ты ложишься в постель, ты никогда не снимаешь шляпу».

Люди понимают по-своему. Это может вызвать у вас затруднения. Вам придется ближе подойти к моим представлениям. То, что я говорю, на самом деле очень просто. Это совсем не сложно.

И вам придется оставить свое прошлое. Приходите ко мне свежими, чистой доской, чтобы я смог написать что-то, что случилось со мной. А если доска ваша будет исписана вдоль и поперек, я все равно буду писать, но вы так запутаетесь, что едва ли сможете разобрать, что же там написано. Все остальное, что вы носите в вашей голове, перепутается с тем, что я буду говорить. И это никогда не достигнет вас в том виде, в котором я говорю.

Слушайте меня не головой а сердцем. Слушайте меня не с позиции аргументирования, а в глубоком проникновении, любви, симпатии. Не будьте зрителями — будьте участниками. Вступайте во взаимосвязь со мной. Это единственный способ понять то, что вам говорится, ибо то, что вам говорится — это не простое сообщение. Это пламенеющий огонь Если вы только позволите, он преобразует вас, он вас преобразит. Если вы только позволите, вы никогда не останетесь прежними. Если вы только позволите, он будет вашим новым рождением.

И последний вопрос:

Я чувствую тоску по дому — что это значит?

Откуда же мне знать? Это может означать что-то действительно великое, метафизическое. Мистики говорят, что они чувствуют тоску по дому, но в этом случае они имеют в виду, что они стремятся к изначальному источнику высшему дому. Они стремятся к Богу. А что касается тебя, то я не знаю. Может, ты просто чувствуешь тоску по дому!

Послушайте эти истории:

Странствующий торговец зашел в харчевню и стал давать официантке такие указания: «Видите ли, мне нужна яичница из двух яиц, и чтоб она была подгоревшей. И принесите мне два жженных тоста, а также чашечку кофе, разбавленного такого, тепловатого, который почти невозможно пить».

«Что?!» — воскликнула официантка. — «Ничего себе заказ!»

«Да, да, именно это», — настаивал торговец. — «Принесите мне именно то, о чем я вас попросил».

Официантка вернулась на кухню и сказала шеф-повару, что какой-то чокнутый малый сделал вот такой заказ. Повар приготовил все именно так, как и было заказано. Официантка принесла этот жалкий завтрак и холодно сказала: «Что-нибудь еще, сэр?»

«Если можно», — промолвил странствующий торговец, — «пожалуйста, сядьте со мной и начните меня «пилить». Я тоскую по дому».

Или вот эта история.

Раздраженные друг другом супруги крепко повздорили. Взбешенный и разъяренный муж схватил пиджак и выбежал из дому. Чтобы немного прийти в себя, кипевший от гнева супруг сел в метро и поехал к Гранд Централю. Там он зашел в несколько баров, горя желанием «забыться». Вскоре он почувствовал, что повеселел.

К двум часам несчастный супруг решил, что он уже достаточно нализался, чтобы «проглотить» порции ругательств от своей жены. Он вышел из бара и направился по Восьмой Авеню искать станцию метро.

Поравнявшись с Медисон Гарден, он взглянул наверх и в ярком неоновом освещении увидел ослепительно сверкающую надпись «Большая битва сегодня вечером». Он остановился, присмотрелся получше и вздрогнул: «Наконец-то я дома».

Я не знаю, что ты имеешь в виду в своем вопросе. Ты говоришь: «Я чувствую тоску по дому — что это значит?» На самом деле ты должен это знать. Если это тоска по Божественному дому я могу указать тебе путь. Ведь каждый испытывает тоску по дому, пока не найдет Бога. Мы потеряли свой рай. Мы узнали, каким он должен быть, какая это красота — и мы его потеряли. Мы узнали его еще в чреве матери. Память преследует. Не умственная память, а та, которая есть в каждой клетке тела, в каждой фибре вашего существа. Она неотступно преследует. Она продолжает преследовать, она вызывает в вас такое чувство, что что-то упускается, что все идет не так, как надо. Она продолжает побуждать вас к какой-то возможности.

И цель эта — Бог, или назовите ее истиной или Нирваной или чем хотите. Если вы чувствуете тоску по дому в этом смысле, то я могу вам помочь. А если вы чувствуете тоску по дому в другом смысле, идите к Дикше — она продает обратные билеты.

3. Исходя из контекста

Один суфийский учитель, подлинность которого была вне всякого сомнения, рассказывал, как был разоблачен ложный суфий: «Настоящий суфий послал одного из своих учеников ему в услужение. Тот ученик и днем, и ночью предупреждал каждое желание самозванца. И все теперь увидели, как нравились мошеннику эти знаки внимания, и люди один за другим стали его покидать, пока он не остался совсем один».

Один из слушавших эту историю подумал про себя: «Какая изумительная идея. Пойду-ка и сделаю то же самое».

И он отправился туда, где должен был находиться лжеучитель и выказал огромное желание быть принятым в ученики. В течение трех лет он проявлял такое рвение, что привел к тому сотни приверженцев. «Этот мудрец, должно быть, и впрямь великий человек», — говорили они между собой, — «раз вызывает в своем ученике такую преданность и самопожертвование».

Тогда этот человек вернулся обратно к тому суфию, от которого он услышал эту историю, и рассказал ему, что произошло. «Истории ваши не заслуживают доверия», — сказал он. — «Потому что когда я попытался применить одну из них на практике, произошло обратное».

«Увы», — промолвил суфий, — в твоей попытке применить суфийские методы был один изъян. Ты не был суфием».

Суфизм это не доктрина, а мастерство, метод внутреннего преобразования, алхимический способ превращения низшего в высшее, неблагородного металла в золото. Он не верит в разговоры о Боге. Он скорее верит в создание Бога. Он не верит в грандиозную философскую аргументацию — все это мусор. Он делает акцент на разрушении человеческой механистичности, на деавтоматизации человека, высвобождении в нем осознанности.

Самовоспоминание — в этом вся его философия.

Если вы способны понять одно-единственное слово — «самовоспоминание», это значит, что вы поняли все, в чем заключается суфизм.

Человек живет, но без всякого воспоминания о том, кто он. Вы можете проделать тысячу и одну вещь, но неудача будет вашим роком. Вы обречены на неудачу, потому что бессознательное терпит неудачу. Успех принадлежит только сознанию, ибо только через сознание вы становитесь частью божественного космоса. А будучи бессознательными, вы остаетесь отъединенными. Будучи бессознательными, вы ограничиваетесь своими эго, вы становитесь похожими на остров. А сознание растворяет эго, и вы становитесь едины с целым, гармонией с целым.

Часть потерпит неудачу. Часть не может иметь успех. Успех принадлежит только целому.

В этом смысл древнего высказывания «Сатьям евам джайате» — побеждает только истина. Почему побеждает только истина?

Потому что быть истинным — это быть с Богом, быть истинным — это быть с высшим законом существования, это быть сонастроенным Дао. А целое не может потерпеть неудачу.

Индивидуальное обречено на неудачу. И до тех пор, пока вы не вспомните, вы так и останетесь индивидуальными. Как только вы вспоминаете, в это мгновение случается чудо, случается парадокс в самовоспоминании: самость исчезает, и остается одно только воспоминание. В само-не-воспоминании нет воспоминания, одна только самость непрерывно

движется. Самость и воспоминание не могут существовать вместе: их сосуществование невозможно.

Суфизм можно свести к одному-единственному методу самовоспоминанию. Человек, который себя помнит, ведет себя по-другому. Он никогда никому не подражает, потому что, подражая, вы не достигнете. А если вам случайно повезло и выпало счастье встретить Будду, то учитесь воспоминанию. Не подражайте ему. Если вы станете подражать Будде, вы станете лишь чучелом Будды, ложной, ни на что не годной сущностью. И вы будете становиться все глупее и глупее: подражатели всегда глупеют.

Интеллигентность никогда не растет, благодаря подражанию — интеллигентность растет, благодаря эксперименту. Интеллигентность растет из-за принятия вызова. Интеллигентность растет из-за принятия вопросов и стремления найти на них ответы. А подражание означает, что вопрос даже еще и не возникал, а вы уже приняли ответ. Если вопрос еще не возникал, значит время еще не пришло — не сейте семена: они погибнут. Это будет напрасной потерей.

А между тем такое случается: если вы встречаетесь с Буддой, то его бытие, его присутствие действует на вас магнетически — и вам хочется быть таким, как он. Грация его завораживает вас. И вам хочется научиться жить, как живет он. Вы начинаете бессознательно подражать. Это тоже происходит бессознательно. Он кажется таким прекрасным, он кажется таким спокойным к блаженным — кто не захочет ему подражать? Но, если вы будете подражать, вы упустите, потому что сознательно подражать невозможно. Его непременно нужно создать. Вы должны стать лабораторией. Вы должны стать экспериментом. Вы должны создать огонь. Вы должны создать терпение. Вы должны создать множество составляющих внутренней химии, и тогда в один прекрасный день взорвется пламя. Тогда вы станете Буддой по-своему. Не копируйте! Не копируйте под копирку.

Ваше глубинное бытие станет точно таким же, как у Будды, но ваша внешняя личность будет другой. Иисус есть Иисус, Кришна есть Кришна, Руми есть Руми, Мансур есть Мансур. На периферии они так различны, как только могут быть различны люди, но что касается глубинного ядра, то у них один и тот же, абсолютно один и тот же вкус. Какой это вкус? Вкус этот — самовоспоминание. Тела различны. У Будды один внешний вид, у Мухаммеда — явно другой; их глаза, их ноги, их лица, их руки различны; их языки различны, их характеры различны. Мухаммед держит в руке меч, Будда же не прикаснется к мечу, никогда не прикаснется. У Кришны флейта — но вы не можете представить себе с флейтой Махавиру. Это невозможно. Иисус распят на кресте, в нем глубокая агония человечества, как будто вся агония всех людей сконцентрировалась в существе Иисуса. А Кришна танцует, как будто экстаз всех людей собрался воедино. Но если вы заглянете глубже в агонию Иисуса и экстаз Кришны, то вы обнаружите один и тот же вкус. Танцуя, Кришна помнит. Умирая, Иисус помнит. Молчаливо сидящий под деревом Будда полон самовоспоминания, и у Миры, отпускающей себя в танце, в глубочайшей сердцевине горит пламя самовоспоминания. Самовоспоминание — душа религии.

А между тем мы всегда видим периферию. Если вы ко мне подойдете, вы увидите мою периферию, вы не увидите моего центра. Он не доступен обычным глазам. Пока вы не вырастите в себе глаза ученика, вы не сможете его увидеть. Пока вы вырастите внутренние глаза, вы будете видеть лишь одну мою периферию. Периферия случайна, но центр не случаен — он существенен. Один и тот же центр может существовать при различных перифериях. Но обычные глаза будут видеть лишь внешнее, и это внешнее завладеет вами, и вы станете ему подражать в надежде, что «быть может, в один прекрасный день в результате постоянного совершенствования подражания мы достигнем центра». Но пути от периферии к центру не существует.

Всегда, всегда об этом помните: пути от периферии к центру не существует. Но путь от

центра к периферии существует вне всякого сомнения. Если меняется внутреннее, то автоматически меняется и внешнее — обратного же не происходит. Одним лишь изменением внешнего вам не удастся изменить внутреннее. На самом деле, меняя внешнее, вы станете лицемерными. Меняя внешнее, вы станете расколотыми, вы раздвоитесь. Вместо того чтобы стать едиными, вы станете разделенными. А всякое разделение приносит страдания.

И самое большее разделение происходит тогда, когда центр говорит на одном языке, а периферия — на другом, и тогда человек впадает в шизофрению. Эти два полюса будут расходиться все дальше и дальше, и человек не сможет сохранить свою целостность. Рано или поздно он распадется на фрагменты. А это и есть сумасшествие.

Никогда не подражайте, иначе вы встанете на стезю сумасшествия. Поймите, но никогда не подражайте. Когда говорит Мастер, то, что бы он ни говорил, это верно в его контексте. Не вырывайте его утверждения из его контекста, иначе вы упустите смысл.

И я знаю: даже вырванные из контакта, эти утверждения кажутся полными смысла, однако они уже больше не являются таковыми. Смысл никогда не бывает в словах, но он всегда бывает в контексте. С этой точки зрения все словари лгут, поскольку в словарях содержатся слова без контекста. Вы читаете слово «любовь». Какой теперь смысл может иметь слово «любовь»? Оно может иметь тысячу и один смысл, и оно может иметь тысячу и один смысл, потому что само по себе оно бессмысленно. Все зависит от его употребления и от контекста, в котором оно употребляется.

Мужчина говорит женщине: «Я люблю тебя». А другой мужчина говорит: «Я люблю мороженое». Разве это один и тот же смысл? Иисус говорит «Любовь — это Бог». Когда Иисус говорит «любовь — это Бог» и вы говорите «я люблю мороженое», разве это один и тот же смысл? Тогда Бог будет иметь вкус мороженого. Нет, это не так.

Смысл слова зависит от контекста. А контекст — громадное явление. Сделавший какое-то утверждение уже вовлечен в контекст. Если он Будда или Христос или если он суфий, тогда все, что он узнал и увидел, вовлечено в него. Не воспринимайте высказывания Будды так, как вы обычно воспринимаете. До тех пор, пока вы не поймете качество Будды, его внимательность, его осознанность, вы увязнете в непонимании. И что бы вы ни делали исходя из своего непонимания, это вызовет в вашей жизни лишь еще большие страдания, запутанность, смятение. Вместо того чтобы благословлять, вы станете проклинать. Именно это чаще всего случается с человеком.

Существуют миллионы христиан, не знающих, что такое сознание Христа, и продолжающих читать Библию. Существуют миллионы буддистов, не знающих, что такое сознание Будды, и продолжающих читать Алмазную сутру. Существуют миллионы индуистов, не знающих, что такое сознание Кришны, и продолжающих читать Гиту. Отсюда — сумятица в мире. Поэтому в мире так много гнусности, невежества, посредственности.

Люди читают Нагорную проповедь, Библию, Гиту, Дхаммападу, но какой в этом смысл? — смысл будет вашим смыслом. Смысл не может принадлежать Иисусу, Кришне или Мухаммеду. Всегда помните: когда вы читаете Библию, будьте предельно сознательными и отдавайте себе отчет, что вы вычитываете свой собственный смысл. Вы не можете прочитать то, что имеет в виду Иисус. Вы можете прочитать это лишь тогда, когда достигнете проблеска самовоспоминания Иисуса.

Самовоспоминание — ключевое слово суфизма. Это не доктрина, это мастерство. В нем нет ничего от магии или обряда; это наука настоящая психология. Буквальный смысл слова «психология» — «наука о душе». Западная психология не имеет права называться психологией; это не наука. Напротив, она отрицает существование души. Называть ее психологией абсурдно. Она всего лишь изучает поведение — и даже не поведение человека, а поведение крысы, для

того чтобы понять поведение человека. Она сводит человека к крысе. В крысе содержится ключ: считается, что, если вы сможете понять крысу и крысиный ум, то вы сможете понять человека и человеческий ум.

Мы на Востоке думаем с точностью до наоборот: до тех пор, пока вы не поймете Будду, вы не поймете человека. Вы только посмотрите, какое различие. Скиннер говорит, что, если вы сможете понять ум крысы, вы сможете понять и человеческий ум. Человек — это ничто иное как усложненная крыса. Крыса проста, и понять ее проще. Отсюда — одержимость психологов изучением крыс.

А восточная психология, то есть настоящая психология, говорит до тех пор, пока вы не поймете Будду вы не поймете человека, потому что человек — это лишь семя. Как вы можете понять семя, пока не увидите дерево? Выросшее во всю долину покрытое листвой, усыпанное цветами и плодами? До тех пор, пока семя не проявит себя полностью и не осуществится, оно будет всего лишь возможностью, и вы не сможете его понять. Если вы хотите понять семя, идите и изучайте дерево. Благодаря изучению дерева, вы узнаете, что такое семя и чем оно может быть.

Мы на Востоке пытаемся понять Будду, чтобы понять человека. А вы на Западе пытаетесь понять крысу, чтобы понять человека. Это унижительно. Это оскорбительно.

Западная психология - это еще не психология. Ей следует отказаться от такого названия! Это всего-навсего изучение внешнего поведения, а не внутреннего сознания. Она отрицает существование чего-то внутреннего.

Суфизм — это психология в подлинном смысле этого слова. Она зависит от внутреннего. Но тогда возникает одна проблема: слушая высказывания суфиев, будьте очень бдительны. Не истолковывайте их в соответствии с вашим пониманием, иначе вы упустите главное. Прежде чем довести высказывания суфиев до своего понимания вы должны подняться в своем осознании и ближе подойти к суфиям.

Таковы два способа понимания.

Например, вы находитесь здесь со мной. Один способ заключается в следующем: все, что я говорю, вы истолковываете и сводите к вашему пониманию. Таков один способ понимания. На самом деле, однако, это способ непонимания. Другой способ является верным способом понимания: когда вы влюбляетесь в то, что я говорю, и потом пытаетесь приблизиться к моему осознанию. Вы медитируете, становитесь более самоосознающими. Потом непременно растет свидетельство. В поле наблюдения попадает больше энергии, так что вы можете подняться чуть выше над своим обычным уровнем понимания. Тогда вы постигаете суть.

Эта проблема значительно усложняется тем, что суфии пользуются простым языком. И вы можете его понять. Что касается языка, то здесь нет проблем. Но что касается послания, то здесь большая проблема. Высказывания суфиев — это закодированные послания — с виду поверхностные они несут в себе великое сокровище.

Суфизм не доктрина, поэтому он не интеллектуален. Он экзистенциален. Он тотален. Интеллект лишь крошечная часть. И надо же было случиться такой беде, что интеллект стал диктатором, захватил всю имеющуюся у вас власть, стал хозяином. Суфии говорят, что интеллект — великий слуга, хороший слуга, очень полезный слуга, но плохой хозяин. Он не может быть хозяином.

На самом деле никакая часть не может быть хозяином. Ни сердце, ни руки, ни ноги, ни почки, ни легкие — никакая часть не может быть хозяином. Качество хозяина принадлежит органическому единству. Человеческому существу следует быть демократией, в которой каждая часть имеет свой голос и где ничто не мешает любой части функционировать с максимальной отдачей. И из этой гармонии всех частей возникает самовоспоминание.

А потому надо помнить об одном: дзен антиинтеллектуален; но не так обстоят дела с суфизмом. Дзен иррационален, но не так обстоят дела с суфизмом. Суфизм — очень гармоничное видение. Он ни интеллектуален, ни антиинтеллектуален; он ни рационален, ни иррационален.

Суфизм говорит у интеллекта есть свое место, это хорошая машина. Ее непременно нужно использовать, но только как машину. Машина не должна становиться хозяином. Этот взгляд на человека, функционирующего как органическое единство, — один из величайших вкладов суфизма в человеческое сознание. Ни сердце, ни голова, ни что-нибудь еще не может стать боссом. Ваше существо не нуждается ни в каком боссе. Все должно функционировать; и мешать чьему-либо функционированию недопустимо.

Из гармонии функционирования всех частей и возникает эта великая грация, называемая самовоспоминанием. Она не ум, ни душа, ни тело, но свойственна всему. Она триедина. Она тотальна.

Для дзен в какой-то мере характерно стремление к крайности. Он уходит от интеллекта к диаметрально противоположной крайности. Суфизм гораздо гармоничнее, умереннее. Он остается посередине. Он говорит, что нет нужды становиться на какую-либо точку зрения. Пользуйтесь всем, что дал вам Бог, но пользуйтесь таким способом, таким искусным способом, чтобы жизнь ваша стала оркестром. И мелодия, что польется из этого оркестра, будет самовоспоминанием.

И это само воспоминание открывает в вас все тайны. У интеллекта есть своя роль; интеллект должен служить. Вклад его значим по двум причинам. Первая причина: когда вы двигаетесь по пути, интеллект помогает вам избегать падений. Интеллект не может дать вам истину — это ему не доступно, это выше его сил. Это относится исключительно к способности целого. Тем не менее, интеллект все же проделывает некоторую важную работу, черновую работу. Он может показать вам, что ложно, он может показать вам, что неправильно. Он может показать вам, куда не стоит идти. Он может помочь вам исключать. А это большая работа. Когда вы стоите на перекрестке, то три из четырех дорог должны быть исключены — и этим занимается интеллект. Он абсолютно лишен способности говорить вам: «Это истинно. Следуй этому», Он не может вести вас прямо, но он может вам сказать: «Это, кажется, не верно». Почему? Потому что вся способность интеллекта заключается в способности сомневаться. Его функционирование — это функционирование сомнения. Он может сомневаться! Потому он может указать вам ложное. Он не способен доверять, поэтому он не способен указать вам истинное, но косвенными путями, если исключается ложное, вы подходите ближе к истине.

А когда исключается все ложное и остается истинное, интеллект умолкает. Если он не хозяин, он умолкает. Если же он хозяин, он повторяет и повторяет, как старый граммофон: «Это ложно, это ложно»... Если это только раб, тогда он продолжает говорить «это ложно, это ложно», и как только он сталкивается с истиной... он просто умолкает. Он не может сказать «Это ложно». Это не является интеллектуальной способностью. Но когда интеллект умолкает, вы можете двигаться к истине.

Чтобы найти настоящего Мастера, вы обязательно должны использовать свой интеллект. Ничто другое использовать вы не можете. А использовать его нужно так: не позволять быть вашим хозяином. Это превосходный компьютер, биокомпьютер, очень тонкий, очень сложный, значение которого трудно переоценить. На его создание природе понадобилось миллионы лет, и не спешите выбросить его на помойку. Пользуйтесь им! Его способностью сомневаться, его скептицизмом, его громадными преимуществами.

Декарт начал свои философские исследования с сомнения. Он сделал своим отправным пунктом следующее: «До тех пор, пока я не найду что-то несомненное, я ни во что не поверю».

Все было исключено. Бог был исключен, рай, ад были исключены, ангелы, дьявол — все было исключено... вся теология была сброшена со счетов. Но после этого он столкнулся с одной вещью своим собственным существованием — как вы можете в нем усомниться? Интеллект умолкает. Вы не можете взять под сомнение свое собственное существование, ибо оно вам необходимо хотя бы для того, чтобы взять его под сомнение. Если меня нет, то кто тогда делает это утверждение? Есть одна знаменитая суфийская история.

Мулла Насреддин сидел в кафе и, по своему обыкновению, хвастался всем подряд. И вот он сказал «Никто не может сравниться со мной в щедрости».

«Ну это уж это ты загнул, Насреддин!» — заметил его друг. — «Нам никогда не доводилось видеть в тебе и намека на щедрость. Ты даже ни разу не пригласил нас к себе домой на чашку чая — о какой щедрости ты говоришь?»

«Приходите все», — заявил он. — «Я приглашаю к себе домой всех посетителей кафе! Сегодня вечером я закачу вам пир. Я всех приглашаю. Все приходите!»

Он так разгорячился, что совсем позабыл о своей жене. Но чем ближе подходили они к дому, тем больше возвращались к нему чувства. Его обуял страх. Ведь его не было дома целый день. Жена, должно быть, в гневе! На самом деле он ушел еще утром купить овощей. И теперь она скорее всего в ярости. И вот он является не только без овощей, но еще с тридцатью людьми!

Поравнявшись с домом, он сказал своим приятелям: «Подождите. Вы ведь все женаты, и понимаете, о чем я говорю. Давайте уж лучше первым войду я. Позвольте мне уговорить мою жену».

Они поняли и остались ждать. Проходит полчаса, проходит час. Уже стемнело, и они стали чувствовать голод. «В чем дело?» — недоумевали они. И постучались в дверь.

А Мулла сказал своей жене: «Я был глуп. Уж не знаю, что на меня нашло. Я случайно завел разговор о своей щедрости и влип в дурацкое положение, пригласив этих людей. И выход сейчас только один: когда будут стучаться, выйди и скажи им, что Муллы нет дома».

«Но ты же с ними пришел, и они знают», — заметила его жена.

«Об этом я сам позабочусь. Сделай же», — ответил Мулла.

И его жена вышла со словами: «Что вы ждете? Вы что, дожидаетесь Муллу Насреддина? Его нет дома».

«Это уж слишком», — возмутились гости. — «Он же с нами пришел! Вот тридцать свидетелей — он вошел, и никто из нас не видел, как он выходил. Он должен быть дома!»

«Но его нет. Уходите!» — настаивала жена.

Но они стали доказывать, Мулла же прятался сзади, и когда доказательств было более чем достаточно, и он увидел, что его жена находится в смущении, он забыл обо всем. Он вышел и сказал «Послушайте! Может, он и пришел с вами, но еще имеется и задняя дверь — он мог выйти через заднюю дверь. И к чему все эти ваши доказательства?»

Теперь он уже сам говорит, что мог выйти через заднюю дверь. Вы не можете сказать «Меня нет» — вы не можете сказать «меня нет дома». Это поставит крест на всем вашем намерении. Для того чтобы сказать «меня нет», необходимо ваше присутствие.

Декарт столкнулся с фактом — с тем фактом, что «существую» вне всякого сомнения, в этом невозможно усомниться. И он обнаружил, что интеллект здесь умолкает. Интеллект не может ничего поделать. Сомневаться невозможно, потому что сомневаться — это значит уже доказывать.

Интеллект нужно использовать, говорят суфии, но только как раба, а не как хозяина. И тогда, когда он столкнется с истиной, он умолкнет. Таково назначение интеллекта.

И второе назначение: когда вы открываете истину, то именно благодаря интеллекту появляется как-то возможность поделиться ей с другими. Когда вы ее открыли, то благодаря

интеллекту вы можете изобрести методы, техники, ситуации, необходимо для того, чтобы направить в нее других.

Интеллект не враг — его можно использовать. Прежде чем достичь он может пригодиться в исключении лжи, а после достижения он может оказаться полезным в прояснении истины, в намеке на истину — он может стать пальцем, указывающим на луну

Поэтому помните: суфии вовсе не против интеллекта. Но в то же время не забывайте: интеллект не должен быть хозяином дома. Никто не должен быть хозяином дома. Вся ваша целостность должна функционировать в гармонии. И тогда, когда в вас больше не будет никакого хозяина, снизойдет настоящий Хозяин. Это Бог.

Если у вас есть свой собственный хозяин, он не позволит войти настоящему Хозяину. Это может быть интеллект, это может быть сердце, это может быть логика, это может быть вера — все что угодно — но если в вас есть свой собственный хозяин, настоящий Хозяин не сможет в вас войти. Для прихода настоящего Хозяина не окажется пространства. Хозяин только один — это Бог.

А теперь перейдем к этой красивой истории... Прежде чем я в нее войду, я должен напомнить еще об одном: это не исторические факты, это притчи. Не стоит принимать эти истории за происходившее на самом деле. Почему я вам об этом напоминаю? Потому что на днях Ашока написал мне письмо.

Мы обсуждали одну историю, одну из самых красивых суфийских историй о дервише, попросившем царя наполнить его нищенскую чашу, «чтобы доказать, что ты действительно царь. Если ты не в состоянии наполнить даже нищенскую чашу бедного просителя милостыни, то какой ты после этого царь? И о каком еще владычестве ты говоришь?»

Итак, в нее посыпались золотые монеты, но то была не обычная нищенская чаша, а волшебная. И все, что в нее сыпалось, тут же исчезало, и чаша оставалась пустой, как ни в чем не бывало. Суфии показывают великую истину.

Эта нищенская чаша — желаний человеческий ум. Вы можете ее все наполнять и наполнять, вы можете наполнить ее вами царствами мира, и они будут исчезать, и чаша желаний останется пустой. Даже Александры умирают пустыми, Наполеоны умирают пустыми, Адольфы Гитлеры умирают как нищие. И лишь те, кто поняли тщетность желаний, умирают как цари. Они и живут как цари. Будда живет как царь. Именно поэтому Иисуса совсем не поняли: ведь он объявил себя царем, настоящим царем. И говорил своим ученикам: «Я пришел, чтобы принести Царство Божие на землю». И политики были очень напуганы: «Уж не соперник ли он? А то, чего доброго, соберет армию и рано или поздно объявит себя царем». А он говорил о совершенно ином царстве! Он говорил не о царстве этого мира: речь шла о том царстве, которое приходит, когда исчезает желание.

Да, были цари, Будда, Христос — однако они не были царями в обычном смысле этого слова.

И суфий демонстрировал тому владыке тщету всего, что у него имелось, полную тщету всей его собственности. Наша собственность сделана из материала под названием сон. И она исчезала в той нищенской чаше.

Это была одна из самых красивых притч — но это была притча — поймите. На самом деле не происходило ничего подобного. Но Ашока написал мне письмо. Он помешан на магии. Из-за этого он много лет жил с Сатъей Саи Бабой, полагая, что должно существовать что-то настоящее, которое человек может произвести из ничего: швейцарские часы, золотые монеты, священная зола — должно быть нечто великое. Он пришел ко мне, он стал саньясином, он растет прямо на глазах, однако Сатъя Саи Баба, судя по всему; остается в нем хронической болезнью. Она каким-то образом у него затянулась, и он не может упустить возможность. Но он

растет, и рост его прекрасен. Я полностью удовлетворен. Однако этот старый ум нет — нет да и встанет у него преградой на пути.

В тот день, когда исчезнет весь старый ум, он испытает опыт сатори. И я жду этого дня.

Услышав эту притчу, он тут же за нее ухватился. Он сказал: «Вы так превозносите этого суфия, проделавшего этот величайший номер со своей нищенской чашей — благодаря нему исчезли золотые монеты. Вы так высоко цените этого человека. Отчего же Вы осуждаете Сатью Саи Бабу? Он ведь делает обратное: создает золотые монеты из ничего. А этот суфий делал наоборот. Позволил золотым монетам исчезнуть в ничто. Оба делают одно и то же, но с разных сторон, в разных направлениях. Вы же так цените суфия и осуждаете Сатью Саи Бабу — почему?»

Во-первых, это притча. Человека, который это делал, не существовало. Во-вторых, помочь людям увидеть, что их золото по сути своей есть ничто иное как сон — значит помочь им двигаться к духовности. А дать людям иллюзию того, что золото может быть произведено из ничего — значит заставить вас все больше увязать в этом мире.

Этот суфийский дервиш помог царю увидеть тщету всей его собственности. А Сатья Саи Баба просто потворствует бедным людям в их жажде золота, просто помогает людям становиться более мирскими, материалистичными. Люди, окружающие Сатью Саи Бабу — материалисты. Вам не найти среди них ни одного духовного человека. Зачем духовному человеку туда идти? Чего ради? Духовного человека не интересует магия, его не интересуют оккультные силы, и золото его так же не интересует. Духовный человек со всем этим покончил! Потому он и духовный. Его поиск — это поиск того, что за пределами смерти. Его поиск — это поиск самовоспоминания.

Сатья Саи Баба не может произвести из ничего самовоспоминание. Никто не может это сделать. Самовоспоминание должно создаваться каждым человеком самостоятельно. Это трудное путешествие, великое странствие.

Прежде всего, суфийские истории — это притчи. Я не говорю, что это исторический факт. И вопрос работа Сатии Саи Бабы очень мирская, тривиальная, нечестивая; она не имеет ничего общего со священным, в ней нет ничего священного. Люди, которых все это интересует, — бедные люди, ищущие средства обогащения, или больные ждущие исцеления, или калеки, парализованные, слепые и т.д... Но это не духовный поиск. Духовный поиск — это поиск не внешних глаз, а внутренних. И духовный поиск — это поиск не внешнего здоровья, а внутренней целостности.

В такой бедной стране, как Индия, люди, подобные Сатие Саи Бабе, могут собрать толпу. Люди бедны и жаждут вещей — но вам не найти среди них духовных людей. Это совершенно иное измерение.

Помните: все суфийские истории — это только притчи. Они что-то выявляют, что-то символизируют. Они несут послание, но не принимайте их за факты, за исторические факты.

Итак, притча:

Один суфийский учитель, подлинность которого была вне всякого сомнения, рассказывал, как был разоблачен ложный суфий: «Настоящий суфий послал одного из своих учеников ему в услужение. Тот ученик и днем, и ночью предупреждал каждое желание самозванца. И все теперь увидели, как нравилось мошеннику эти знаки внимания, и люди один за другим стали его покидать, пока он не остался совсем один».

Этот суфийский учитель должен был разоблачать ложных учителей. В этом и состоит работа Мастера — в разоблачении ложного. Люди пишут мне: «Почему Вы разоблачаете Сатью Саи Бабу? Или Муктананду или Шивананду? Почему?» Ложное должно быть выявлено. Чем больше вы узнаете о ложном, тем лучше вы поймете истинное и настоящее.

А уму легче понять ложное. Но стоит только уму понять, что является ложным, как вам станет все легче и легче двигаться в направлении истины. А иначе можно стучаться в тысячу и одну дверь и тратить попусту свое время.

Один суфийский учитель, подлинность которого была вне всякого сомнения, рассказывал, как был разоблачен ложный суфий: «Настоящий суфий послал одного из своих учеников ему в услужение. Тот ученик и днем, и ночью предупреждал каждое желание самозванца. И все теперь увидели, как нравилось мошеннику эти знаки внимания, и люди один за другим стали его покидать, пока он не остался совсем один».

Кто такой ложный суфий? Тот, кто претендует. Тот, в ком еще есть присутствие. Тот, существо которого еще не переполнено любовью. Тот, кто все еще жаждет любви других. Тот, кто требует внимания. Постарайтесь это понять.

Почему вы требуете внимания? Потому что вы пусты. Если муж не уделяет внимания своей жене, она начинает злиться. Если муж приходит домой и жена не обращает на него внимания, он приходит в ярость. Откуда такая жажда внимания? Почему вы требуете так много внимания к собственной персоне? Потому что вы пусты. Глубоко внутри вы до того бедны, что если никто не обращает на вас внимания, у вас возникает такое чувство, что вы вообще не существуете. Все ваше существование поставлено в зависимость от внимания людей.

Это коренная причина; так рождаются политики. Политика это ничто иное как стратегия привлечения внимания. Политик — самый бедный человек в мире, так как он нуждается в тысячах и тысячах людей и их внимании, причем нуждается постоянно — только тогда он может жить. Это его пища, его поддержка. Он пожирает человеческое внимание. Ему необходимо внимание, и не важно, будет ли оно позитивным или негативным.

И это причина всех совершаемых в мире преступлений. Разница между политиками и преступниками не так уж велика. С точки зрения психологии, это один и тот же тип. Политик пытается использовать принятые в обществе средства, а преступник, отчаявшись, берется за средства, не приемлемые для общества.

Один человек в Америке убил семерых без всякой на то причины. Посторонних! Он просто шел по пляжу и застрелил семерых человек. Он никогда их раньше не встречал. Он даже не видел их лиц. На суде его спросили: «Зачем?»

А он ответил: «Я хотел, чтобы моя фотография было помещена на первых страницах газет. И я счастлив! Теперь я что-то из себя представляю. Все меня знают. Я не умру «никем». Все меня знают. Вы можете вынести мне любой приговор — смерть так смерть — но я уже достаточно пожил никем. Я шел, и никто не обращал на меня внимания — а теперь все знают, что я существую, что я что-то значу».

Загляните поглубже в ум преступника, и вы найдете это. Такой же ум имеет и политик. Если политик добивается успеха, то он постепенно становится преступником. Чем больше власти он имеет, тем преступнее он становится. Он безгрешен только тогда, когда лишен власти. Его безгрешность наступает лишь при его бессилии. Но стоит только ему возыметь власть, как все прочее перестает его волновать, и тогда он совершает все то, против чего всегда выступал.

А между тем каждый в этом смысле является политиком. Если вы жаждете внимания и стремитесь, чтобы вас замечали, то это значит, что в вас сидит политик. А политика — это яд. Если вы идете по улице и никто не говорит вам «привет», никто не говорит «доброе утро», никто на вас не смотрит, как вы себя будете чувствовать? Вы будете чувствовать себя пустым местом. И это ранит. А если это ранит, то это говорит лишь об одном: у вас нет никакого самоосознания. Иначе это было бы не нужно!

Человек самоосознания может жить в абсолютном одиночестве и быть при этом совершенно счастливым. Он может двигаться в толпе, но ни на одно мгновение ему не придет в

голову что кто-то должен обращать на него внимание. На самом деле он бы предпочел оставаться без всякого внимания, чтобы он мог делать свои дела и никто ему в этом не мешал. Присутствие подлинного суфия таково, что он не требует к себе внимания. А ложный суфий тут же распознается, потому что он требует внимания.

Один суфийский учитель, подлинность которого была вне всякого сомнения, рассказывал, как был разоблачен ложный суфий. «Настоящий суфий послал одного из своих учеников ему в услужение. Тот ученик и днем, и ночью предупреждал каждое желание самозванца. И все теперь увидели, как нравилось мошеннику эти знаки внимания, и люди один за другим стали его покидать, пока он не остался совсем один».

Увидев, что ему нравились знаки внимания, люди его покинули. Эта история, судя по всему имеет отношение к людям большого понимания. Это старая-старая притча. Люди издавна знают, что значит быть по-настоящему религиозным.

Быть по-настоящему религиозным — значит быть без эго. Истинно религиозный человек переполнен любовью. Он не выпрашивает любви или внимания. Истинно религиозный — это тот, кто полностью вычеркнул самого себя, кто стал отсутствующим. А когда человек становится отсутствующим, в нем начинает присутствовать Бог. Чем больше вы как вы отсутствуете, тем больше будет присутствовать в вас Бог.

Простой способ: послать ученика к лжеучителю и наказать ему прислуживать тому так, чтобы тот уже не мог без него обойтись И, увидев это, люди исчезли бы. То был совершенно другой мир. Все люди знали о религиозном сознании.

Один из слушавших эту историю подумал про себя: «Какая изумительная идея. Пойду-ка и сделаю то же самое».

Теперь этот человек заинтересовался чьим-то разоблачением. Одной стороной этой болезни было чье-то желание внимания, значимости, превосходства, удовлетворения эго. А другой стороной этой болезни было желание другого его разоблачить Почему этот человек заинтересован чьим-то разоблачением?

Слушая историю, которую рассказывал Мастер, он не заинтересовался самим Мастером, не заинтересовался поиском настоящего суфия. Напротив: он заинтересовался в том, чтобы куда-то пойти, отыскать лжепророка и вывести его на чистую воду. А что вы намерены из этого извлечь? И это есть вы?

Если настоящий Мастер решает кого-то разоблачить, это уже совсем другое дело. Это делается из сострадания — из сострадания к тем, кого обманывает мошенник. А также из сострадания к самому этому мошеннику: ведь когда вы обманываете других, вы обманываете ис самих себя. Когда настоящий Мастер кого-то разоблачает, то это делается не из-за гнева. Не из-за вражды: это делается из сострадания.

Рассказывают, что У Махавиры был ученик по имени Гошалак. Он был мошенником. Он учился: у Махавиры. И был его учеником лишь для того, чтобы кое-чему научиться и самому стать Мастером. И Махавира продолжал учить его из сострадания — прекрасно зная, что у того на уме и какой у него нечестный, хитрый ум, он продолжал его учить.

И вот в один прекрасный день тот исчез и провозгласил себя Совершенным Мастером. Махавира засмеялся и сказал: «Странно, ведь он еще даже не стал совершенным учеником! Что уж там говорить о Совершенном Учителе!»

И, движимый состраданием, Махавира отправился в тот город, где Пэшалак все это объявил. Он пришел к тому человеку и спросил: «Гошалак, что ты делаешь?»

И вот — посмотрите, какие бывают люди. Гошалак был так хитер, что сказал: «Кто Вы? Я Вас никогда не видел».

А ведь он прожил с Махавирой двенадцать лет. «Ты меня не видел?» — удивился Махавира.

— «И не жил со мной двенадцать лет?»

«Посмотрите!» — воскликнул Гошалак. — «Этот человек вообразил, что он достиг, а сам не может понять и простой вещи. Да, тело осталось прежним, но душа-то исчезла. И в меня теперь снизошел Бог. Он использует тело Гошалака, чтобы провести в мир настоящую религию».

Люди бывают очень хитры. Махавира не мог поверить своим глазам, не мог поверить, что можно быть настолько хитрым. А ведь этот человек обманывал многих. Но как долго способны вы обманывать? В конце концов, в самый последний момент вся его жизнь стала для него слишком тяжелой. И в последний момент он объявил: «Я лгу. Я тот самый человек, который был учеником Махавиры. Я обманывал людей — я ничего не знаю. И прежде чем я умру, я хочу чтобы стало известно, что я лгал. Пожалуйста, простите меня и идите к Махавире. А я теперь не в состоянии идти, я очень болен, но мне бы хотелось упасть к его ногам и умолять о прощении. Теперь уже слишком поздно, но я ведь обманывал».

В людях сидит неистребимое желание — претендовать. А на внутреннее богатство претендовать легче, потому что очень трудно его опровергнуть.

Настоящий Мастер разоблачает ненастоящего из сострадания — сострадания к тем, кого он обманывает, а также из сострадания к нему самому ибо он тоже напрасно растрчивает свою жизнь. Однако этим не следует заниматься тому, кто еще не познал.

Один из слушавших эту историю подумал про себя: «Какая изумительная идея».

Вы только посмотрите: то что сказано, и то, что услышано, совершенно разные вещи. Люди всегда слышат то, что могут услышать.

Все девушки из офиса во время рабочего перерыва нагрянули в кафетерий, где было много народу, чтобы попить кофе. Одна из них зажгла сигарету и начала выпускать кольца табачного дыма. Сидящая рядом с ней пожилая дама прямо-таки вышла из себя. «Мисс», — сказала она, — курение — это ужасная привычка. Я бы скорее предпочла курению супружескую измену».

«Я бы тоже», — согласилась девушка, — «но, видите ли, в течение рабочего перерыва на это просто не хватит времени».

Люди слышат то, что они могут услышать.

Один человек зашел в психиатрическую клинику, набив табаком правое ухо.

«Да, Вам, определенно, нужна моя помощь», — заявил врач.

«Я в этом тоже не сомневаюсь», — согласился посетитель. — «У вас найдется спичка?»

Никогда, ни на одно мгновение не верьте, что вы слышите то, что вам сказали. И лишь изредка, совершенно случайно бывает так, что вы слышите именно то, что вам сказали. И все из-за вашего затвердевшего ума! Ведь затвердевший ум все это интересуется.

Роберт был убежден, что он каннибал, и его жена, в конце концов заставила его обратиться к психиатру.

Когда Роберт после своего первого посещения врача вернулся домой, жена спросила: «Скажи мне, что из себя представляет этот психиатор?»

«Очень вкусный!» — просиял Роберт.

У каждого есть затвердевший ум, и вы слышите из этого затвердевшего ума. И до тех пор, пока вы не научились слышать без ума и отстранять ум, вы так и будете слышать то, что вам не говорили.

Например, Мастер говорит: «Не позволяйте мошенникам обманывать себя». Он же не говорит: «Идите и разоблачите мошенников». Однако этот человек думает: «Какая изумительная идея!» Он попался на крючок идеи. Она привлекла его — эта самая идея разоблачения кого-то. Именно идея доказать, что кто-то мошенник, именно идея кого-то испытать, именно идея заставить кого-то почувствовать собственное ничтожество способна дать вам огромное наслаждение, наслаждение от пытки, насилия, садизма.

«Пойду-ка и сделаю то же самое».

А как он мог сделать то же самое? Он не был послан суфийским Мастером — он отправляется самовольно. А ведь он не суфий! Он не понимает главного: в чем тут дело, кто настоящий Мастер, а кто мошенник. Он что-то вырвал из контекста.

И он отправился туда, где должен был находиться лжеучитель и выказал огромное желание быть принятым в ученики. В течение трех лет он проявлял такое рвение, что привел к тому сотни приверженцев. «Этот мудрец, должно быть, и впрямь великий человек», — говорили они между собой, — раз вызывает в своем ученике такую преданность и самопожертвование».

И случилось прямо противоположное. Жизнь очень тонка. До тех пор, пока вы не будете двигаться в правильном контексте, вы можете делать то же самое, однако результат окажется прямо противоположным. Что же на самом деле произошло?

В течение трех лет он с такой преданностью служил Мастеру, что заставил людей подумать: раз человек может вызвать такую преданность, то это должен быть великий Мастер. Он упустил самую суть.

В той истории подлинный суфий послал своего ученика сыграть роль, послал его действовать: «Действуй так, как будто ты проявляешь внимание к Мастеру ложному, Мастеру, чтобы он попал от тебя в зависимость, все больше и больше зависел от твоего внимания. И пусть люди увидят, как он жаждет внимания».

Во втором же случае случилось обратное: этот человек не осознавал того, что он делал. Он думал, что ему нужно преданно служить. И он служил! Однако это служение доказало людям, что такое возможно, лишь если это настоящий Мастер, иначе как может человек на протяжении трех лет так глубоко служить и быть с Мастером в таких тесных, таких близких отношениях? И собрались тысячи!

Тогда этот человек вернулся обратно к тому суфию, от которого он услышал эту историю, и рассказал ему, что произошло.

Акцент другой. В первом случае акцент ставился на создании во мнимом Мастере потребности; во втором акцент ставился на служении и самой ревностной преданности. И все было перевернуто с ног на голову И, конечно, он разозлился - три года растрчено впустую. И не просто растрчено, он вдобавок еще стал орудием привлечения к лжеучителю тысяч людей.

Тогда этот человек вернулся обратно к тому суфию, от которого он услышал эту историю, и рассказал ему, что произошло. «Истории Ваши не заслуживают доверия», — сказал он. — «Потому что когда я попытался применить одну из них на практике, произошло обратное».

Дело не в методах. Дело не в техниках. Все дело во внутренней осознанности, с которой вы ими пользуетесь.

Например, на Востоке веками использовали в качестве техники мантру. А теперь Махариши Махеш Йоги привнес ту же самую технику на Запад с одной маленькой разницей — однако эта маленькая разница так велика, что разрушила весь метод.

На Востоке мы использовали мантру, но с одной условием: в мантре нельзя было потеряться. Вы повторяйте «Рама» или «Кришна» или «Аум» или «Аллах» или какое-то другое слово — это может быть и ваше собственное имя — вы повторяете «Аум, Аум, Аум», однако сами вы не теряетесь в этом повторении. Вы останетесь свидетелем. Вы должны наблюдать за этим звуком. «Аум, Аум, Аум», и вы должны оставаться свидетелем, свидетелем на холме.

А если вы не свидетель, то это повторение «Аум, Аум» будет только усыплять. Оно дает вам хороший сон. В хорошем сне нет ничего плохого, но он не даст вам пробуждения

И не случайно, что трансцендентальная медитация Махариши Махеш Йоги известна на

Западе как «немедикаментозный транквилизатор». Именно этим она и является. Она годится для того, чтобы дать вам сон, но она не годится для того, чтобы заставить вас пробудиться. А духовность — это пробужденность, а не хороший сон.

Хороший сон хорош сам по себе. Хорош с точки зрения физиологии, психологии, но он не обладает духовным измерением. Духовное измерение открывается тогда, когда вы становитесь пробужденными. Настоящий медитирующий остается пробужденным даже во время сна. Вот почему Кришна говорит в Гите: «Когда весь мир спит, йог все равно бодрствует». И дело не в том, что он сидит в сиддхане и распевает без усталости «Рама, Рама, Рама» — он тоже спит, но при этом спит только его тело, спит его психологический механизм, а его осознанность ярко горит.

Этот метод имеет огромную ценность. Однако из-за интерпретации Махариши Махеш Йоги — он утратил всякую ценность. Он стал лишь ухищрением, техникой, попыткой помочь людям — небольшим расслаблением. Но он не является духовным. Это не медитация и вовсе не трансцендентальная медитация. Лишь маленькая разница, и все меняется.

«Истории Ваши не заслуживают доверия», — сказал он. — Потому что когда я попытался применить одну из них на практике, произошло обратное».

«Увы», — промолвил суфий, — «в твоей попытке применить суфийские методы был один изъян. Ты не был суфием».

Если вы и в самом деле хотите понять, что такое суфизм, вам самому придется стать суфием. Если вы хотите узнать, что значит быть христианином, вам самому придется стать Христом — меньшее не подойдет. И вся беда в том, как говорит Фридрих Ницше, что первый и последний христианин умер на кресте. И это произошло со всеми великими Мастерами.

Люди становятся подражателями. Когда вы входите в тесный контакт с Буддой, не становитесь буддистом — становитесь Буддой. Когда вы входите в тесный контакт с суфийским Мастером, не становитесь суфистом — становитесь суфием. Единственный способ узнать — это стать самому.

Кто-то спросил на днях... спрашивала женщина, должно быть, ищущая. Она задавала много вопросов. Но я не отвечал. Я ждал подходящего момента. Она еще не стала частью моего бытия. Вопросы ее были правильными, но я не отвечаю на вопросы: я отвечаю вопрошающим. Я ушел от ответа.

Совсем недавно она спросила: «Могу ли стать последователем, не становясь учеником? Могу ли я стать последователем, не становясь саньясинкой?» Это невозможно. Тогда вы будете просто чужаками, зрителями. Вы должны окраситься в мое бытие. Вы должны подойти так близко, как это только возможно. Дело не в смене одежды — это всего лишь жест. Жест, показывающий, что вы готовы, даже если вашему бытию предстоит умереть в новом цвете, вы готовы. Вы делаете жест! Меняете имя, вы просто показываете: «я готов порвать со своим прошлым», «я готов отречься от своего прошлого», «я готов совершить прыжок в будущее, в неизвестное», «я доверяю Вам», «я готов пойти с Вами, куда бы Вы ни шли», «я не стану требовать никакого обещания, никаких гарантий», «я готов пойти на эту авантюру Риск привлекает меня».

Вы можете находиться здесь. Вы можете слушать меня, не будучи частью меня, но тогда вы будете слушать по-своему, вы будете интерпретировать все по-своему. И однажды это случится, вы можете это даже практиковать, но по-своему, и результат окажется противоположным. И тогда не пеняйте на меня. Не говорите, что произошел обратный эффект, что я говорил одно, а вышло все наоборот. Это должно происходить в полном контексте.

Ко мне пришли несколько людей и сказали: «Мы не можем делать динамическую медитацию. Она кажется такой сумасшедшей». Этот страх особенно характерен для индусов, занимающих высокие посты.

Несколько дней назад здесь находился один крупный политический деятель, министр. Он говорил: «Вы только научите меня. И я буду делать это дома. Я не могу делать этого здесь, ведь, если люди увидят, что я танцую и кричу что они подумают? А ведь я должен еще думать и об избирателях. И если на страницах газет появится моя фотография, на которой я кричу и прыгаю, то меня сместят с этого поста. Я буду делать это дома».

Мне понятна его проблема — однако у себя дома он будет делать по-своему. Он внесет в нее небольшие изменения, чтобы его соседи не слышали, чтобы жена не была шокирована, чтобы дети не подумали, что их папа сошел с ума. Он изменит и здесь, и там; он превратит ее во что-то другое, но тогда и результат будет совершенно другим, иногда даже противоположным. И тогда он станет думать, что я дал ему что-то не то.

Это мое поле! Когда вы здесь что-то делаете, вы это делаете в правильном контексте. Это энергетическое поле. Вы здесь не одни; сотни других людей делают то же самое. Вы можете быть движимы этой энергией. И вы достигнете таких высот, каких вам никогда не достичь в одиночку. Здесь я доступен; здесь вы можете поверить, что ничего плохого не произойдет. А у себя дома, делая в одиночку медитацию, вы испугаетесь, вы можете очень испугаться Вас может охватить страх — страх безумия, бесноватости и т.д.

А здесь станьте саньясинами, станьте частью меня, угоните во мне и дайте мне утонуть в вас. Станьте суфиями, если хотите узнать, что такое суфизм. Другого способа узнать не существует. Единственный способ узнать — это быть — причем в правильном контексте, в правильном отношении, в правильной ситуации.

Я создаю здесь ситуацию. Это алхимическое поле. Это не обычный ашрам. Это научная лаборатория Здесь преобразуются люди. Люди движутся в новых направлениях, квантовыми скачками, достигая новых сфер. И вы не можете все наблюдать со стороны.

И не будьте глупцами: не смотрите со стороны и не думайте, что вы попробуете это сделать вернувшись домой. Эффект может быть обратным. И тогда не пеняйте на меня. Станьте частью меня, если это вас привлекает. И распахнется великая дверь., войдите в нее.

Мастер сказал:

«Увы», — промолвил суфий, — «в твоей попытке применить суфийские методы был один изъян. Ты не был суфием».

Если ты хочешь применить мои методы, стань саньясином, чтобы я не мог тебе однажды сказать: «Увы, в твоей попытке применить саньясинские методы был один изъян — ты не был саньясином».

4. Как вы можете обмануть?

Первый вопрос:

Ошо, почему у меня такое чувство, что я так близко и в то же время так далеко от Вас?

Идея, так оно и есть: ты близко и в то же время далеко. Твое бытие близко, но твои сны не близко и не могут быть близко. Ты близко, но твой ум, который на самом деле не есть ты, — не может быть близко. И чем больше у тебя ума, тем в большем ты отдалении.

Тебя две прямо сейчас: одна — твое подлинное бытие, твое сущностное бытие, твое неизменное, вечное бытие. Ты близко. И не просто близко, но составляешь со мной одно целое, ибо вечное бытие только одно. Но ты — двойственность. Ты на поминаешь лук сплошные слои становления. То тебе хочется быть такой, то тебе хочется быть другой...

Эти слои держат тебя в отдалении — и не просто в отдалении, но в отдалении, к которому невозможно провести мост, в недостижимом отдалении. Я не могу достигнуть тебя, когда ты погружаешься в сон, — ты абсолютно одинока. Ты не можешь пригласить даже своего возлюбленного, своего друга; в свой сон ты не можешь пригласить даже своего Мастера. Твой сон целиком и полностью твой.

Реальность всеобъемлюща. Она не частная. Твой же сон является идиотским — буквальный смысл слова «идиот» — «жить в частном мире, не соотносящимся с реальностью, жить в идиосе». Идиот живет в частном мире. Мудрец живет в универсальном, то есть в том, который есть.

А ты живешь в обоих! Отсюда раскол. Ты будешь чувствовать, что близка ко мне, когда посмотришь на свое бытие — то будут мгновения бытия Наблюдая заход солнца, ты вдруг становишься близка ко мне. Когда ты слушаешь пение птицы, вдруг исчезает все пространство. Когда ты смотришь на цветок, между мною и тобою нет ни единого дюйма.

И то будут мгновения вечности. Но потом ты снова погружаешься в сон грез, в свой частный мир — и тогда ты далека. Пусть это тебя не сбивает с толку. Так обстоят дела с каждым. Помогай потихоньку тем мгновениям, когда ты чувствуешь, что близка ко мне, ибо они — единственные реальные мгновения. Обрести их — значит обрести Царство Божие. Потерять их — значит потерять все.

Выходи из своего идиоса! Выходи из своего идиотского мира снов! Ты не можешь стать никем другим, а только тем, что ты уже есть — поэтому эта попытка от начала до конца является идиотской. Ты можешь стать только тем, кто ты уже есть. Вспоминай об этом снова и снова: ты можешь стать только тем, кто ты уже есть. И поэтому нет нужды кем-то становиться, потому что ты уже есть это! Наслаждайся этим! Празднуй это! Будь этим!

Второй вопрос:

Каково различие между желанием и жаждой?

Кришна, желание — это всегда желание чего-то такого, что находится вне тебя. Желание объективно. Жажда не объективна. Жаждешь всегда того, что того и гляди в тебе взорвется. Она является внутренней, субъективной. Если роза хочет стать лотосом, то это желание. Но если роза жаждет стать розой, то это жажда. Если семя жаждет прорасти и стать деревом, то это жажда! Можно в полном порядке. Так и должно быть. Но если семя хочет стать бабочкой, то это

желание.

Желание абсурдно — жажда экзистенциальна. Жажда совершенна и прекрасна — желание вредоносно. Разница эта очень тонка, и нужно быть очень бдительным.

Жажда есть открывание внутреннего — желание есть накопление внешнего. Человек хочет денег — человек жаждет медитации. Человек хочет власти — человек жаждет чистоты. Человек хочет знаний — человек жаждет сознательности. Человек хочет мирского — человек жаждет Бога.

То, что тебе внутренне присуще, является жаждой. Перенаправь свою энергию от желания к жажде. Желание отводит тебя от твоего Дао, от твоей Дхармы, от твоей природы. Желание сбивает тебя с пути.

Оно заманивает тебя в фантазии, в неосуществимые фантазии. Оно сводит тебя с ума, так как дает тебе надежды, которые нельзя исполнить, которые неисполнимы. Время, энергия, жизнь будут растрчены впустую, и, в конце концов, в твоих руках и сердце останется одно лишь разочарование.

Жажда есть исполнение.

Если хочешь стать богатым, ты желаешь. Но если ты хочешь стать саньясином, ты жаждешь. Желание зависит от других — в жажде не нужно ни от кого зависеть. Это твое собственное цветение. Оно уже здесь — для него нужна лишь подходящая почва и подходящее время. Оно дожидается наступления весны...

Третий вопрос:

Можно ли обмануть Мастера?

Да, если Мастер того захочет. Иногда Мастер хочет быть обманутым. Если это нужно для вашего роста, он готов пойти на что угодно — даже на то, чтобы быть обманутым. Если это единственный способ вывести ваше мошенничество на чистую воду, он позволит себе быть обманутым. Но не иначе.

Как вы можете обмануть Мастера? Он же вас знает — он знает вас так, как вы сами себя не знаете. Ему ведомо ваше само сокровенное желание, которое может даже не осознаваться вами. Ему известны тонкие приемы вашего это. Вы не можете обмануть. Вы можете попытаться, но не в том, так в другом месте, не с той, так с другой стороны это всплывет на поверхность. Ваши губы говорят одно — а глаза ваши будут говорить другое.

К тому же Мастера не очень заботит то, что вы говорите — он пытается прочесть вас в едва уловимых проявлениях. Он смотрит в ваши глаза, смотрит, как вы ходите, смотрит, как вы сидите ... от поверхности к глубочайшим глубинам. Его не очень заботит то, что вы говорите, говорение ваше едва ли имеет значение; это лепет. Вы сами точно не знаете, что говорите. И даже если знаете, то вы не это имеете в виду. И даже если вы имеете в виду это, то в следующее мгновение вы это изменяете. На это не стоит обращать внимание.

Вот почему психоаналитику приходится углубляться в ваши сны. Вместо того чтобы наблюдать ваш день, он наблюдает вашу ночь. Почему? Потому что днем вы ловчите и обманываете. Вы живете сквозь маскарад, маскировку. У вас множество масок. И дело не в том, что вы обманываете других: из-за своих масок вы обманываете самих себя. Вы верите в свои маски. Вы думаете, что это ваши лица. Вы совершенно забыли свое подлинное лицо.

Психоаналитик вглядывается в ваши сны, потому что в снах ваше постоянное притворство ослабевает. И вот вы начинаете обретать свое истинное лицо.

А Мастер идет еще дальше психоаналитика, так как существуют люди, которые могут обманывать даже в снах. Можно приучить себя видеть определенные сны. И теперь после ста лет

психоанализа этот факт стал совершенно очевидным. Пациенты начинают видеть сны, соответствующие ожиданиям психоаналитика. Если пациент ходит к фрейдисту, он видит одни сны. Если он ходит к последователю Юнга, он начинает видеть другие сны. Теперь это общепринятый факт. Как это происходит? Он даже бессознательно пытался быть умным, хитрым.

Когда вы идете к фрейдисту, то он от вас ждет каких-нибудь сексуальных снов. А если вы их не видите, он будет навязывать вашим снам сексуальную интерпретацию. Ваши чистые сны будут представлены в таком свете, что они покажутся сексуальными от начала до конца. Например, если вы летаете во сне, фрейдист скажет: «Это ничто иное как сексуальность полет — это фаллический символ. Вы хотите подняться еще выше, выше, выше — а это лишь иллюстрирует ваше желание достичь высшей точки секса. Вы хотите достичь пика. Это просто выражение пика».

Это может быть так, а может быть не так, однако аналитик уже заложил в ваш сон определенную модель. И теперь вы постепенно начинаете видеть сны, которые соответствуют его интерпретации, ибо в каждом человеческом существе заложена глубокая потребность в одобрении. И когда вы на самом деле видите фрейдистский сон, то этот психоаналитик будет так счастлив, что и пациент почувствует себя счастливым, он постепенно начинает видеть все более и более сексуальные сны и запоминать среди них самые сексуальные, в которых ярче всех выражен секс. Можно начать редактировать сны — причем делать это совершенно бессознательно. Вы можете некоторые детали убрать и кое-какие детали добавить. И придать им окраску — фрейдистскую окраску.

И через шесть месяцев фрейдистского психоанализа ваши сны будут сплошным переживанием сексуальности, и больше ничем.

Идите к последователю Юнга, и все начнет меняться. Полет теперь больше не является сексуальным символом — это оккультный символ. Это желание человеческой души достичь высшего. Оно эзотерично. Навязывается другая интерпретация, и вскоре у вас появляется видения Мастера, разговаривающего с вами, чистых голосов, звучащих для вас с небес, великого света кундалини, распускающихся внутри вас лотосов.. все это начнет случаться. И через шесть месяцев вы станете образцовым юнговским сновидцем.

Идите к адлерианцу и тот же самый сон, в котором вы летите, получит другую интерпретацию. Адлерианец говорит: «Полет ввысь это ничто иное как попытка добиться превосходства: человек страдает от комплекса неполноценности. Находиться внизу — значит быть неполноценным; взлететь высоко, выше всех остальных — это значит всех превзойти». Вам навязывается другая интерпретация.

Люди начинают видеть сны, которые от них ждут. Поэтому даже сновидение не так чисто, как вы думаете. Мастер не может зависеть и от твоих снов. Он просто выходит за пределы всех твоих уровней; он проникает все уровни. Он проникает весь хаос, которым ты являешься. Ты не в порядке, ты не ученик. В тебе тысяча и одно противоречие, поэтому тебе невозможно навязать какую-нибудь одну определенную идею.

Работа Мастера состоит не в навязывании тебе какой-то определенной интерпретации. Он просто пытается разглядеть весь хаос, который есть ты, все противоречия, которые есть ты, эту толпу, это сборище, которое есть ты, такое обилие в тебе маленьких самостей без всякого настоящего центра, гражданскую войну, что в тебе происходит. И он всегда все это видит.

И если он почувствует, что это тебе пошло бы на пользу, тогда он может быть тобой обманут — однако это выражение его воли. Ты не сможешь его обмануть по собственной инициативе. Это невозможно. У него же есть глаза! Он больше не слеп. Он видит насквозь, он проникает. И обмануть Мастера практически невозможно, даже человека, в котором есть хоть

какая-то наблюдательность, и то трудно обмануть. Если вы только начнете хоть немного наблюдать, то никому уже не удастся вас обмануть. Лишь немного наблюдения!

Например, женщина говорит тебе: «Я тебя люблю». Наблюдай за ее глазами: если она действительно тебя любит, ты увидишь, как меняются ее глаза: ее глаза расширяются, черный зрачок в глазах увеличивается — тут же! Если она действительно тебя любит, она раскрывается. И это не имитация, она раскрывается в глазах, потому что хочет больше тебя испить.

Глаза меняются: когда вы смотрите на солнце, зрачки уменьшаются, так как им не требуется так много солнечного света. А когда вы возвращаетесь домой, в темное пространство, зрачки расширяются, им требуется больше света. Когда женщина говорит мужчине: «Я люблю тебя», то если она лжет, если она лишь пытается его обмануть из-за его денег или чего-нибудь еще, ее глаза не будут соответствовать ее словам. И нет способа заставить глаза соответствовать. Если она тебя любит, зрачки расширяются сами собой, становятся больше. Она раскрывается. Она хочет тебя вобрать.

Вы только понаблюдайте за людьми! Они говорят одно, но лица их говорят другое. Губами они говорят одно, но движения их рук говорят о другом. Лишь небольшое наблюдение — и вас уже никто не обманет.

Бродвейский агент возвратился домой и застал одного из крупнейших своих клиентов в объятиях собственной жены. «Прекрати голосить, как в телевизионной мелодраме, Гарри, — сказал ему клиент, разразясь обличительной тирадой. — Давай посмотрим на эту ситуацию как взрослые люди. Мы оба любим твою жену. Хорошо, давай тогда сыграем в кункен — выигравший получит ее».

Агент подумал с минуту и затем сказал: «Ладно, но чтобы сделать игру интересной, давай тогда сыграем и на деньги».

Как долго вы можете обманывать? Как вы можете обмануть?

Дэнни был заядлым охотником поторговаться. У него не было ни пенса за душой, но стоило только ему завидеть торги, как он уже был не в состоянии их пропустить.

Однажды к нему зашел его друг Джим и сказал: «Дэнни, я предлагаю тебе одну потрясающую сделку, из Барнума и Бэйли. Секус прибыло одно судно с грузом; так вот, на борту у них находится лишний груз. У них там на борту слон, вернее, слоненок, который стоит, самое малое, две тысячи долларов, я же могу тебе его уступить всего за триста долларов».

Дэнни посмотрел на Джима как на полоумного: «Что? Слон? Слон в моей однокомнатной квартире? Ты что, свихнулся? Во-первых, для него нет места. Во-вторых, чем я его буду кормить? А в-третьих, что я с ним буду делать? И не думай!»

«Но говорю же тебе, — не унимался Джим, — этот слон стоит две тысячи баксов, а я готов уступить тебе его всего за триста или даже за двести пятьдесят».

Дэнни был непреклонен: «Да пошел ты к черту! У тебя не все дома. Мне не нужен слон. Я не хочу иметь слона. Отвяжись ты со своим слоном».

Но Джим знал своего друга и не отставал от него. «Послушай, Дэнни, — настаивал он, — у них действительно лишний груз. Знаешь, я думаю, что если я поставлю их перед фактом, то смогу достать для тебя двух слонов за те же двести баксов».

«Ну тогда другое дело», — согласился Дэнни.

Ваша реальность, ваш ум всегда тут как тут. Совсем близко — чуть поскреби, и они выйдут наружу.

Вам не удастся обмануть и хоть сколько-нибудь наблюдательного человека — как вы можете обмануть Мастера? Но если Мастер чувствует, что так для вас лучше, что это нужно для вашего роста, что это может что-то обнаружить, это может привести вас к прорыву, тогда Мастер готов на все. Да, он даже готов быть вами обманутым.

Четвертый вопрос:

Ошо, в прошлом декабре, когда я был в Конье, на празднике дервишского кружения, я встретил одного суфийского Мастера — Сулимана Деде. Он просил меня передать вам привет и спросил, как я узнал, что вы — истинный Мастер. Я подумал, что здесь не может быть дан удовлетворительный ответ. Ошо, а что бы сказали вы?

Начнем с того, Рага, что Деде не стал бы задавать мне такого вопроса. Ему бы все сразу стало понятно. Он уже понял — вот почему он передал мне привет. Это человек понимания, великой любви и сострадания. Но он спросил тебя не из-за того, что у него есть какие-то сомнения или подозрения насчет меня — он спросил тебя лишь для того, чтобы посмотреть на твою реакцию. Он спросил тебя не для ответа, а для реакции, и ты упустил. На такой вопрос нельзя дать удовлетворительный ответ, это верно, но он и не спрашивал у тебя ответа: ему нужна была твоя реакция. Ты мог бы потанцевать, и он бы понял. Ты мог бы его обнять, и он бы понял. Безудержный смех тоже был бы таким ответом.

Это не вопрос интеллектуального любопытства. Это вообще не интеллектуальный человек — это настоящий суфий. Он бы это понял. Суфии знают, как понимать пути любви. Ты бы мог просто с большой любовью посмотреть в его глаза. Он ничего не спрашивал обо мне — он кое-что спросил о тебе. Таковы приемы Мастеров.

Казалось бы, он задал вопрос о том, как ты смог распознать истинного Мастера. А на самом деле он спросил: «А ты сам истинный ученик?» И ты бы мог проявить свое ученичество. Ты бы мог коснуться его ног. Ты бы мог издать радостный крик или сделать что-нибудь еще! Без подготовки, без манипуляции ума, а спонтанно, сразу, и он бы был тобой вполне удовлетворен.

Когда ты к нему придешь в следующий раз, не упusti. Если он опять спросит, то на этот раз сделай что-нибудь. И помни: я говорю: «Сделай что-нибудь». Суфийский Мастер не требует ответа, удовлетворительного с интеллектуальной точки зрения: он требует чего-то экзистенциального, какого-то проявления.

Он спрашивал тебя «Если ты нашел истинного Мастера, то что с тобой произошло? Покажи-ка мне! Намекни! Появилась ли в тебе любовь? Обрел ли ты способность отдаться танцу? Обрел ли ты способность увидеть красоту существования? Появилось ли в тебе смирение? Стал ли ты молитвенным?...»

Пятый вопрос:

Ассаньоли говорит, что никакая осознанность в мире не поможет до тех пор, пока ты не сделаешь выбор: «Именно готовность сделать выбор вызывает изменение, а значит, рост». А между тем вы говорите о невыбирающей осознанности.

Есть ли на самом деле выбор?

Чарана, Ассаньоли в своей реакции на Зигмунда Фрейда впал в другую крайность. Воззрение его не уравновешено и не может быть таковым. Это реакция, а реакции никогда не бывают уравновешенными. Я говорю тебе, что в своем понимании он значительно выше Зигмунда Фрейда. Но здесь все-таки имеет место неуравновешенность.

Вся работа Зигмунда Фрейда заключалась именно в том, чтобы заставить вас осознать свои глубоко укоренившиеся проблемы. Если вы начинаете осознавать свои глубоко укоренившиеся проблемы, то они начинают постепенно исчезать — в этом и состоит фрейдовский анализ. Ничего больше не нужно. Нужно лишь вывести на свет сознания свои неосознанные проблемы. И как только сознание проникнет в бессознательное, в это же мгновение маленький луч света

проникнет в ваше существо, и проблемы начнут приобретать иной вид.

Фрейд был на верном пути, однако он застрял в мире сновидений. И никогда не шел дальше этого. Позвольте мне напомнить вам: первое состояние — это бодрствование, второе состояние — сновидение, третье состояние — сон, четвертое состояние — турийя — самадхи. Зигмунд Фрейд совершил революцию в результате одного лишь смещения акцента с первого на второе. В этом заключается вся революция психоанализа. Раньше западный человек жил преимущественно с идеей, что бодрствование — это и есть все. Сновидения же никогда не принимались в расчет. Вся заслуга Зигмунда Фрейда состоит как раз в том, что он расширил человеческое сознание. Он привнес туда сновидения. Он углубился в темноту внутреннего мира. Это лишь один шаг, однако этот шаг много обещает, очень много обещает — он несет в себе большой потенциал. Но Фрейд на нем застрял.

Чтобы сделать вас хоть немного бдительнее, требуются годы психоанализа. От этой чуть возросшей бдительности есть толк, однако это слишком долгий процесс. На Востоке же мы располагаем методами, которые могут сделать вас максимально бдительными за очень короткий период. Випассана может за один месяц сделать то, что психоанализ сделал бы за несколько лет. К тому же випассана работает с третьим состоянием, продвигаясь глубже психоанализа. А когда вы работаете на более глубоком плане, то проблемы, ранее казавшиеся очень важными, просто меркнут. Если сновидение становится сознательным процессом, оно будет изменять ваше бодрствующее сознание. Если вы становитесь сознательными во время сна, это изменяет вашу видящую сны осознанность.

И существуют способы вызовы квантового скачка от третьей к четвертой стадии. Этот квантовый скачок и есть то, что называется сатори, когда вы начинаете осознавать четвертое состояние. Когда вы просто осознаете, то это не бодрствование, не сновидение, не сон — а просто осознание. Ваша осознанность ничем не заполнена. Эта четвертая стадия, турийя, — высочайшая точка сознания. У достигшего ее все проблемы просто исчезают. Их уже не надо менять. Нечего больше изменять. И не нужно никакого лекарства.

Фрейд на верном пути, однако он попал на крючок и слишком увлекся миром сновидений. А если вы слишком увлекаетесь миром сновидений, вы забываете о главной цели. Вы начинаете отклоняться в сторону, и нет тому конца. Вы можете продолжать анализировать и анализировать сновидения на протяжении многих лет, на протяжении многих жизней... это поможет, однако такое преобразование никогда не будет полным. Вы можете покончить с одним, но возникнет другое. Вы можете измениться в одном пункте, а с другим будет туго. И ситуация в целом останется той же самой.

Ассаньоли начал это осознавать и стал думать, что преобразование не наступает в результате одного лишь осознания — вы должны проявить волю. Это была его реакция на Зигмунда Фрейда. И это была реакция в двух отношениях: первое — анализ — он создал новую философию и назвал ее «психосинтез», и второе одно лишь наблюдение не поможет, ибо он увидел, что работа, проделываемая Фрейдом, никуда вас не приводит... Вы изменяете одно, а с другим дела обстоят неважно, и целое остается тем же самым. Поэтому он привносит волю: человек должен проявлять волю. Однако это — движение к другой крайности, ибо вместе с волей входит эго.

Воля есть не что иное, как выражение эго. Все виды подавлений обязаны своим возникновением воле... вы начинаете подавлять. Что такое воля? Вы выбираете что-то вопреки, но что вы собираетесь делать с тем, вопреки чему вы выбираете? Вы станете его подавлять. Маятник ушел назад. И он возвратился к той же самой ситуации, которая существовала до Фрейда.

Интуиция Ассаньоли прекрасна: анализа недостаточно, потому что анализ только

расчленяет. А расчленяя, вы уничтожаете. Благодаря расчленению вы можете познавать лишь мертвые вещи, ибо при расчленении они становятся мертвыми. Если вы расчленяете цветок. Как вы узнаете его красоту? — она исчезнет. Если вы расчлените ребенка, он умрет. Всякое расчленение — это *post mortem*. Поэтому, к чему бы вы ни пришли в результате расчленения, это никогда не даст вам никакого ключа к жизни и тайнам жизни. Это может вам пригодиться в понимании вещества, мертвого вещества, но все живое исчезнет. Для него необходимо более синтетическое воззрение.

Ассаньоли прав — в этом отношении он прав. Но что касается воли, то здесь он абсолютно неправ. Если вы проявите волю, вы можете, конечно, измениться. Этим и занималось человечество веками до Фрейда. Вы разгневаны — проявите волю к состраданию и подавите гнев. И тогда начинает подавляться гнев и культивироваться сострадание. У вас прекрасная личность, но отнюдь не прекрасная душа. Отшлифованная личность, но глубоко внутри пылает адский огонь. На поверхности вы подобны ангелами, но в вашей глубине продолжает клокотать то, что вы подавили. И оно обязательно взорвется. И будет продолжать отравлять вашу жизнь миллионами способов.

Воля это не выход из положения. Насчет этого Фрейд прав куда больше Ассаньоли. Однако проблема Фрейда заключается в том, что он никогда не шел дальше сновидения. Но это и понятно. На Западе он был первопроходцем, а первопроходцы не могут идти очень далеко. Они только проламывают лед, они только начинают. И многое еще необходимо сделать.

А между тем Восток уже проделал всю эту работу. Вы будете удивлены, если узнаете: один из самых чутких индусов этого века, Ананда Кумарасвами, утверждает, что одному психологическому термину на английском языке соответствуют четыре психологических термина на греческом. А одному психологическому термину на греческом соответствуют сорок психологических терминов на санскрите. Для одного психологического термина на английском вы можете подобрать сотни психологических терминов на санскрите с тонкими нюансами и оттенками.

Пять тысяч лет работы... Быть может, вам известно, что у эскимосов есть двенадцать слов для обозначения льда — и это естественно они ведь там живут. У них так много понятий льда, как ни у кого другого. Ни в одном другом языке не содержится двенадцати слов для обозначения льда.

На Востоке психология была самой древней наукой. Фактически, это единственная наука, над которой работал Восток. И наш многовековой опыт свидетельствует о следующем: осознанность — это единственный выход. Но она должна быть все более и более тотальной.

И когда осознанность тотальна, она преобразует. Не нужно никакого другого действия. Просто что-то осознать во всей его полноте — значит от него освободиться. Понимать — значит преобразовываться. И если после того, как вы поняли, вам все-таки нужно что-то сделать, то это будет говорить лишь о том, что вы еще не поняли.

Например, если вы действительно понимаете, что гнев — это яд, не из-за того, что это говорю я, не из-за того, что это говорит Будда, но если вы поняли, благодаря своему собственному наблюдению, медитации, что гнев — это яд, что он отравляет ваше существо, и после этого спрашиваете: «И что теперь надо делать, чтобы избавиться от гнева?» Если вы задаете вопрос «Что делать, чтобы избавиться от гнева?», то это просто говорит о том, что вы еще не поняли. Если вы действительно поняли и увидели, что гнев — это яд, вы от него избавитесь. Вы избавляетесь от него в самом этом понимании.

Осознавание есть преобразование. И не нужна никакая другая дисциплина.

Ассаньоли снова отступает назад. В одном месте он привносит что-то прекрасное, а именно — синтез. Но в другом месте, в другом отношении он снова отступает назад возвращается к

старому подавляющему уму, так как воля означает подавление.

Я не учу вас проявлению воли. Ведь именно благодаря воле вы становитесь такими несчастными. Именно благодаря воле вы стали испытывать чувство вины. Именно благодаря воле вы продолжаете носить в себе скорпионов, змей, крокодилов и всевозможные гадости. Вы утратили всю свою красоту и грацию.

Что такое воля? Воля означает борьбу против целого. Настоящий человек понимания — это абсолютное безволие. Вот почему Иисус говорит «Да придет царствие твое. Да будет воля Твоя». Как Ассаньоли собирается это объяснить? — Да будет воля Твоя.. Не моя! Я должен вычеркнуть свою волю раз и навсегда. Меня не должно быть. И когда я буду в абсолютном безволии, тогда вступит в действие Божественная воля.

Да, и насчет синтеза — идея синтеза Ассаньоли является скорее философской, нежели экзистенциальной. Есть два вида синтеза. Первый — объединение. Этим занимался Махатма Ганди в Индии. Он пытался объединить ислам с индуизмом. Он пытался создать некий синтез. Он руководствовался политическими мотивами: прекращение борьбы индуистов и мусульман. Мотивы эти не были религиозными: они были политическими — избежать разделения Индии. И они не сработали, потому что политические мотивы никогда не срабатывают. Они нечестны, неискренни в самой своей основе.

И какой такой синтез индуизма и мусульманства пытался он создать? Только поверхностный: взять несколько положений из Бхагават-гиты и несколько положений из Корана и попытаться показать, что они означают одно и то же. Это очень легко. Однако это опровергают тысячи мест из Корана и тысячи мест из Библии, которые противоречат друг другу. Но не будем о них говорить. Не будем их касаться. Давайте лучше рассматривать те положения, которые не противоречат друг другу.

Это поверхностный синтез.

И есть другой вид синтеза — его совершил Рамакришна. Он практиковал почти все религии, которые были для него доступны. За шесть месяцев он стал мусульманином. Вы только взгляните на разницу. Что делал Ганди? Он всего лишь посмотрел в Коран, посмотрел в Гиту, пытаясь произвести некий интеллектуальный синтез и создать своего рода синтетическую философию. Однако этот синтез не экзистенциальный, а интеллектуальный. И мотивы его были политическими.

А что делал Рамакришна? Он достиг окончательно самадхи через индуизм. Ни один человек прежде никогда не делал ничего подобного. И после этого он сказал: «А теперь мне бы хотелось последовать по пути ислама».

Его ученики были сбиты с толку. «Зачем? — недоумевали они. — Ведь вы же достигли!»

«А теперь, — ответил он, — я хочу увидеть, смогу ли я достичь также на этом пути или нет. Я взошел на пик сознания одним путем. А теперь я снова спущусь в долину и начну путешествовать по другому пути. Мне бы хотелось увидеть, смогу ли я достичь того же самого пика».

Это было одним из величайших дерзаний в человеческой истории. Рамакришна в своем дерзновении стоит особняком. Он стал мусульманином. И когда он стал мусульманином, он перестал ходить в индуистские храмы. О, он больше не был индуистом! Он начал носить мусульманскую одежду, начал есть мусульманскую пищу У него был мусульманский повар, который готовил для него еду. В течение шести месяцев он практиковал суфизм. И тогда место его стало в мечети.

Через шесть месяцев он достиг пика. Он объявил своим ученикам: «И этот путь ведет к тому же месту. А теперь я пойду другими путями...»

Он становился буддистом, он становился христианином... но самым странным из того, что

он делал, самым странным из всех этих путей был такой. В Бенгали есть секта кришнаитов, ее члены веруют в Кришну. И одно из самых фундаментальных верований заключается в том, что Кришна — единственный мужчина на свете, а все остальные являются лишь подругами Кришны, его гопи. Все! Даже мужчины. Существует только один мужчина — центр, а все остальные — это танцующие вокруг него подруги. И потому каждый, кто следует по этому пути, должен верить в то, что он женщина. Мужчина ли он или женщина, не имеет значения. Это один из самых основополагающих моментов.

Рамакришна следовал по этому пути в течение одного года... он жил как женщина, носил женскую одежду. И, о чудо! Не прошло и нескольких недель, как у него появилась женская походка, а этого очень трудно добиться. Это на самом деле трудно, это предполагает совершенно другую анатомию. Это не просто вопрос веры. Женщина обладает специфической походкой из-за своей матки. Мужчина не может так ходить. Из-за матки, что внутри женщины, ее физиология развивается по-другому. А он начал ходить как женщина. Люди были поражены.

Но это еще не все: у него изменился голос — он стал говорить как женщина. Но и это еще не все: его груди начали расти, что доставило немало беспокойств его ученикам. И это не все — самым удивительным было следующее: через шесть месяцев у него начались менструации. Причем регулярные! Это было невероятно. Приходили врачи, и они были не в состоянии поверить в то, что происходит — регулярно, ежемесячно.

Он стал женщиной! Он достиг и на этом пути.

Это экзистенциальный синтез. Это настоящий синтез. Гандианский синтез всего-навсего фокус-покус. Совершенно бессмысленный. А это настоящий синтез.

Ассаньоли делал что-то интеллектуальное.

А то, что делаем здесь мы — это настоящий синтез. И не только всех религий, но и всех психологии, всех йог. Мы пытаемся экзистенциально двигаться во все возможности, в которые когда-либо двигались человеческие существа. Мы можем создать здесь величайший синтез из всех когда-либо где-либо создававшихся.

Но этот синтез не является интеллектуальным: он экзистенциален. Мы его проживаем. Когда я говорю о суфиях, я суфий. Когда вы слушаете, как я говорю о суфиях, то те, кто действительно слушают меня, сами становятся суфиями. И тогда исчезает все остальное. Когда мы движемся в мир дзен, мы становимся его частью! Мы не посторонние наблюдатели. Когда я говорю о Мастерах дзен, я говорю не снаружи. Я не ученый, и вы здесь не студенты. Это не дискуссия, это общность.

Когда я говорю о Мастерах дзен, я един! И любящие меня, близкие мне, саньясины, соединяются с этим подходом. И в этом соединении возникает понимание.

Мы движемся через все возможные климаты, по всевозможным путям. И постепенно на нашей земле появится не один Рамакришна, а тысячи.

Шестой вопрос:

Почему я не могу увидеть в жизни никакого смысла?

Жизнь как таковая не имеет смысла. Жизнь — это возможность создания смысла. Смысл нужно не открывать, смысл нужно создавать. Мы найдем смысл, если только мы его создадим. Он не лежит где-то здесь, в кустах, так чтобы мы могли подойти, немного поискать и обнаружить его. Он не похож на камень, который нам предстоит отыскать. Он похож на стихотворение, которое надо сложить, на песню, которую надо спеть, на танец который надо станцевать.

Смысл — это танец, а не камень. Смысл — это музыка. Вы найдете его, если только вы его

создадите. Помните это.

Миллионы людей проживают бессмысленные жизни из-за этой донельзя глупой идеи, что смысл должен быть открыт. Как будто он уже здесь. А все, что вам нужно — это отдернуть шторм — и он перед вами! Вот он, смысл. Однако это не так

А потому помните: Будда находит смысл, потому что он его создает. Я нашел его, потому что я его создал Бог не вещь, а творчество. И только те находят, кто творят. Хорошо, что смысл не лежит где-то, иначе кто-то уже открыл бы его — и зачем тогда нужно было бы открывать его кому-то еще?

Можете ли вы увидеть разницу между религиозным смыслом и научным смыслом? Альберт Эйнштейн открыл теорию относительности, и что же: вам приходится открывать ее снова и снова? Вы будете только глупцами, если возьметесь снова и снова ее открывать. Зачем? Один человек уже это сделал; он дал вам карту. Ему на это, наверное, потребовались годы; а чтобы вы ее поняли, вам потребуется всего несколько часов. Вы можете пойти в университет и послушать

Будда тоже кое-что открыл, Заратустра тоже кое-что открыл; однако это не то же, что открытие Альберта Эйнштейна. И дело обстоит не так, что если вы последуете за Заратустрой, руководствуясь его картой, то вы это найдете. Вы сами должны будете стать Заратустрой. Почувствуйте разницу!

Чтобы понять теорию относительности, вам не нужно становиться Альбертом Эйнштейном. Вы всего-навсего должны обладать средним интеллектом, и этого будет достаточно. Если вы не очень отстали в развитии, вы ее поймете.

Но чтобы понять Заратустру, вам самим придется стать Заратустрой — меньшее не подойдет. Вам придется создавать его заново. И каждый человек должен дать рождение Богу смыслу, истину, каждый человек должен этим забеременеть и пройти через муки родов. Каждый должен выносить это в своем чреве, питая это своей собственной кровью, только тогда он откроет.

Итак, ты спрашиваешь меня: «Почему я не могу увидеть в жизни никакого смысла?»

Должно быть, ты пассивно ждал появления смысла... а он никогда не придет. Такова была идея прошлых религий: смысл уже здесь. Это не так!» Здесь свобода для его создания, энергия для его создания. Здесь поле для посева семян и сбора урожая, здесь все — и тем не менее, смысл должен быть создан. Вот почему его создание — такая радость, такая авантюра, такой экстаз.

Отсюда первое: религия должна быть творческой. До сих пор религии оставались очень пассивными, почти бессильными. Вы не ждете от религиозного человека творчества. Вы лишь ждете, что он будет поститься, сидя в пещере, да вставать с утра пораньше, распевая мантры, или делать еще какую-нибудь подобную глупость. Все это как нельзя лучше соответствует вашим ожиданиям! Что же он делает? Вы восхваляете его, так как он продолжает длительный пост. А может, он мазохист, может, он наслаждается самоистязанием? Вот он обнаженным сидит в ледяную стужу, и вы его превозносите. Но какой в этом смысл, какую это имеет ценность? Все животные сидят обнаженными в ледяную стужу — но они же не святые. Или в жару он сидит под палящим солнцем, и вы его высоко цените. Вы говорите: «Посмотрите! Вот великий аскет». Но что он делает? Что он дал миру? Какую красоту он добавил к миру? Изменил ли он хоть немного мир? Сделал ли он его хоть немного более прекрасным, более благоухающим? Нет, не спрашивайте об этом.

А я теперь говорю вам, что об этом нужно спросить. Хвала человеку, сложившему песню. Хвала человеку, создавшему восхитительную статую. Хвала человеку, так бесподобно играющему на флейте. Пусть отныне это будут религиозные качества. Хвала человеку, который так любит — ведь любовь — это религия Хвала человеку ведь благодаря ему мир становится

прекраснее.

И забудьте обо всех этих глупостях! — посте и сидении в пещере, самоистязании и лежании на кровати из гвоздей. Хвалите лучше человека, вырастившего прекрасные розы. Ведь благодаря ему мир обретает больше красок. И тогда вы найдете смысл.

Смысл приходит из творчества. Религия должна стать более поэтичной, более эстетичной.

И второе: иногда бывает так, что ты ищешь смысл, потому что уже сделал заключение. И ищешь его, исходя из этого заключения. Ты уже решил, что смысл должен быть здесь или обязан быть здесь... и тогда ты его не находишь.

Поиск должен быть чистым. Что я имею в виду, когда говорю, что поиск должен быть чистым? В нем не должно присутствовать никаких заключений. Он не должен содержать в себе никаких *a priori*.

Ты спрашиваешь: «Почему я не могу увидеть в жизни никакого смысла?»

А какой смысл ты ищешь? Должно быть, ты ищешь определенный смысл. Но ты его не найдешь, потому что твой поиск загрязнен с самого начала, твой поиск не чист. Ты уже решил.

Например, какой-то человек приходит в мой сад и думает, что если он сможет найти здесь алмаз, то этот сад прекрасен, но ему не удастся найти алмаз, и тогда он говорит, что в этом саду нет смысла... А ведь здесь столько красивых цветов, столько поющих птиц, столько облаков, и ветер шумит в соснах, и камни покрыты мхом. Однако он не может увидеть никакого смысла, потому что у него есть определенная идея: он должен отыскать алмаз, Кохинор — только тогда будет смысл

Он упускает смысл из-за своей идеи. Пусть ваш поиск будет чистым. Не двигайтесь с какой-то утвердившейся идеей. Идите голыми, обнаженными. Идите открытыми и пустыми. И вы найдете не только один смысл — вы найдете тысячу и один смысл. Каждая вещь тогда наполнится смыслом. Цветной камень, переливающийся в лучах солнца... или капелька росы, излучающая крошечные радуги... или маленький цветок, танцующий на ветру.. Какой еще вы ищете смысл?

Не начинайте с заключения, иначе вы будете заблуждаться с самого начала. Идите без всяких заключений! Именно это я имею в виду, когда снова и снова повторяю: если вы хотите найти истину, идите без знаний. Знающий никогда ее не найдет. Его знание будет служить препятствием.

Голдштейн никогда не был в драматическом театре. И вот на его день рождения его дети решили подарить ему билет в еврейский театр.

Вечером после спектакля они пришли к нему в гости и, горя от нетерпения, стали его расспрашивать, что он думает о спектакле.

«Ах, — ответил он, — это была какая-то чушь. Когда она хотела, он не хотел. А когда он хотел, она не хотела. А когда они оба захотели, занавес упал».

И если у вас есть утвердившаяся идея, то вы теперь ищете только ее, только ее... Из-за этой узости ума упускается все доступное.

Смысл должен быть создан. Смысл также нужно искать без всяких заключений. Если вы сможете отбросить свои знания, жизнь внезапно обретет краски, станет психоделичной. Но вы все время носите груз ваших священных писаний, книг, теорий, учений, философий, вы потерялись во всем этом. И все перепуталось, все смешалось. И вы даже не в состоянии вспомнить, что к чему.

Ваш ум — это путаница. Прочистите его! Сделайте его пустым. Пустой ум — это лучший ум. А те, кто вам твердит, что пустой ум — это мастерская Дьявола, сами же и являются дьявольскими агентами. Пустой ум ближе к Богу, чем что бы то ни было. Пустой ум — это не мастерская Дьявола. Дьявол не может действовать без мыслей.

С пустотой Дьявол вообще не может ничего подделать. Он не имеет доступа к пустоте.

В уме так много мыслей, и все они так перемешаны, что, кажется, нет ничего ясного; вы столько всего слышите отовсюду — ваш ум — это монстр. Вы стараетесь запомнить, и вам велят запомнить: не забудь! И, естественно, ноша так тяжела, что вы не в состоянии запомнить. Вы многое забыли. Многое из того, что вы воображали своим дополнительным багажом.

Англичанин прибыл в Америку и попал на банкет, где ведущий говорил такой тост: «Это счастливейшее мгновение моей жизни, когда меня сжимает в объятиях жена другого человека — моя мать».

«Ей-богу, это великолепно, — подумал про себя англичанин. — Надо запомнить, чтобы сказать это, когда вернусь домой».

Через несколько недель, когда он вернулся в Англию, он пришел на церковный завтрак, и его попросили сказать тост. И он громогласно объявил перед многочисленной аудиторией: «Это счастливейшее мгновение моей жизни, когда меня сжимает в объятиях жена другого человека...»

После долгой паузы толпа забеспокоилась и стала бросать в сторону оратора свирепые негодующие взгляды. Друг оратора, сидящий рядом с ним, прошептал: «Тебе бы лучше поскорее объясниться».

«Ей-богу, — выпалил оратор, — вы должны меня извинить. Я забыл, как зовут ту цветущую женщину».

Такое случается. Вы помните это — это сказал Платон. Вы помните то — это сказал Лао-цзы. Вы помните также, что сказал Иисус, что сказал Мухаммед... вы помните много всякой всячины. И все это перемешано. Вы не сказали ничего своего. До тех пор, пока вы не скажете что-то свое, вы так и будете упускать смысл.

Отбросьте знания и станьте более творческими. И помните: знания уже собраны, и вам не нужно проявлять по отношению к ним творчества; вам нужно лишь быть восприимчивыми. Именно этим и стал человек; человек деградировал до зрителя. Он читает газеты, он читает Библию, Коран, Гиту, он ходит в кино, садится и смотрит фильмы; он ходит на футбол и сидит перед телевизором, слушает радио и т. д., и т. п. Двадцать четыре часа в сутки он находится в состоянии пассивного зрителя. Кто-то что-то делает, а он просто наблюдает. Но вам не найти смысла с помощью наблюдения.

Вы можете видеть тысячу и одного любовника, занимающегося любовью, но вы не узнаете, что такое любовь — не узнаете, что такое оргазм. Вам самим нужно в этом участвовать. Смысл приходит через участие. Участвуйте в жизни! Участвуйте так глубоко, так полно, как это только возможно. Рискуйте всем ради участия. Если вы хотите узнать, что такое танец, не идите смотреть на танцора — сами учитесь танцевать, сами будьте танцорами. Если вы хотите узнать что бы то ни было, участвуйте! Это истинный и верный способ, настоящий способ что-то узнать. И в жизни вашей станет больше смысла. И не одномерного — а многомерного. Смыслы будут осаждать вас со всех сторон.

Жизнь должна быть многомерной, только тогда появится смысл. Никогда не делайте жизнь одномерной. Это тоже проблема.

Кто-то становится инженером и думает, что на этом все заканчивается. Он отождествляет себя с инженерией. И тогда всю свою жизнь он только инженер. А ведь существуют миллионы вещей, которые ему доступны. Но он двигается только по одной тропе, и ему становится скучно. Он пресыщается. Он устает, изнашивается. И тянет, тянет, тянет эту лямку. И ждет только смерти. Какой здесь может быть смысл?

Пусть в вашей жизни будет много интересов. Не будьте все время бизнесменами. Иногда позволяйте себе и поиграть. Не будьте только врачами, или инженерами, или директорами школ, или профессорами — будьте настолько многогранными, насколько это только возможно.

Играйте в карты, играйте на скрипке, пойте песни, будьте фотографами-любителями, поэтами... Найдите в жизни как можно больше граней, и тогда вы обретете богатство. А смысл — лишь побочный продукт богатства.

Я слышал одну историю о Сократе, которая говорит о многом.

Когда Сократ ждал в тюрьме смерти, его все время посещал один сон, сон-призыв: «Сократ, сыграй что-нибудь!» Старик чувствовал, что своим философствованием он всегда служил искусству. Но теперь, побуждаемый этим таинственным голосом, он стал перелагать мифы на стихи, сочинять гимн Аполлону и играть на флейте.

Перед лицом смерти философия и музыка пошли вдруг рука об руку и Сократ испытал доселе неведомое блаженство.

Он никогда не играл на флейте. Но что-то в нем призывало: «Сократ, сыграй что-нибудь!» Прямо перед лицом смерти! Это выглядело так нелепо. К тому же он никогда не играл, никогда не играл на музыкальном инструменте. Часть его существа оставалась задавленной. Да, даже такой человек, как Сократ, оставался одномерным. И вот теперь отвергнутая часть призывала: «Хватит логики — теперь не помешало бы немного музыки, она внесет равновесие. Хватит аргументировать — играй на флейте». И этот голос был таким настойчивым, что Сократу ничего не оставалось, как уступить ему.

Его ученики, наверное, были озадачены: «Уж не сошел ли он с ума? Сократ, играющий на флейте?» Но для меня это значительное явление. Музыка его не могла быть совершенно безукоризненной, ведь он же никогда не играл. Она, скорее всего, была дилетантской, детской — но все-таки что-то было удовлетворено, к чему-то был наведен мост. Он больше не был односторонним. Быть может, впервые за всю жизнь он был спонтанным. Впервые он делал что-то такое, чему не мог подобрать объяснения. В остальных же случаях это был рациональный человек.

Как раз недавно вечером я читал одну историю о великом хасидском мистике, Баал Шеме:

Был праздник, и хасиды собрались для молитвы и общения — сат-санга — с Мастером.

Пришел один человек с умственно отсталым ребенком. Он испытывал некоторое беспокойство по поводу ребенка, мальчика. Ведь он мог что-нибудь отмочить, и он не спускал с мальчика глаз. Когда закончилось чтение молитв, мальчик спросил у отца: «У меня есть свисток — можно я на нем поиграю?»

«Ни в коем случае, — испугался отец, — где твой свисток?» Он и слышать не хотел никаких возражений. Мальчик показал свисток, и отец положил руку на карман, то есть на карман мальчика. Затем начались танцы, и отец, все забыв, тоже пустился в пляс. Хасиды — танцоры, веселые люди — они, эти сумасшедшие, представляют сливки иудаизма, самую его суть.

Когда все молились Богу и танцевали, мальчик не мог больше удержаться. Он вынул свисток и подул в него. Все были шокированы. Но Баал Шем подошел, обнял мальчика и сказал: «Молитвы наши услышаны. Без этого свистка все было бы тщетно, ибо единственно спонтанным здесь было это. Все же остальное было обрядом».

Не позволяйте вашей жизни становиться лишь мертвым обрядом. Пусть в ней будут необъяснимые вещи. Пусть в ней будет хоть немного таинственного — того, чему вы не можете найти никакого объяснения. Пусть в ней будет хоть немного такого, из-за чего люди станут думать, что вы чуточку сумасшедшие. Мертв тот, кто рассудителен на все сто процентов. Немного безобидного сумасшествия — это всегда большая радость. Продолжайте также совершать чуть сумасшедшие поступки. И тогда появится возможность смысла.

Последний вопрос:

Я не в состоянии сдаться Богу, и дело не в моем эго, а в самоуважении. Или я не прав?

Самости не существует. Самость — это другое название эго. Что ты имеешь в виду под самоуважением? Есть такое качество сознания, которое можно назвать благоговением, но оно всегда безадресно. Оно не направлено ни на себя, ни на другого. Это просто благоговение перед жизнью.

Когда же оно адресовано, то это всего лишь рационализация. А человек горазд находить красивые слова для уродливых вещей. Мы всегда сумеем скрыть наши язвы и положить на них цветы. Ты занимаешься именно этим — и ты это также осознаешь. Вот почему ты спрашиваешь: Или я не прав? Ты же знаешь, что ты действительно не прав.

И я не говорю вам: «Не уважайте жизнь» — будьте исполнены уважения ко всей жизни. Ваша жизнь включена в нее! Вы из нее не исключены. Однако это должно быть благоговением перед всей жизнью. А когда оно распространяется только на самого себя, то что тогда остается другим?

И что конкретно представляет из себя эта самость? Всего-навсего другое название эго — это и ничего больше. Идея «я» — ложная идея, потому что, когда бы вы в нее ни входили, вы не найдете «я». Никто никогда не находил никакой самости. Попробуйте пойти и посмотреть... вы не найдете ее.

Император Ву обратился к Бодхидхарме с просьбой: «Мне очень мешает мое эго, эта самость. Я испробовал все, но так и не смог от этого избавиться. Помогите мне!»

Бодхидхарма сказал «Встань завтра рано утром, в три часа. Приходи ко мне один и не забудь принести с собой свою самость — и я покончу с ней раз и навсегда».

Император испугался. Этот человек производил впечатление сумасшедшего. «Как кто-то может покончить с самостью? И что он имеет в виду когда говорит: «Не забудь ее принести?»

Всю ночь он не сомкнул глаз, то и дело вставал и ворочался с боку на бок. Много раз он собирался не идти: «Приходи один» — как же! Да он какой-то ненормальный». В Китае его звали Варварским Буддой. У него были очень опасные глаза. Если он посмотрит в ваши глаза, то вы несколько месяцев не сможете уснуть. И выглядел он убийственно — он был убийцей. Он убил многих учеников. Многие стали из-за него просветленными. И он на самом деле был суровым надсмотрщиком.

В три часа, в темноте, находиться один на один с этим человеком... и никто не знает, чего от него ожидать — он же непредсказуемый. Когда он прибыл в Китай, он явился туда в одном ботинке, а другой был у него на голове. Император недоумевающе спросил: «Что ты делаешь?»

А он ответил: «Пытаюсь показать тебе, что я именно такой. Просто даю тебе почувствовать, чтобы ты с самого начала знал, с кем имеешь дело».

И вот теперь предстояло идти к этому человеку в его горную пещеру, да еще в темноте... Много раз он решал не идти, однако соблазн был также велик — то ведь был не обычный человек. Да, с виду он казался очень суровым, но глубоко внутри у него, возможно, билось добрейшее сердце. Он был само сострадание. Даже если он проявлял суровость, то это было из сострадания.

В конце концов, он решился пойти. И когда он предстал перед Бодхидхармой... тот сидел, держа в руках свой посох и обратился к нему с такими словами: «Пришел? А где твое эго? Где твоя самость? Ты принес их с собой? Я ведь собираюсь покончить с ними раз и навсегда».

«О чем ты говоришь? — возразил император. — Разве самость — это вещь, которую я могу с собой принести?»

«Тогда что это? — спросил Бодхидхарма.

«Разумеется, это что-то внутри», — произнес император.

«Ладно, внутри или снаружи — не имеет значения, — ответил Бодхидхарма. — Мой посох

ее везде достанет! Садись-ка напротив меня, закрой глаза и попытайся ее найти. И как только ее найдешь, скажи «я нашел», и я ее убью».

Трясаясь и дрожа, император сел перед Бодхидхармой. Проходит несколько часов. Уже начало подниматься солнце. А он все смотрел и смотрел... ему поневоле пришлось смотреть! Ведь перед ним сидел этот человек со своим посохом. Он мог больно ударить И вот к утру, когда уже всходило солнце, он стал совершенно другим человеком. «А теперь можешь открыть глаза, — сказал Бодхидхарма. — ну, и где же она? Ты ведь три часа смотрел».

Ву коснулся ног Бодхидхармы и вымолвил: «Я не могу ее найти. Я всматривался изо всех сил — я никогда еще так не всматривался. Твое присутствие заставляло меня всматриваться изо всех сил. Я искал что есть мочи. Я ничего не скрывал, но я ее не нашел».

Бодхидхарма засмеялся и сказал: «Ну вот видишь? Я покончил с ней раз и навсегда».

Ее же нет! Когда вы не смотрите, она есть. Когда вы смотрите, ее нет. Идите внутрь... и вы не найдете там никакого эго, никакой самости, ничего. А если вы там что-то найдете, так это вечную бесконечную жизнь, и тогда возникает настоящее благоговение перед ней.

Альберт Швейцер все время употреблял это выражение «Благоговение перед жизнью». Это синоним религии. Но, пожалуйста, не впадайте в объяснения

Не успел Гарри Робинсон переступить порог знакомого публичного дома, как, к своему ужасу, увидел спускающегося с лестницы родного отца. Гарри ошарашенно отпрянул. «Папа! — вскричал он. — Ради Бога, что ты делаешь в таком месте?»

Робинсон-старший был ошеломлен не меньше, однако быстро взял себя в руки. «Сынок, — сказал он, беспечно стряхивая соринку со своего пиджака, — неужели ты хочешь чтобы я из-за каких-то двадцати вшивых долларов беспокоил твою дорогую маму и так работающую в поте лица?»

Люди всегда смогут объяснить все и вся.

Психически больной еврей поднял в клинике переполох своим отказом от приема пищи. «Я кошерный! — надрывался Московитц. — Не буду есть эту пищу. Я хочу есть только кошерную еду!» Тогда медперсонал нанял одну еврейку из общины, чтобы она готовила для Московитца специальную кошерную еду. Все лопались от зависти, так как еда Московитца была гораздо лучше их собственной.

И вот в пятницу вечером, покачавшись на стуле и съев на обед деликатес из цыпленка, Московитц отодвинул стул и зажег большую сигару. Терпение директора подошло к концу и он вызвал Московитца к себе в кабинет.

«Ну, посудите сами, Московитц. Вы против убийства. Вы едите самую лучшую еду так как заявляете, что питаетесь исключительно кошерной едой. И вот в пятницу вечером, то есть на вашу субботу вы глумитесь над своей же религией и курите сигару!»

Московитц только пожал плечами «И вы еще со мной спорите? — сказал он. — Я же сумасшедший, не так ли?»

Помните: ум очень хитер. Он всегда отыщет объяснения. Он может назвать эго самостью, душой. Он может назвать эгоистическую позицию самоуважением и прикрываться этими словами.

Вы должны быть тверды. Вы должны выявить свой ум до самых корней. Только тогда ваше бытие расцветет пышным цветом. Ум обязательно должен быть отброшен, а он отбрасывается только тогда, когда выявляется. Это обманщик, это мошенник.

5. Любовь не нуждается во времени

Один ученый сказал суфию: «Вы, суфии, то и дело говорите, что наши логические вопросы для вас невразумительны. Не приведешь ли ты мне пример того, чем они вам представляются?»

«Вот пример», — ответил суфий. — «Однажды я ехал на поезде, и мы проезжали через семь тоннелей. Напротив меня сидел какой-то сельский житель, который явно никогда раньше не был в поезде.

Когда мы проехали седьмой тоннель, он похлопал меня по колену и сказал:

«Этот поезд слишком уж мудреный.. На своем осле я могу добраться до своей деревни всего за один день. Но на поезде, который движется, наверное, быстрее, чем осел, мы еще не добрались ко мне домой, хотя солнце всходило и заходило аж целых семь раз».

К истине можно подходить двумя путями: один — это логика, другой — любовь. Они диаметрально противоположны друг другу. У них разные языки. И перевод с одного языка на другой невозможен. Логика не может добиться понимания любви, и наоборот.

Любовь кажется логике алогичной, иррациональной, какой-то сумасшедшей. А любви логика кажется неуместной, потому что она все ходит и ходит вокруг да около, но так никогда и не проникает в реальность. Любовь считает логику никчемным упражнением, гимнастикой ума, игрой — бесцельной игрой, ибо она никуда не идет. Она ни к чему не приводит. Это лишь погоня за собственной тенью. Вы можете гоняться за ней до бесконечности, вы можете быть одержимы ей, но ваши руки, в конце концов, так и останутся пустыми. Вы не достигли.

Любовь и логику обязательно нужно понять. Если вы не понимаете правильно их, их методы, их подходы, их видение, вы так и останетесь в путанице.

Логика очень убедительна — и в этом ее опасность. Она убедительна, и все же неубедительна. Она создает видимость, она претендует. Это знание, информация, но ни в коем случае не мудрость. А ведь только мудрость освобождает.

Любовь не может вас убедить Она не убеждает, потому что она неопределенна, она неясна, она таинственна. Это не силлогизм. Она не может апеллировать к вашему уму — и, несмотря на это, она способна удовлетворить ваше существо. Она способна утолить вашу жажду Она способна дать вам все, в чем вы нуждаетесь. Она способна питать. Вот в чем проблема. Питающая любовь алогична, а псевдопища логики очень весома, Именно эти два момента разграничивают философию и религию. Философия и религия расходятся именно здесь.

Вы будете удивлены, когда узнаете, что слово «суфизм» и слово «философия» происходят из одного корня. Оба происходят из одного и того же корня «суф» — «суфизм», «софия», «философия». Однако они заключают в себе не только различные, но и диаметрально противоположные значения. Суфизм — это не философия, а философия не имеет ничего общего с красотой суфизма. Что произошло? Вы должны понять внутреннюю структуру человека.

Ум разделен на два полушария. Одно полушарие думает и является логичным. Другое полушарие любит и является интуитивным, нелогичным. Одно полушарие методологично функционирует. Другое полушарие прыгает... без всякой методологии. Оно делает квантовые скачки. Одно полушарие — всегда непрерывная трасса. Другое — отсутствие непрерывности.

Левое полушарие вашего мозга логично и является прозаичным, мужским, агрессивным, насильственным, амбициозным. А правое полушарие вашего мозга женственное — неамбициозное, поэтичное, эстетичное. Ваша правая рука связана с левым полушарием, а ваша левая рука связана с правым полушарием. Вот почему правая рука стала такой важной. Правая

рука стала такой важной, потому что мы возвели логику на трон. А левой рукой пренебрегают, ее игнорируют, принижают, на Западе ее практически не касаются. Почему? Вопрос не в руках — этот вопрос восходит своими корнями к разделению вашего мозга. Правая рука кажется правильной, а левая рука кажется неправильной. Это безобразно. И от левой руки может быть большой толк. Если бы не она, жизнь сделалась бы утомительной волокитой, нужным занятием, потому что без поэзии не может быть праздника. А без восприимчивости к красоте жизнь становится бессмысленной. Она, может, и делается успешным бизнесом, но в глубине своей она является экзистенциальным поражением. И до тех пор, пока вы не добьетесь экзистенциального успеха, вы будете упускать, вы все будете упускать. К большому сожалению, лишь очень немногие добиваются экзистенциального успеха. А те, кто добиваются успеха, являются суфиями или буддами.

Достичь экзистенциального успеха — это значит жить от мгновения к мгновению в совершенной радости. Логика не может вам этого позволить. Радость как таковая представляется логике алогичной. Страдания, кажется, более логичны. Все логики согласны с тем фактом, что жизнь есть страдание. Это ком в горле, это мука, это безысходность. Все логики согласны с тем, что единственный фундаментальный вопрос, с которым должен столкнуться человек — это самоубийство.

Те же, кто способны плясать, петь, праздновать и веселиться, производят впечатление сумасшедших. Иисус производит впечатление сумасшедшего! Руми производит впечатление сумасшедшего! Мира производит впечатлений сумасшедшей. Все они суфии, любящие. Они совершенно по-другому воспринимают жизнь.

Так же как человеческий ум разделен на две части: любовь и логику точно так и вся земля разделена надвое: Восток и Запад. Запад выбрал путь логики, а Восток выбрал путь любви.

Самое раннее упоминание о западном философе в индийской философии — это упоминание о Мегастене, после Селеука Никатора при дворе Чандрагупты, и, как сообщают о нем в третьем веке до нашей эры, он посещал в Индии «гимнософистов» — индийских мудрецов, на которых не было одежды. Он называет их «гимнософистами». Речь идет о джайнах. А они вообще не софисты.

Софист как раз диаметрально противоположен суфию. Софист — это тот, кто помешан на аргументации, кто любит аргументировать и вся жизнь которого посвящена умствованиям. Вся жизнь которого нацелена на одно: как победить оппонента. Правильными ли, неправильными средствами — не имеет значения; весь вопрос в том, как победить оппонента.

У софиста нет доверия к истине. Софист не ищет истину. Софист — тот, кто только и делает, что пытается доказать, что он прав. Софист не верит, что существует что-то вроде истины. Его определение истины выглядит так «то, что может быть логически доказано» — и тогда это истинно. А если это не может быть логически доказано, тогда это не истина.

Мегастен по сути своей является западным мыслителем. Он, судя по всему, видел джайна. Это весьма вероятно; тогда прошло лишь триста лет со дня смерти Махавиры, и джайнизм был еще жив, а Будда жил практически в это время. Еще присутствовал какой-то аромат Будды и Махавиры. И люди все еще были полны радости от того, что Махавира и Будда расцвели в этом мире. Свет еще не совсем померк. Но Мегастен упустил.

Западный ум рассуждает логично, в терминах логики. Он называет их «гимнософистами». А они вообще не софисты: они суфии.

Суфий — это тот, кто не пытается доказать, что его мнение истинно, кто всегда готов отказаться ради истины от своего мнения. Из какого бы источника ни исходила истина, он готов отказаться. А софист — это тот, кто если даже и видит, что мнение другого истинно, все равно будет настойчиво бороться, пытаясь доказать, что прав он.

Софист пытается доказать: «Я прав». Суфий же пытается открыть то, что правильно. У них разные подходы. Но я понимаю Мегастена, а также почему он называет джайнов софистами. Западный ум так смотрел на вещи с самого начала... Земля разделилась точно так же, как разделен мозг.

В писаниях Климента Александрийского, христианского гностика 2 века, содержится предположение, что греческая философия заимствована из Индии. И вполне вероятно, что слова Климента Александрийского на самом деле верны, однако природа философии изменилась. Когда она двигалась с Востока на Запад, то ее цвет, смысл, текстура, вкус — все изменилось. И сейчас практически невозможно представить, что греческая философия первоначально была ответвлением индийской философии. Разница стала настолько ощутимой, что, кажется, между ними невозможно навести мост.

Климент, по-видимому прав, утверждая, что она была заимствована из Индии. И этому есть исторические доказательства. Климент сам говорит, что Пифагор, один из величайших греческих мистиков, посещал Индию и учился у браминских мудрецов, кроме того, он как ученик был посвящен в буддийские тайны. Есть достаточно доказательств и в самом учении Пифагора, что в нем есть кое-что от Будды.

Но как только что-то переходит с Востока на Запад, так оно меняет свой цвет. Меняется контекст. Это уже другое полушарие. Когда нужно понять любовь логически, то что-то происходит не так. Исчезает дух — и в ваших руках остается лишь труп.

Из-за этой разницы между суфизмом и софистикой вы также заметите, что восточные персоналии никогда не имели важного значения. Индийская философия не привязана к личностям. О жизни философов известно не много. Философ на Востоке был открывателем истины, но не изрекал ее. Истина так же стара, как само существование. И никто не в праве заявлять, что это он ее открыл. Она была открыта много раз — в лучшем случае, можно сказать: «Я открыл ее вновь». А одно из условий нового открытия истины заключается в том, что вы должны исчезнуть. Того, кто заявляет «Я», не должно быть.

У Запада есть свой платонизм, гегельянство, кантианство. В Индии нет ничего подобного. Вы не встретите ничего похожего на «патанджализм», «шанкараизм» — нет, совершенно нет. Философия не имеет корней в индивидуальном это. Индивидуальное исчезает. Приходит истина и заполняет чье-то бытие. Однако логический ум не может пойти на такой риск. Он всегда контролирует. Он обладает истиной.

А истиной по самой ее природе нельзя владеть. Поэтому, чем бы ни обладал логический ум, это не истина, а мнение об истине. Это не настоящее, это лишь ее копии, отражения.

Эта разница становится громадной, когда мы имеем дело с малым. Взять, к примеру, западное понятие нуля, математического нуля, заимствованного Западом у Индии. Ноль — это индийское открытие. Но смысл изменился. Согласно западному уму, ноль означает ничто. В буддизме же ничто, шунья, не означает лишь математическое ничто: оно означает экзистенциальное состояние не-самости. Оно означает отсутствие самости. Оно означает пустоту самого себя.

И в индуизме ноль, бинду, — это плотная точка, символизирующая плодоносное семя. Это производящая точка возможности, образующая негативное и позитивное. Однажды, когда Раману Махариши попросили расписаться в книге автографов, он поставил только точку в центре страницы и пояснил: «В этой бинду содержится все. В том числе и я — и потому нет нужды ставить отдельную подпись».

И вот то же самое понятие, ноль, стало на Западе всего лишь математическим, логическим понятием. В буддизме это экзистенциальное отсутствие самости. В индуизме — то же самое понятие — субстанция всего возможного.

Помните: то, как вы смотрите на вещи, имеет большое значение. Смотрите ли вы глазами, полными любви...

Говорят, что великий хасидский мистик, Баал Шем, обычно не пользовался очками, однако всякий раз, когда он разговаривал с философом, логиком, он надевал очки. Это было странно, и, конечно, люди не могли этого не заметить.

И вот однажды его ученик спросил: «Что это значит? Ведь обычно вы никогда не надеваете очков. Мы, ученики, обсуждаем с вами тысячу и одну вещь, но всякий раз, когда приходит логик, вы всегда надеваете очки».

И тот рассмеялся. И сказал нечто значимое. Он сказал: «С вами мне не нужно выражать отделенность. С вами я могу оставаться в моем положении, мне не нужно оттуда спускаться. Мои глаза утратили все различия. Вы ли это, дерево или скала — все едино. Ибо я говорю с позиции любви. Я затопляю вас своей любовью и тону в вашей любви. Но когда приходит логик, я вынужден спускаться. Я вынужден надевать на глаза очки, и тогда я становлюсь слепым, тогда я теряю это всеохватывающее видение. Мои глаза сужаются, так как логик настаивает на различиях; все должно быть разграничено и определено. Любовь же не знает определений, разграничений».

Баал Шем прав. Таков и мой опыт. Общение с саньясинами, пребывание с саньясинами — это совершенно иное явление. Но общение с кем-то, кто пришел и принес в своем уме великие знания, кто нацелен на борьбу, на аргументацию, кто так и норовит ухватиться за такую возможность и ищет предлога для столкновения — это уже совершенно другой опыт. Это уродство. Здесь нет общности. Здесь нет встречи сердец.

Любовь открывает иную дверь в реальность. Логика тоже открывает какую-то дверь. Дверью логики становится наука; а дверью любви становится религия. Вот почему западная философия исчезает. В чем причина постепенно сведения западной философии к науке? В том, что наука одержала верх. У западной философии не осталось никакой цели. В лучшем случае, она может оставаться в тени науки как слуга. Она больше не является хозяйкой положения. И в это никто не виноват — она сама в этом виновата. Ведь она же сама все время настаивала на логике, фактах... А теперь наука более логична и больше основана на фактах, поэтому философия кажется лишь чем-то вроде примитивной науки, недоразвитой науки. И, конечно, когда на арену выступает более развитая наука, какой смысл в философии?

Потому на Западе философы в замешательстве: что же теперь делать? Вся их работа сходит на нет. Философские факультеты ведущих западных университетов все больше и больше пустеют, студенты туда не идут. Там же ничего нет. И философы, в лучшем случае, становятся всего лишь логиками-аналитиками; вся их работа свелась к лингвистическому анализу. Теперь они уже не спрашивают, существует Бог или нет — они задают такой вопрос «Что вы имеет в виду, когда употребляете слово «Бог»?» Их вопрос — это вопрос о слове «Бог»; а не о самом Боге: что вы имеете в виду, когда употребляете слово «Бог»? Смысл слова... И никакой философии больше не остается. Она исчезает; это умирающая дисциплина. Верх взяла наука.

Если философия входит в дверь логики, то рано или поздно она обречена исчезнуть в науке, так как наука лучше может сделать это, чем занимается философия. Философия способна жить, если только она входит в дверь любви. И тогда никто не сможет занять ее храм. Тогда она становится подлинной Софией — подлинной мудростью.

А теперь несколько предварительных слов, прежде чем мы войдем в эту маленькую притчу. Если вы смотрите сквозь призму любви, то дело не в том, что меняется реальность — реальность остается прежней — просто вы сами становитесь другими. А когда вы другие, тогда вы, конечно, видите другие вещи. Когда кто-то смотрит на полную луну глазами поэта, то это совершенно другой опыт — возвышающий, облагораживающий экстатичный. Когда кто-то

смотрит на луну глазами астронома, то здесь нет никакого возвышения и не чувствуется никакой молитвы. Сердце не начинает учащенно биться. Вы не переживаете никакого экстаза. Вы не воодушевляетесь. Вы не переживаете общности. А ведь это одна и та же луна! Только вы слепы, закрыты...

Когда я учился в университете, у меня был один профессор, химик, известный на весь мир, и он считал, что химия — это единственная настоящая наука и что наступит такой день, когда исчезнут все прочие науки, так как химия может объяснить все. Она может объяснить жизнь, она может объяснить любовь, она может объяснить поэзию — так как, будучи сведенным к фактам, все это является химическим. Существование химично.

И вот однажды я отправился за ним вслед — он этого не заметил — он вышел на прогулку. Была ночь полнолуния. Он держал за руку свою жену, а я шел за ним. Я делал все, чтобы он не узнал о моем присутствии. Была ночь полнолуния. И он забыл, что он профессор химии, что он великий химик; и целовал свою жену. И тут я сказал: «Стоп!» Он был шокирован. Когда же он меня увидел, то сказал «Что значит ваше «стоп»? Это ведь моя жена».

«Неважно», — ответил я — «Что вы делаете? — ведь это всего лишь химия. И как может человек вашего понимания целовать женщину? Всего лишь маленький химический перенос отсюда сюда? Всего лишь несколько микробов с ее губ на ваши губы и с ваших губ на ее губы? Что же вы делаете? Или что, на вас подействовала луна? Вы что, стали лунатиком или кем-то вроде этого? И почему вы держите ее за руку? Какое химическое объяснение можете вы этому дать?»

Но ведь существуют же люди, которые пытаются всему дать химическое, физическое, электрическое объяснение. Они только разрушают тайну жизни.

И я сказал этому профессору: «Всякий раз, когда вы будете целовать свою жену вспоминайте меня и вспоминайте вашу философию».

Через три-четыре недели я снова его увидел и спросил: «Ну, как дела?»

Он ответил: «Вы очень мне помешали — ведь это и в самом деле происходит. Когда я целую свою жену, я вспоминаю вас».

Жизнь не сводима к химии, не сводима к логическому силлогизму Жизнь значительно больше. Тайна ее безгранична. И только любовь способна ее понять. Только любовь способна объять эту безграничность. Все прочее весьма ограничено. Только любовь может осмелиться двигаться в неопределимое, двигаться в неуловимое.

Любовь настолько радикально меняет ваше видение, что многое исчезает. Так, в глубокой любви исчезает время А время — это одно из препятствий познания реальности. Когда исчезает время, все становится прозрачным.

Доводилось ли вам это наблюдать: когда вы страдаете, то, кажется, что время тянется очень долго? Когда вы счастливы, время ускоряет свой ход. А когда вы действительно в экстазе — самадхи — время исчезает. И в этой безвременности вы предстаёте лицом к лицу перед реальностью. Лишь в этой безвременности случается подлинная встреча с реальностью. Вы впервые смотрите глаза в глаза.

Время зависит от уровня развития человека. Чем более человек развит как человек, тем менее он осознает время У совершенного человека осознание времени вообще отсутствует. Время просто означает, что вы не в настоящем. Время означает прошлое и будущее. А когда время исчезает, тогда вы есть здесь и сейчас. И лишь тогда случается встреча с реальностью.

Логика функционирует во времени — любовь функционирует в безвременности. Логика нуждается во времени — любовь не нуждается во времени. И только любовь может открыть перед вами природу вечности.

В экстазе прошлое и будущее растворяются в настоящем. Рассеивается время стирается

граница между вечностями. И остаются жить одно лишь мгновение, и мгновение это есть вечность. И в его целостном свете появляется все, что было и все, что будет, простое и сложное. Оно здесь, как биение сердца, и настолько же ощутимо.

Да, именно так оно здесь, как биение сердца, и настолько же ощутимо. Бог есть биение сердца — сердцебиение целого. Бога нельзя познать рассуждением; Бога можно ощутить лишь сердцем, потому что Бог — это сердцебиение целого.

И вы должны найти синхронность с биением сердца Бога. Вы должны попасть в ритм. Вы должны достичь той самой гармонии. Поэтому суфии страстно любят музыку пение, напев, танец. Не рассуждение, а танец: ведь только в танце вы попадаете в ритм с сердцебиением целого. Только в танце приходит мгновение жизни, когда вас нет, а есть Бог. Только в танце исчезает отъединенность ума и тела — и вы становитесь единым целым, единой сущностью, в которой все сочленено и нет больше фрагментарности.

Если вы способны глубоко танцевать, так глубоко, что танцор исчезает в танце, то это уже молитва. И когда в один прекрасный день вы узнаете, что такое молитва, тогда молитвой станет все. Тогда учение, разговор, слушание, еда, сон... все будет едино. И все тогда будет молитвой. Всякое действие едино, и во всяком действии заключена бесконечная жизнь. Именно это хасиды называют аводой — служением через экстаз. Во всех делах пробужденного — говорит ли он, смотрит ли, слушает ли, идет ли или продолжает стоять или лежать — заключено безграничное.

Но первый опыт приходит или через пение, или через молитву, или через медитацию. Одним словом, первый опыт приходит всегда, когда исчезает время.

Логика не может допустить, чтобы время исчезло. Позволить времени исчезнуть и быть безвременности — это очень алогичный опыт. Когда вы пребываете в безвременности, вы пребываете с Богом. И, естественно, когда исчезает время, исчезает и ум. Это две стороны одной медали.

Самадхи есть сгорание всякого знания, всякого ума. И не только знания, но и самого познающего. В огне самадхи исчезает все... знание, познанное, познающий Это пыл экстаза. И лишь в этом огне познается то, что есть.

Повторяю: сила, что так ослабляет и лишает красок человеческую жизнь, становится бессильной перед лицом экстаза, который вновь и вновь вспыхивает как раз от самых будничных, самых обыденных событий и, несмотря на это, всегда остается новым, совершенно новым, радикально новым. Экстаз всякий раз охватывал мистика, излагающего священные писания и находящего нужные слова: и говорит Бог...

Это обычно случалось с Рамакришной. Одного лишь упоминания имени Бога — Рама, Кришна, Аллах — было достаточно, чтобы он погрузился в самадхи. И он исчезал из мира времени в безвременном мире.

И незначительные вещи начинают наполняться бесконечным значением.

Однако все зависит от той громадной перемены, что случается внутри вас вы должны двигаться от логики к любви, от головы к сердцу от философии к софии.

А теперь перейдем к той маленькой истории.

Один ученый сказал суфию: *«Вы, суфии, то и дело говорите, что наши логические вопросы для вас невразумительны. Не приведешь ли ты мне пример того, чем они вам представляются?»*

Прежде всего, кто такой ученый? Ученый — это тот, кто стал интересоваться несущественным. Ученый — это тот, кто потерял следы существенного и стал распыляться на детали несущественного. Он усердно работает, он посвящает тому всю свою жизнь, но он посвящает ее мусору. Если вы посмотрите на его работу вы оцените его иск-ренность. Но если вы взглянете на результат, вы рассмеетесь над его лупостью. Люди продолжают работать из года

в год, всю свою жизнь, ради ничего не стоящих вещей.

Однажды ко мне пришел великий ученый. Всю свою жизнь он посвятил одной-единственной цели: действительно ли Кришна является исторической личностью или нет. Но какое это теперь имеет значение? Даже если бы и были приведены все возможные доказательства того, что тот существовал в истории, то что из того? Именно об этом я его и спросил. Я спросил его: «Вам уже почти шестьдесят. Вы работали всю свою жизнь, вы работали почти тридцать пять лет — и даже если будет доказано, что Кришна — историческая личность, то что вы собираетесь этим делать?» Он не знал, что ответить. Он сказал: «Я никогда об этом не думал. На самом деле, мне никто не задавал такого вопроса. Все высоко ценили меня и мою работу».

Он всматривался в священные тексты, в древние надписи на камнях, скалах, в археологию... и тысячами и тысячами способов пытался это доказать. Но все же ему там и не удалось доказать это на сто процентов. Но он сказал: «Меня никто не спрашивал. Все высоко ценили мою работу».

«Будет ли доказано, что Кришна существовал в истории, или что он не существовал», — говорил я, — это ни в коей мере не изменит вашу жизнь, так в чем же дело? Зачем же вы тратите попусту свою жизнь? Если вы чувствуете важность того, о чем говорил Кришна, так и живите этим. Если же вы думаете, что это не важно, то если бы он даже и существовал в истории, нет смысла тратить на это свое время».

Восток никогда не отличался ученостью. Эту заразу привнес на Восток Запад. И теперь тысячи людей в университетах работают и работают над исследованиями... и все что-то пишут и пишут. И человек годами может работать над Кабиром, но он никогда не будет медитировать так, как учил Кабир. Взгляните на этот абсурд! И он еще пытается понять Кабира. Как же вы можете понять Кабира, пока вы сами не испытаете способы его бытия?

Ученый — это человек большого интеллекта, но сбившийся с пути. Он посвятил свой интеллект бесполезному. С помощью тех же усилий, с помощью той же настойчивости он сам мог бы преобразиться. С помощью тех же усилий он мог бы стать Кабиром или Кришной. А он всего-навсего пытается установить, быть ли Кришна исторической личностью или нет.

И я сказал этому пожилому человеку: «Единственный способ доказать, что Кришна был исторической личностью — это создать в себе самом сознание Кришны. Если вы можете создать в себе сознание Кришны, это будет доказательством того, что это возможно. Если это возможно для вас, отчего это не может быть возможно для кого-то еще? Если я могу стать буддой, то это единственное доказательство того, что Будда существовал. Чтобы доказать, что Будда существовал, придется самому существовать как Будда — другого пути нет». Но в таком случае, это будет путь суфия, а не путь ученого.

Один ученый сказал суфию...

Суфий думает лишь о существенном. Он отбрасывает все несущественное. Он ищет только алмазы; он не собирает хлам, он не интересуется мусором.

Один ученый сказал суфию: «Вы, суфии, то и дело говорите, что наши логические вопросы для вас невразумительны».

Логические вопросы — это именно то, что для суфиев невразумительно — ибо это глупые вопросы. Человек логики спрашивает: «Докажи, что есть молитва». Это невразумительно. Это недоказуемо. Ему бы следовало попросить; «Научи, как молиться». Тогда это был бы уже не логический вопрос, а экзистенциальный.

Вы не можете спросить: «Докажи, что есть любовь». Вы можете только попросить: «Помоги мне полюбить».

Логический вопрос для суфия, знающего невразумителен. Тот, кто знает, смотрит на

логические вопросы как на ребячливое любопытство. Он видит совершенно по-другому.

Я слышал, что великий мистик Баал Шем однажды остановился на пороге молитвенного дома и не пожелал туда войти. Он сказал с отвращением: «Я не могу туда входить. Этот дом до краев наполнен учением и молитвой». И тогда сопровождающие его удивились, ведь им казалось, что лучшей похвалы, чем эта, и быть не могло, он им объяснил: «Весь день напролет люди говорят здесь слова, в которых нет истинной преданности, нет любви и сострадания, бескрылые слова, и они остаются в четырех стенах и, оседая на полу, поднимаются слой за слоем, как гниющие листья, до тех пор, пока эта гниль не заполнит весь дом, и там не останется пространства для меня.

Этот дом чересчур наполнен учением и чересчур наполнен молитвой. Люди молятся и молятся, но в молитвах нет их сердец. Молитвы те мертвы, они не могут лететь, у них нет крыльев — они не могут достичь Бога. И хоть это и молитвенный дом, храм, я не могу туда войти — они чересчур наполнены молитвой и словами. В нем мне нет места».

Таков и ученый — чересчур наполненный словами, гниющими и оседающими слой за слоем. Ученый смердит мертвыми словами. Он наговорил значительных слов, но в них нет любви, нет преданности. Поэтому у тех слов нет крыльев, они подобны висящим на шее камням. Он потонул в своих же словах, в своих же философиях, в своих же доктринах, в своих же догмах. И ученый может быть при этом даже человеком молитвы, он может ходить молиться, однако молитва его тоже ложная. Это обряд В ней нет спонтанности.

Мне нравится один рассказ Толстого. Я рассказывал его уже много раз, но мне он так нравится...

Когда-то это была знаменитая в России история. Жили-были три мистика, и это были удивительные люди Они жили в горах за озером. Тысячи паломников стекались к ним, и кто бы ни возвращался оттуда, тот был затронут, взволнован, наполнен, наполнен светом и трепетом и нес в себе что-то неуловимое.

Всю страну одолевало желание пойти и посмотреть на этих мистиков. И, естественно, это очень обеспокоило протоиерея: «Кто эти мистики?» Ведь в христианстве, прежде чем назвать человека святым, нужно сперва дать церковную санкцию. Теперь это представляется абсурднейшей вещью в мире: святой нуждается в санкциях церкви. Английское слово «святой» (saint) происходит от слова «санкция», так как святость должна быть санкционирована.

«Как эти три человека стали святыми без всякой на это церковной санкции?» Протоиерей так и кипел от гнева, впрочем, как и от зависти.

И он оправился посмотреть на этих мистиков. Ему пришлось добираться в лодке. Когда же он достиг этого места, то увидел трех простых людей, сидящих под деревом — самых обычных крестьян. Они коснулись его ног, все трое святых коснулись его ног. Он был весьма польщен. И сказал: «Так вы и есть те самые люди? Это вы сами объявили себя святыми?»

«Нет, как мы могли это объявить?» — ответили они. — «Мы и понятия-то не имеем о святости. Мы бедные, невежественные. Это, наверное, люди пустили о нас такую молву — а сами мы и знать-то не знаем. Мы и понятия-то не имеем! И это такое для нас благословение, что вы пришли. Благословите нас!»

«Ну а какую молитву вы произносите? Какие священные тексты вы читаете?» — продолжал спрашивать священник

«А мы совсем не знаем грамоте. Мы и читать-то не можем. И никто никогда не учил нас никакой молитве. Научите вы нас», — попросили они.

«Но должны же вы как-то молиться?» — недоумевал священник

Они посмотрели друг на друга в смущении. Один попросил другого: «Скажи ему ты», а другой попросил третьего: «Скажи ему ты».

«Но почему у вас такой смущенный и виноватый вид? Какая у вас молитва? Скажите же мне!» — потребовал священник

И им пришлось рассказать: «Мы сами сложили свою молитву», — говорили они. — «Мы глупые люди, простите нас Не гневайтесь. Мы не знаем никакой молитвы, вот мы и сложили одну. Молитва наша очень проста. Мы молимся так..» Бог в христианстве — это троица — Отец, Сын и Святой Дух — поэтому они и говорили: «Мы обращаемся к Богу так: «Трое вас, трое нас — помилуй нас». Это и есть наша молитва. Но только, пожалуйста, не гневайтесь на нас. Ведь мы и впрямь невежественные люди».

Даже священник, и тот рассмеялся: «Никогда еще мне не доводилось слышать такой молитвы», — сказал он. — «Ну и дурачье! Бросьте ее, прекратите. Я прочту вам утвержденную молитву».

Затем последовала длинная молитва... У русской православной церкви очень длинные молитвы. Он повторял всю молитву от начала до конца. А они слушали, но после этого сказали: «Больно уж она длинная Мы не можем ее запомнить. Вам придется опять нам ее повторить».

И в третий раз они сказали: «Пожалуйста, еще разок, а то мы забудем».

Итак, он повторил три раза и, чувствуя себя вполне удовлетворенным, направился обратно к лодке. И вот, когда он уже был ровно посередине, он так и оторопел, лодочник оторопел не меньше: к ним бежали по воде эти самые трое крестьян. «Подождите!» — кричали они. — «Мы забыли ту молитву.. Пожалуйста, еще разок».

На этот раз уже священнику пришлось упасть к их ногам. «Простите меня ваша молитва правильная», — проговорил он, — она услышана! А я столько молился, но так и не могу ходить по воде. Ваша молитва совершенно правильная, молитесь и дальше так «Трое вас, трое нас — помилуй нас». У вас есть все, что вам нужно, ибо молитва ваша услышана!»

Молитвы обретают крылья, когда они идут от сердца. Слова обретают крылья, когда они спонтанны, когда они исходят из вашего естества.

Ученые — бедные люди — напичканы знаниями, однако все их знания мертвы. А суфий — это тот, чьи слова имеют крылья, чьи молитвы услышаны, ибо его молитвы проистекают из его сердца. Это не логические построения, они не имеют ничего общего с логическим умом. Они женственны.

Один ученый сказал суфию: *«Вы, суфии, то и дело говорите, что наши логические вопросы для вас невразумительны. Не приведешь ли ты мне пример того, чем они вам представляются?»*

Суфиям они невразумительны, потому что логика — это не их мир. Логика — это не их игра. А это действительно игра! И она имеет свои правила. Позвольте мне рассказать вам несколько историй.

Раввин, священник и пастор играли в покер. Вдруг в комнату врывается полиция. «Просим прощения джентльмены, но азартные игры запрещены», — заявил один из полицейских и препроводил сию религиозную троицу в суд.

«Мне очень жаль», — сказал судья, — но раз уж вы попали сюда, то остается делать только одно. Поскольку все вы принадлежите духовному сану, то я думаю, что могу положиться на ваши слова. Несмотря на то, что вы играли в азартную игру, я все-таки буду верить всему, что бы вы ни сказали. Итак, начнем с вас, отец».

«Ваша честь, конечно, очень важно знать наверняка, что вы понимаете под азартной игрой. В узком, но, тем не менее, совершенно правомочном смысле то, что вы трактуете как азартную игру является истинным исключительно в том случае, если налицо желание выиграть деньги, а не просто наслаждение от ожидания того, как лягут карты. Кроме того, мы могли бы ограничить сферу азартной игры теми ситуациями, при которых утрата денег причиняла бы такой вред

как..»

«Довольно, отец», — прервал его судья — «я вижу, что, суда по вашему заявлению, вы не играли в азартную игру. А что скажете вы, преподобный?»

Пастор ответил: «Я целиком и полностью согласен с моим ученым коллегой».

«Прекрасно», — сказал судья, — «ну, а вы, раввин? Играли ли вы в азартную игру?»

Раввин посмотрел на двух своих друзей, затем перевел взгляд на судью и спросил: «А с кем, ваша честь?»

У логики имеются свои ходы. Это красивая игра. И вы можете ей наслаждаться. Однако те, кто интересуются реальностью, подобными играми не интересуются.

Бедный портной не помнил себя от горя. Жена его была больна и, возможно, умирала. Он обратился к единственному доктору, что жил неподалеку.

«Доктор, умоляю, спасите мою жену! Я заплачу любые деньги».

«А если я не смогу ее спасти?» — спросил доктор.

«Я вам все равно заплачу, независимо от того, вылечите ли вы ее или убьете, если вы только придете прямо сейчас!»

Поэтому доктор, не мешкая, отправился к той женщине, но не проходит и недели, как она умирает. Вскоре к портному приходит счет на громадную сумму. Портной и думать не мог, чтобы выплатить такую сумму, поэтому он предложил доктору пойти с ним к местному раввину, чтобы тот их рассудил.

«Он был согласен заплатить мне за лечение своей жены», — заявил врач, — независимо от того, вылечу ли я ее или убью».

Раввин погрузился в глубокие размышления: «Вы вылечили ее?»

«Нет», — признал доктор.

«Так вы убили ее?»

«Конечно же, нет!» — вспыхнул доктор.

«В таком случае», — сделал заключение раввин, — «у вас нет оснований требовать уплаты».

Логикой можно наслаждаться. Можно наслаждаться и логическим резонерством. Но никогда не позволяйте себя одурачить: логика неспособна привести вас к истине. Вам придется отказаться от всякой логичности. Вот почему она совершенно невразумительна для суфиев. Они отбросили всякую личность. Это сумасшедшие люди, пьяные от божественного. Поэтому они порицают всякого, кто задает логические вопросы.

Один ученый сказал суфию: «Вы, суфии, то и дело говорите, что наши логические вопросы для вас невразумительны. Не приведешь ли ты мне пример того, чем они вам представляются?»

«Вот пример», — ответил суфий. — Однажды я ехал на поезде, и мы проезжали через семь тоннелей. Напротив меня сидел какой-то сельский житель, который явно никогда раньше не был в поезде.

Когда мы проехали седьмой тоннель, он похлопал меня по колену и сказал:

«Этот поезд слишком уж мудреный. На своем осле я могу добраться до своей деревни всего за один день. Но на поезде, который движется, наверное, быстрее, чем осел, мы еще не добрались ко мне домой, хотя солнце всходило и заходило аж целых семь раз».

Суфий говорит, что, с точки зрения этого сельского жителя, его утверждение логично. Оно действительно логично с точки зрения его опыта. Но для тех, кто знает, что мы проехали через семь тоннелей, оно будет абсурдным.

Суфий говорит, что, когда ученый делает логические утверждения, то, с точки зрения его опыта, с точки зрения его учености, эрудиции это выглядит весьма логично. Но для человека

понимания, прошедшего через все тоннели ума и пришедшего к открытости бытия, это выглядит абсурдным — совсем как в нашей истории.

Это невразумительно для суфия, поскольку его опыт относится к совершенно иному виду реальности. И он прав! Ведь он же знает мир ученого. Он знает оба мира. Он тоже жил в мире ума, в мире времени, в мире мысли и логики. Ему все это досконально известно. А потом он двигался за пределы всего этого. Он свидетель обоих, и что бы он ни говорил, это гораздо важнее утверждений ученых.

Помните это. Для человека, который спал и никогда не ведал, что такое пробуждение, сны истинны. Потому что во сне каждый думает, что сны истинны. Но для того, кто познал и сон, и пробуждение, сны не являются истинными. Слушайте того, кто познал и то, и другое. Таков был опыт Востока. Мы не обращаем никакого внимания на то, что говорит ученый, ибо то, что он говорит, является опытом каждого из нас. В этом нет ничего нового! Может быть, он более четко формулирует свои мысли, может быть, он умнее, может быть, он способен привести более развернутые комментарии к своим утверждениям, может цитировать священные тексты. Однако то, что он говорит, является качественно одним и тем же. Он может быть лучше количественно, но между ним и другими людьми нет разницы.

Но когда появляется будда, рождается суфий или христианское сознание посещает землю, то это уже качественно иное явление.

И нужно снова и снова вспоминать об одном: Будда тоже жил в вашем мире; он, как и вы, видел сны. Он, как и вы, был одурачен снами, Но он стал пробужденным. Ему известно и то, и другое. Поэтому, что бы он ни говорил, это гораздо больше соответствует истине, чем утверждения тех, кто познал лишь один вид мира.

Остерегайтесь существа, втянутого в ученость. Остерегайтесь своей собственной личности. Остерегайтесь разума. Ведь именно разум иссушил вашу жизнь. Именно разум высосал все соки из вашего существа. Именно разум стал вашим самоубийством. Остерегайтесь его! Выходите за его пределы... ибо лишь за его пределами лежит мир истины. Лишь за его пределами лежит Царство Божие. И до тех пор, пока вы не познаете Царство Божие, не будьте удовлетворенными, оставайтесь неудовлетворенными.

Эта божественная неудовлетворенность делает учеником. И эта божественная неудовлетворенность рано или поздно становится таким огнем, который без остатка сожжет все ваше эго. И когда вас больше нет, рождается суфий.

Ученость — это довесок к вам. Вы же остаетесь прежними. Вы становитесь все более и более наполненными. А чтобы стать суфием, вам придется пройти через опыт смерти. Это не довесок к вам, это новое рождение. Это рождение заново.

Иисус говорит до тех пор, пока ты не родишься заново, ты не войдешь в Царство моего Бога. А знаете ли вы, кому предназначались эти слова? Они предназначались великому ученому, Никодиму. В те времена он был знаменитым профессором; он знал куда больше самого Иисуса. Иисус был безграмотным сыном бедняка, сыном плотника. А Никодим был богатым, знаменитым, широко известным, уважаемым ученым. Почему же Иисус ему говорит; пока ты не родишься заново?.. Ученый должен умереть — только тогда родится суфий. А быть суфием — значит жить в Царстве Божием.

Будьте неудовлетворены всем, что вы знаете. Существует познание, которое не является знанием. Существует мудрость, которая не является ученостью. Но чтобы этого достичь, вам придется полностью освободить себя от всего, что вы считаете знанием. Распрощайтесь с ученым, распрощайтесь с умом и позвольте не-уму войти в вас.

Этот не-ум и есть дверь в Царство Божие.

6. Наслаждайтесь мной

Первый вопрос:

Что значит быть хозяином своей сексуальной энергии?

Вирешвар, рассуждать в понятиях двойственности всегда опасно. Разделять себя на две части — значит двигаться к расколу. А ты един! Как могут существовать хозяин и раб? Сама эта идея — яд. Она веками отравляла человечество. Никогда не разделяй себя, иначе ты будешь в разладе, в состоянии гражданской войны — борьбы с самим собой. А это полнейшая глупость.

Бороться с самим собой — значит рассеивать попусту энергию... Это напрасная трата. Та же самая энергия может стать празднованием.

Я не учу вас, как становиться хозяевами своей сексуальной энергии. Я учу вас только тому, как оставаться единым, как не разделять себя. Никогда не разделяйте! Это лишь разные названия, а болезнь одна и та же. Болезнь — это разделение.

И стоит только вам разделиться, как вы уже в состоянии конфликта, раздора. И тогда исчезает радость. Жизнь тогда становится агонией, мучением. И невозможна никакая победа. Как вы можете одержать победу над самими собой? Это же невозможно. Вот почему у ваших монахов, ваших махатм, саду такой постный вид. Их жизнь проходит впустую. А что фундаментально? Где они упустили? Они разделили себя.

А я учу вас безраздельному существованию. Оставайтесь безраздельными! Никогда не считайте себя отделенными от своей сексуальной энергии или чего-то в этом роде. Вы и есть она! Вы — это ваша сексуальная энергия. Вы — это ваша энергия любви. Вы — это ваше сознание. Вы — это ваше тело. У вас много граней! У вашего бриллианта много граней. И все эти грани, вместе взятые, составляют вашу драгоценность.

А между тем, на этой идее настаивали веками, особенно это касается сексуальной энергии. Почему? Потому что секс обладает огромной притягательностью. Поэтому эгоист всегда находит его достаточно соблазнительным для того, чтобы с ним бороться. И если ты можешь одержать победу над собственной сексуальностью, тогда ты будешь победителем. Секс представляется эгоисту величайшим вызовом. Помните, это вызов не спиритуалисту. Для спиритуалиста вызова не существует. Жизнь для него — это отпускание, расслабление, полное принятие. Но для эгоиста жизнь — это всегда вызов. И вызов этот исходит либо извне, либо изнутри. Он должен вскарабкаться и на Эверест, так как Эверест маячит перед ним как вызов... он задевает. Добираясь до Эвереста, вы не преследуете никакой цели. Цель только одна: человек должен его покорить.

Или эгоист обращается внутрь. Существуют эгоисты, чье путешествие является внешним, и эгоисты, чье путешествие является внутренним. У эгоиста, путешествующего вовнутрь, эго находит величайший вызов в сексуальной энергии, ибо притягательность ее велика, громадна, непобедима — так борись с ней! Однако, борясь с ней, вы просто будете разрушать самих себя, и вся красота сексуальной энергии также будет утрачена.

С сексуальной энергией не нужно бороться; сексуальную энергию нужно творчески использовать. Здесь не с чем бороться, это же великое сокровище. И благодаря ей многое становится возможным — фактически благодаря ей становится возможным все. Это одна и та же энергия на разных уровнях, становящаяся любовью, становящаяся молитвой.

Человек, рожденный без всякой сексуальной энергии, не сможет любить, не сможет и почувствовать сострадания, не сможет молиться, ибо молитва есть высочайшая форма

сексуальной энергии. Если вы боретесь с сексом, вы никогда не сможете преобразовать его в молитву. Борьба никогда ничего не преобразовывает. Для преобразования необходимо дружелюбие — подружитесь с ним! Это же ваша энергия, это же вы сама.

Не рассуждайте в понятиях хозяина и раба. Используйте ее как свой потенциал. Это первобытная энергия. И она может быть облагорожена. Она может быть сублимирована. Она может достичь таких вершин, о которых вы никогда и не мечтали. Она может стать, наконец, вашим опытом самадхи. Только никогда не начинайте с вражды — подружитесь с ней, отнеситесь к ней с участием, наблюдайте за ней. Постарайтесь ее понять, понять, что она из себя представляет, ее притягательность, ее наслаждение, ее способность воодушевлять. Эти маленькие быстротечные экстазы, что становятся возможными благодаря ей.

Что именно происходит, когда вы занимаетесь любовью? На мгновение время исчезает... и это мгновение, то мгновение безвременности, доставляет вам громадное наслаждение. Это проблеск самадхи. Секс — не враг вам: это окно к Богу. Оно, конечно, открывается и закрывается. И то, что вы видите, пропадает, однако это не повод для гнева. Ведь именно благодаря ему вы начинаете осознавать, что есть что-то за пределами этого мира. И даже если это был мимолетный проблеск, где вы исчезли, совсем исчезли... и эго больше не действовало. Вы расширились. Те мгновения сексуального оргазма — это первые проблески — грубые, примитивные, первобытные — Бога.

Поэтому Вирешвар, я не могу сказать тебе, как это преодолеть. Нет способа преодоления этого. Преодолевая это, ты можешь его разрушить и, разрушая его, ты будешь разрушать не иначе как самого же себя. И стоит только разрушиться твоей сексуальной энергией, как ты лишаешься соков, твоя жизнь иссыхает, твоя жизнь превращается в пустыню. И тогда не будет больше роз, не будет больше лотосов, тогда ты не будешь больше оазисом. Твоя жизнь станет чем-то вроде смерти. Ты выроешь свою же могилу.

Иди в него. Слушай его послание. Будь очень молчаливым. Секс священен! Когда тыходишь в него, тыходишь в величайший храм. Ты на священной земле — отбрось весь свой ум и все свои тревоги. Танцуй, с наслаждением, с молитвой, с благодарностью, и ты выйдешь из него обновленным, с новыми ориентирами, со своим видением, озарениями, интуициями.

Второй вопрос:

В то утро, когда вы говорили о том, что Мастера упускают, я почувствовал настойчивое стремление не упустить вас. Я буду сидеть здесь до тех пор, пока не стану просветленным — даже если на это потребуется вечность!

Ананда Мадан, тогда ты упустишь абсолютно. Просветление не является чем-то таким, чего можно добиться своей настойчивостью. Это препятствие! Оно приходит, когда ты чувствителен. Оно приходит, когда ты его даже не осознаешь. Оно приходит, когда ты его даже не желаешь. Оно всегда застигает тебя врасплох. Оно приходит так тихо, что ты не можешь услышать его шагов.

И оно никогда не приходит, когда ты ищешь его напрямую. Оно приходит исподволь. Ты поешь песню, ты теряешься в песне... и оно здесь. Ты и не думал о нем! Ты был поглощен песней. Или ты танцевал и предался танцу, и оно здесь. Или ты рисовал, или работал в поле, или просто сидел и ничего не делал... и оно здесь.

Оно всегда приходит, когда ты не ищешь его напрямую. Оно приходит исподволь. Это очень тонкое и едва уловимое явление. Чем с большей настойчивостью ты его ищешь, тем больше гарантий того, что ты его упустишь.

Будь здесь со мной, просто будь здесь со мной — без всякой мысли о просветлении. И оно

случится. Но оно случится не так, как ты этого ожидаешь. Ты не можешь им манипулировать. Ты не можешь его контролировать. Оно случается, когда оно случается. Оно приходит с неба. Оно не вызывается тобой. Если бы оно вызывалось тобой, твоими усилиями и твоей волей, тогда оно было бы меньше тебя. А оно больше, чем ты.

Когда оно приходит, оно не приносит с собой ощущения впадающей в океан капли. Нет, напротив; оно приносит ощущение океана, впавшего в каплю. Все небо впадает в тебя.

Если же ты настойчиво его дожидаешься, то ты слишком напряжен. В тебе не остается пространства. Ты слишком натянут. Одного желания его уже достаточно для того, чтобы возникло препятствие. Нужно совсем о нем забыть И нужно так глубоко забыть, чтобы само слово это стало бы неуместным — и в один прекрасный день ты будешь изумлен: оно уже пришло. Пришел гость, непрощенный гость

Мадан, ты сказал: В то утро, когда вы говорили о том, что Мастера упускают, я почувствовал настойчивое стремление не упустить вас.

Это настойчивое стремление исходит из твоей воли, из твоего эго. А это препятствие! Кто препятствует твоему просветлению? Никто, кроме тебя. Ты был уже с самого начала буддой. Как же ты упустил то, что всегда остается твоим? Как же ты продолжаешь его упускать? Ты продолжаешь его упускать своим же собственным поиском.

А между тем это случается: когда я говорю «не упустите Мастера», я говорю «Расслабьтесь с Мастером, будьте с Мастером. Забудьте себя в Мастере. Позвольте Мастеру окружить вас Позвольте ему стать вашей атмосферой, вашим климатом. Живите в нем, думайте о нем. Пребывайте в постоянном воспоминании о нем. И забудьте все о себе!»

Это стремление к просветлению есть стремление эго. Вы все еще самоцентрированы. Быть с Мастером означает забыть самого себя. Обычно мы самоцентрированы. Все, что мы делаем, мы делаем для самих себя. Быть с Мастером означает, что вы начинаете действовать для Мастера — потому что он так говорит. Подчас даже абсурдные вещи.

Аджит задал такой вопрос, потому что люди постоянно его спрашивают: «Почему ты носишь оранжевую одежду?» Он сказал «Я пытаюсь объяснить им, но в глубине души я знаю, что это их не убеждает».

Но нет способа кого-то убедить, да в этом и нет необходимости. Дело не в оранжевой одежде; дело просто в том, что вы не можете сказать «Теперь я ученик, и я не знаю. Я все отдал своему Мастеру. Если он говорит «носи оранжевую одежду», я буду носить оранжевую одежду. Если он говорит «ходи голым по улице», я пойду голым. И я не знаю больше никаких других причин. Идите и спросите у Мастера. Я же покончил со своим самоцентрированным стилем жизни».

В этом и заключается смысл саньясы. В этом состоит все значение инициации: вы покончили со своим самоцентрированным стилем жизни. Вы всегда жили в соответствии с собой. Но в тот день, когда вы соединились с Мастером, вы начинаете жить в соответствии с Мастером.

А он не обязан всему давать объяснения, ведь существует множество вещей, объяснить которые невозможно. И существует множество вещей, которые можно объяснить лишь тогда, когда объяснение больше не понадобится: когда вы что-то пережили, это можно объяснить, но тогда в этом уже не будет смысла.

К тому же существуют такие вещи, которые Мастер продолжает требовать от своих учеников и которые являются заведомо абсурдными. Потому что это и требования, что они заведомо абсурдны. Они помогают ученику в его движении от самоцентрирования Он просто становится самым послушанием, он становится да-говорящим. И в этом говорении «да» Мастер не упускается.

Это не вопрос настойчивости, ибо настойчивость будет лишь выпячивать ваше самоцентрирование. Оно станет даже еще более концентрированным. Это вопрос о его утрате.

Вы жили в соответствии с собой; и вы увидели, что значит жить в соответствии с собой. И то, что вы становитесь учениками, означает лишь, что теперь вы сыты этим по горло. Вы хотите расслабиться. Вы хотите просто за кем-то последовать. Движимые доверием, любовью, близостью, вы хотите стать тенью. И вот в чем парадокс стоит только нам забыть о самоцентрировании, как в это же мгновение возникает ми тоящий центр. Стоит только вам стать лишь тенью Мастера, как вы Впервые становитесь индивидуальностью. Вот в чем парадокс: стоит только вам себя полностью забыть, в это же мгновение вы становитесь просветленными.

Поэтому пожалуйста, не стремитесь настойчиво — это станет еще труднее, чем раньше. И напряжение ваше делает это еще труднее с психологической точки зрения.

Ты говоришь: Я буду сидеть здесь до тех пор, пока не стану просветленным — даже если на это потребуется вечность!

Ты можешь сидеть здесь веки вечные и не стать таким образом просветленным. Просветление становится возможным в одно-единственное мгновение: когда тебя нет. Сиди здесь так, чтобы тебя здесь не было. Именно так — не с каким-то упорством, с глупыми желаниями, с какими-то целями, а без всякой мысли о достижении, без всякой ориентации на цель. Одно лишь чистое сидение, одно лишь наслаждение этим мгновением. Этим мгновением пребывания со мной... с этими птицами, с этими деревьями, с этими людьми. Без всякого мотива! А лишь просто так. И тогда это мгновение становится благословением. Тогда это мгновение становится просветлением.

Эта тишина... когда вас здесь нет, когда здесь никто не сидит, а есть одно лишь чистое сидение, и никаких усилий с вашей стороны, ожидание без усилий... никакого желания с вашей стороны, все желания исчезли... Одно лишь сидение здесь, и это все, что нужно.

И это не значит, что вы становитесь просветленными: внезапно вы начинаете осознавать, что были просветленными всегда. Вы просто не допускали ни на одно мгновение, чтобы это вышло на поверхность. Вы были так наполнены желаниями, вы были так амбициозны, вы были в таком сумбуре. Вы до сих пор никогда не позволяли зазвучать в вас этому едва уловимому голосу. Он всегда звучал, но суматоха ваших желаний велика — вы стали рынком. Ваш ум постоянно вам что-то твердит. Он может твердить о деньгах, он может твердить о медитации. Он может твердить о политике, он может твердить о религии, он может твердить о чем угодно. Он может начать думать о просветлении, о том, что это такое и как этого достичь... и вы все время упускаете!

Пожалуйста, не будьте фанатиками этого. Расслабьтесь.

Директор агентства моделей беседовал с одной девушкой, желающей устроиться на работу. Задав ей несколько вопросов, он бросил на нее вождедеющий взгляд и спросил: «Вы девственница?»

— Да, — застенчиво ответила она, — но я не фанатик этого».

Только, пожалуйста, не будьте фанатиками этого. Просветление — это очень и очень легкое, простое явление, самое обычное переживание. Не имеющее ничего общего с переживаниями необычности.

Позвольте мне снова и снова напоминать вам: это самое обычное переживание — ведь это же ваша природа. И когда вы его достигаете, вы не можете этим хвастаться. Когда вы его достигаете, то вы делаете не бог весть что. Вот уж что действительно непостижимо, так это то, как вы до сих пор умудряетесь не достичь его — вот в чем чудо!

Третий вопрос:

Ошо, почему ваши слова так запутывают?

Я говорю такое множество вещей. И мне приходится их говорить, так как я обращаюсь к такому множеству людей. И я обращаюсь к очень разным людям. Махавира обращался только к одному типу людей — его слова не запутывают. Будда обращался только к одному типу людей — его слова не запутывают. Я же обращаюсь к очень разным людям.

Я не отбирал для своей работы людей какого-то определенного типа. Моя работа универсальна; она не является узкой. Легко обращаться людям определенного типа. Тогда ты можешь быть последовательным. Но когда ты имеешь дело с людьми стольких типов, тебе приходится учитывать разные запросы. Тебе приходится отвечать разным умам.

Поэтому, если вы меня читаете, мои слова могут вас запутать. В один день я говорю одно, на другой день я говорю другое. Одному человеку я говорю одно, другому сразу же после этого, я могу говорить прямо противоположное. А причина вот в чем: мне нет дела ни до каких ответов — у меня нет никаких определенных ответов. Я не верю в заранее приготовленные ответы. Я всматриваюсь в человека и отвечаю ему. Мой ответ соответствует определенному запросу. А завтра он может прийти и задать тот же самый вопрос, и мой ответ может быть другим — потому что завтра его запрос может быть другим. Слова могут быть теми же, но завтра я буду отражать его завтра, а сегодня я отражаю его сегодня. Я всего лишь зеркало.

Если вы станете в меня вглядываться, вы найдете там отражение своего же собственного лица. У меня нет никакой готовой идеи, которую я мог бы вам дать. Я не обучаю здесь философии. Я скорее обучаю вас состоянию не-ума. Меня не интересует создание у вас какого-то определенного лица. Я здесь только тем и занимаюсь, что разрушаю все ваши лица, так чтобы на поверхности проступило ваше истинное лицо, так чтобы вы наверняка узнали, какими сделал вас Бог. И мне приходится у вас многое отбирать. Я не даю вам знаний — я отбираю у вас знания.

Кроме того, когда я что-то говорю, я говорю одно, а вы можете понять по-другому. Слова не могут быть вполне точными. И чем больше вы продвигаетесь к миру сознания, тем менее точными они становятся. На самом низком уровне они весьма точны. В математике они весьма точны. Два плюс два — это четыре. Математика — точная наука. Не такова метафизика — и не может быть таковой. Чем выше вы поднимаетесь, тем неопределеннее становятся слова. А на высочайшем пике понимания слова почти бессмысленны. И все же их приходится употреблять, ведь вы же не понимаете ничего другого.

Я надеюсь, что скоро наступит такой день, когда вы сможете понимать мое молчание. Это происходит, постепенно происходит. Я наблюдаю за тем, как это происходит. И когда я почувствую, что молчание теперь может стать общением — вы сможете лишь пребывать в моем молчании, и вы что-то обретете, вы будете захвачены, в вас возникнет экстаз, и вы будете переполнены — и тогда в один прекрасный день я могу больше не употреблять слов.

Однако слова — опасное оружие. Я могу иметь в виду одно, а вы можете понимать по-другому.

Один человек читал в ресторане меню и спросил официантку: «Какой у вас сегодня суп?»

«О, — ответила она, — у нас сегодня черепаший и гороховый суп».

«Мне, пожалуйста, черепаший», — ответил тот.

Официантка закричала в кухню. «Один черепаший суп».

Но посетитель сказал: «Одну минуту. Я передумал. Не измените ли вы заказ? Можете ли вы дать вместо него гороховый суп?»

«Конечно», — сказала она. И прокричала повару: «Придержи черепаху и сделай ее

горохом».

Какой вы придадите этому смысл, будет теперь зависеть от вас. Слова могут означать многое, и в разных контекстах их смысл может совсем вас запутать. Каждое слово говорится в определенном контексте. Контекст скрыт, вы слышите только слова. А без контекста слово не имеет смысла. То, что я говорю вам сегодня, не будет иметь тот же самый контекст, ибо это утро никогда больше не повторится. Эти люди, которые собрались здесь, чтобы меня послушать, не будут теми же, когда снова соберутся здесь. Эти птицы, что поют вокруг, не будут снова на том же самом месте. Это утро неповторимо. Но мои слова останутся — и они утратят весь контекст, они станут независимыми от контекста. И тогда вам придется подбирать смысл, придавать им смысл.

И они могут запутать.

Я слышал.

У двух партнеров промышленности по производству одежды возникли проблемы с бизнесом; казалось, что они вот-вот объявят себя банкротами. Но, когда они уже были на грани банкротства, вышло так, что какая-то партия платьев, вроде бы, пришлась по вкусу покупателю. Западный рынок выразил желание скупить всю эту партию, да еще по такой цене, которой бы с лихвой хватило бы на то, чтобы поправить свои пошатнувшиеся дела. Партнеры были вне себя от радости.

«Только с одним условием, — предупредил покупатель — Я должен заручиться поддержкой у себя в стране. Я уверен, что там согласятся, но я должен с ними согласовать. Я приеду завтра. Если вы не получите от меня вестей до времени закрытия в пятницу вы можете быть уверены, что все в порядке».

Неделя тянулась медленно, и вот уже наступал черед пятницы. Эти два человека сидели, не двигаясь, за своими столами, не в состоянии сосредоточиться ни на какой работе. Ведь без этой сделки они были неминуемо пошли ко дну. Обливаясь холодным потом, они считали часы минута за минутой.

Прошло два часа, наступило три часа, и вот уже пробило четыре часа, и они уже были близки к помешательству. Пробило полпятого, и у них перехватило дыхание. И вдруг в контору влетает почтальон с криком: «Телеграмма!» Эти двое похолодели от ужаса.

Наконец один из партнеров все-таки поднялся. Он медленно развернул телеграмму и пробежал по ней глазами. Затем раздался радостный крик: «Гарри! Хорошая новость! Твой брат умер!»

Смысл всегда присутствует в контексте. Вне контекста нет смысла. А между тем слова продолжают жить.

Кришна что-то говорил Арджуне — в определенном контексте. И теперь индуисты продолжают это повторять. Будда говорил что-то своим ученикам в определенном контексте — и буддисты продолжают это повторять. Но человек понимания не будет так заиклен на словах. Слова не так важны, как вы думаете.

И не следует закреплять за словами такого уж твердого значения. Твердое слово — мертвое слово. Слово должно оставаться текучим. Оно должно меняться в соответствии с обстоятельствами. Это струя. А между тем люди употребляют слова как нечто замороженное. И мне понятно их затруднение, ведь если слова не будут замороженными, то нормальная жизнь станет невозможна. И ничего нельзя будет поделать. Но коль скоро речь идет о высшем мире, о высших полетах во вневременное, во внепространственное, слова становятся весьма произвольными.

Поэтому пожалуйста, не впадайте в замешательство от моих слов. Находите в словах меня! Забудьте о словах. Находите меня и забудьте о словах. Пользуйтесь словами как подступами ко

мне, не попадайтесь на их крючок. И тогда они не будут вас запутывать и не будут вас смущать.

Четвертый вопрос:

Ошо, я оборачиваюсь на каждый звук, чтобы увидеть, здесь ли он. Во мне великое ожидание, полное радости. Ошо, где этот любимый?

Пармита, он везде! Он всегда. Он здесь во мне, в тебе, во всех людях, которые собрались здесь. Но ты должно быть ищешь какого-то бога, не принадлежащего этому миру. Должно быть ты ищешь какого-то бога — христианского, индуистского, мусульманского, но ты не ищешь возлюбленного. Возлюбленный всегда здесь. Он в дыхании твоего сердца, он само биение этого сердца, он зелень деревьев, он в желтизне цветов, он в волнах океана, он в звездах в ночи. И он в молчании тьмы. И он в радости света.

Но у тебя должно быть есть какая-то идея о боге. Ты можешь продолжать искать эту идею, но ты никогда не найдешь его, ты будешь ждать напрасно. Брось эту мысль! ...и возлюбленный здесь. Эта идея стояла у тебя на пути. Возлюбленный не человек, возлюбленный это сама жизнь. Не думайте о боге как о человеке, сидящем где-то на золотом троне. Подумайте о боге в бабочке и в кузнечике, подумайте о боге в реке и в горах, подумайте о боге во всех этих проявлениях! Подумайте о боге как о мире.

Бог стал миром! Ваши писания говорят, что бог создал мир. Я говорю вам: бог стал миром. Теперь уже нет бога нигде больше. Певец теперь в песне, а художник в картине. Но вы ищите художника где-то еще, а он растворился в картине... Слышали ли вы одну очень известную китайскую дзенскую историю?

Великий король сильно полюбил красоту Гималаев. Он позвал всех великих художников его королевства и приказал им нарисовать Гималаи, а тот, кто нарисует их лучше всех, получит половину королевства и женится на королевской дочери.

День за днем, год за годом работали тысячи художников. На это было отведено три года. Было нарисовано много картин, прекрасных картин. Король не знал, что делать «Как выбрать самую красивую?» В конце концов самый старый художник пришел со своими картинами. Они были повешены на стену, и король пошел посмотреть их. Сразу же, интуитивно, он знал: «Эти самые лучшие». Он видел много прекрасных картин, но ничего сравнимого с этим. Они были такие живые! Король посмотрел и спросил художника: «Я вижу одну маленькую тропу идущую за горы, куда она ведет?»

И художник сказал: «Позвольте мне взглянуть». И он подошел к картине, встал на тропу за горой... и исчез, и никогда не вернулся обратно.

В Китае говорят, что картина, если она настоящая, должна быть такой, чтобы художник мог войти в нее и исчезнуть. Только тогда она подлинная. Эта история лишь притча. Но бог создал мир и растворился в нем. И это в самом деле истинно в отношении бога.

Пармита, не жди возлюбленного... Но тысячи людей ждали тысячи лет с глубоким стремлением и страстью. Их ожидание помогло — и это не значит, что они познали бога, но их ожидание помогло им стать более бдительными.

В особенности иудаизм использовал ожидание как методику для осознанности. Это иудейская параллель випассаны. Но помните, ждут не бога, никакой бог не придет, ожидание есть лишь средство. Когда вы ждете, вы становитесь более бдительными.

Ждали ли вы когда-нибудь друга? Он должен придти утром, и вы даже не можете заснуть ночью. Вы вертитесь в постели, и вновь и вновь вы смотрите на часы. Возможно ночь кончилась и уже утро, и вам нужно идти и забирать друга со станции...

Ждали ли вы когда-нибудь свою возлюбленную? Если есть хоть какое-то движение на

улице, вы выбегаете. Возможно это лишь ветер стучит в дверь, а ваше сердце начинает стучать чаще, и вы открываете дверь: возможно она пришла? Или почтальон проходит мимо, а вы бросаетесь и смотрите из окна...

Всегда когда вы ожидаете, вы начинаете осознавать. Если ожидание может стать абсолютным, тотальным, оно создаст великое пламя осознанности.

Говорят, что великий мистик Зусия ждал появления мессии с такой страстью и рвением, что когда бы он ни услышал перестук колес на улице, он сразу же бежал спрашивать: «Что это? Не пришел ли посланник?» И каждый раз, когда он шел спать, он говорил своим ученикам разбудить его в то самое мгновение, когда придет посланник. Однажды он сказал: «Если мессия придет сегодня и скажет мне: «Зусия, ты лучше, чем другие», — тогда я скажу ему: «Господин, ты не подлинный мессия».

Всю свою жизнь он ждал и с таким рвением, что даже ночью он боялся: «Возможно, я засну, а он придет». Один ученик должен был постоянно ждать рядом с ним, так что если бы пришел посланник, Зусию можно было бы сразу разбудить — потому что он не хотел упускать ни единого мгновения.

Вы видите какая страсть, какое стремление, какая любовь?

И вопрос не в том: пришел ли мессия? Не в этом суть, суть в том, что Зусия становился все более и более бдительным. Он стал таким бдительным и осознающим, что как говорят, однажды он сказал: «Если мессия придет ко мне сегодня и скажет мне: «Зусия, ты лучше всех», — то я скажу ему, «господин, вы не подлинный мессия, потому что я теперь знаю сам — нет ни высшего, ни низшего, ни лучшего, ни худшего. Все это одно. Что некого спасать, как нет и спасителя».

Ожидание, ожидание, ожидание, все большее и большее осознание; и вот в один прекрасный день сердце его открылось, и он узнал, что Бог везде. И нет надобности в приходе какого-то Мессии. Бог уже пришел! Бог уже пришел! Бог уже здесь.

Поэтому, Пармита, не спрашивай: «Где любимый?». А лучше спроси: «Где его нет?» Иисус говорит своим ученикам: «Расколите камень, и вы там меня найдете. Отодвиньте скалу, вы и там меня найдете». Где его нет?

Ты говоришь: *Я оборачиваюсь на каждый звук, чтобы увидеть, здесь ли он.*

Да, он здесь! Даже когда ветер стучится в твою дверь, это стучится он. И когда начинает лаять соседская собака, это лает он. И когда к тебе приходит друг, это он к тебе пришел. Ибо не существует никого, кроме него.

Пятый вопрос:

Я пытаюсь следовать религии по-своему, но, кажется, ничего не происходит. Что я должен делать?

А как ты по-своему следуешь религии? Ты должен отбросить самого себя. И что бы тогда ни происходило, все будет религией. Это не вопрос решения. Ты не можешь решать. Как ты можешь решать, что хорошо и что плохо? Отбрось себя. Позволь жизни тобою завладеть. Пусть решает жизнь. Доверься Богу, или жизни, или существованию... и следуй им в доверии.

Судя по всему, ты очень умный и расчетливый человек. Ты даже пытаешься следовать религии по-своему. И что бы ты ни делал, что бы ты ни сделал, это не что иное, как игра твоего же ума. Как ты можешь где-то достичь? Это же так просто!

Ты говоришь *Кажется, ничего не происходит.*

Сейчас же измени свой подход к религии. Религия — это не то, что ты должен решать; религия — это состояние отпускания.

Человеческий ум так хитер — он всегда может найти объяснения для всего, чего он только ни пожелает сделать. А если он не хочет делать, он может найти доводы против; если же он хочет сделать, он может все привлечь в качестве подтверждения.

Ты только взгляни на свой ум. Твой ум сначала решает, что то-то должно быть сделано, а уж потом он подбирает для этого аргументы.

Секретарша с большим стажем случайно столкнулась со своим старым школьным приятелем.

«Как ты могла докатиться до такой профессии?» — спросил ее друг.

«Не будь дураком, — ответила на вызов девушка. — Мы предоставляем жизненно важные услуги. Мы — жены тем, у кого их нет, и прибежище тем, у кого они есть.»

Даже если вы делаете что-то абсолютно неправильное, вы можете найти для этого хорошие основания.

Старый бородатый еврей зашел в гастроном и указал на кусок окорока, что лежал за стеклянной витриной: «Будьте так добры, взвесьте мне четверть фунта соленой говядины».

Человек, стоявший за прилавком, обратил внимание на его бороду и подумал, что должен просветить старика. «Простите, сэр, — сказал он тихо, — но это окорок!»

«А кто вас об этом спрашивал?» — отпарировал еврей.

Ум очень умен, очень хитер. Он может продолжать делать все, что ему заблагорассудится! И всегда может найти для этого аргументы. Поэтому, когда ты говоришь Я пытаюсь следовать религии по-своему, то что значит это по-своему? Истина не может сообразоваться с тобой. Это ты должен сообразоваться с истиной. Истина не обязана прилаживаться и приспосабливаться к тебе. Это ты должен прилаживаться и приспосабливаться к истине.

И если ты пытаешься действовать по-своему, то с тобой никогда ничего не произойдет. И, в конце концов, ты в этом раскаешься.

А теперь попытайся подойти к этому совершенно иначе. Будь в отпуске. И позволь решать Богу Отложи свой ум. Лучше стань больше интуитивным, чем интеллектуальным. Не будь таким рационалистичным. Религия доступна лишь тем, кто способен идти глубже разума. Но идти глубже разума — значит идти по ту сторону разума. И религия доступна лишь по ту сторону То, что вы обычно называете религией, есть не что иное, как фальшивка ума.

Ничего не произошло, ничего и не произойдет... помни.

И ты спрашиваешь: *Что я должен делать?*

Отбрось это «я». Если ты сумеешь найти Мастера, стань учеником. До сих пор ты слишком долго был учеником самого себя. Найди человека, которому ты сможешь доверять. Найди человека, чье присутствие утешит тебя, успокоит тебя, освежит тебя Найди человека, чье присутствие оживит в тебе надежду, воскресит тебя. Найди человека, чье присутствие станет твоим вдохновением, и жизнь снова обретет смысл. И тогда сдавайся. Стань учеником.

До сих пор ты пытался гнаться за двумя зайцами. Ты и Мастер, ты и ученик И ты будешь все больше и больше запутываться. Это не тот путь, на котором достигают.

И я не говорю, что люди не в состоянии достичь без Мастера — время от времени случается так, что человек достигает и без Мастера. Однако для этого необходима тем большая смелость. Потому что доверять человеку не так трудно, ведь это же человек. А доверять существованию трудно чрезвычайно. Это требует большего сердца и большего мужества. Вверить себя существованию... как сказал Иисус в последнее мгновение: «Да будет воля Твоя». Если ты на это способен, тогда нет нужды иметь Мастера. Но если ты не способен сдаться даже Мастеру, то сдаться существованию будет уже невозможно.

Мастер — это способ научить тебя тому, как сдаваться, показать тебе радость сдачи, показать тебе красоту сдачи. И тогда ты непременно наберешься большей смелости. И в один

прекрасный день ты сможешь сделать квантовый скачок и начать доверять существованию. И тогда человек становится подобным сухому листу на ветру. Если ветер дует на север, лист движется на север. Если ветер дует на юг, лист движется на юг. Если ветер перестает дуть, лист ждет и спокойно лежит на земле. Лист и понятия не имеет ни о какой судьбе, ни о каком направлении, ни о какой цели, ему некуда идти.

Это и есть окончательная сдача.

Лао-цзы стал просветленным, наблюдая за сухим листом, падающим с дерева. Он сидел под деревом. Лист созрел, подул легкий ветерок, и лист упал. Медленно-медленно, как перышко, порхающее на ветру, он опустился на землю... и тогда подул ветер посильнее и подхватил его... и тот двигался с ветром без сопротивления. И случилась истина: Лао-цзы стал просветленным. С этого мгновения он стал сухим листом на ветру.

Да, это возможно и без Мастера — но чтобы доверять листу, потребуется настоящее мужество.

Шестой вопрос:

Ошо, я чувствую, что мне нужен Мастер, и я чувствую; то, что вы позволяете делать своим ученикам, подходит также и для меня. Что же делает вас настолько особенным, что заставляет меня выбрать вас своим Мастером и сдаться вам?

Рюнеман, во-первых, то, что тебе нужен Мастер — это твоя проблема. Я не нуждаюсь в ученике. Их у меня и так достаточно. Я в этом не заинтересован. Поэтому я не убеждаю тебя стать учеником. На самом деле, я делаю все возможное, чтобы разубедить людей и чтобы они могли уйти подальше.

Приблизиться ко мне нелегко. Я соорудил всевозможные преграды между тобой и мной. Я не заинтересован в учениках — до тех пор, пока чья-то потребность не станет действительно интенсивной. Я здесь не для того, чтобы собирать толпу и толчею, но лишь для немногих избранных.

Ты говоришь: *Ошо, я чувствую, что мне нужен Мастер, и я чувствую то, что вы позволяете делать своим ученикам, подходит также для меня.*

Если ты чувствуешь, что тебе нужен Мастер, ищи Мастера. И будем надеяться, что в один прекрасный день ты его найдешь.

Ты спрашиваешь: *Что же делает вас настолько особенным, что заставляет меня выбрать вас своим Мастером?*

А я совсем не особенный. Забудь обо мне. Я совсем обычный. Если тебя интересуют особенные Мастера, то тебе придется искать в каком-то другом месте. Сама эта идея особенности является эгоистичной. Да, я знаю: ученики любят быть преданными в высшей степени особенным людям. Это еще один способ удовлетворения их собственного эго, что я-де ученик в высшей степени особенного Мастера.

Поэтому позволь мне с самого начала внести в это ясность: я совсем обычный человек. Тебе вообще не нужно мной интересоваться. Я не особенный. Тебе придется искать где-то в другом месте. Сама идея нахождения особенного Мастера является эгоистичной. Почему особенного? Что особенного в жизни? Либо все особенное, либо ничего особенного.

Я могу согласиться с обоими этими утверждениями: либо все особенное, либо ничего особенного. Но я не могу согласиться с тем утверждением, что кто-то особенный, а другие неособенные. Бог существует везде, в каждом. И Бог — это наша природа.

Я обычный человек. Поэтому если ты хочешь особенного Мастера, ты находишься в неподходящей компании, тебе придется искать где-нибудь в другом месте. Тебе придется искать

какого-нибудь чародея. На самом деле, тебе не интересно ученичество. Твой интерес заключен в некоем путешествии эго.

Ты спрашиваешь *Что же делает вас настолько особенным, что Истина суфиев заставляет меня выбрать вас своим Мастером и сдаться вам?*

А я вовсе не заинтересован в твоей сдаче. Когда человек сдается Мастеру, то он сдается не Мастеру, Мастер — это всего лишь средство. Ученик просто сдается. А так как он не может сдаться без Мастера, то Мастер необходим как средство.

Мастер не получает твою сдачу! Это одностороннее движение. Когда ты мне сдаешься, то это ты сдаешься — только и всего. Я не получаю твою сдачу, я не занимаюсь собиранием ваших сдач. Я всего лишь средство, предназначенное исключительно для того, чтобы помочь вам освободиться от глупого эго, от иллюзорного эго.

Как сдача может иметь для Мастера хоть какое-то значение? Сдача необходима, потому что это ложно. И если эго как таковое ложно, то какую ценность может иметь ваша сдача?

Ты только представь себе человека, который вообразил себя Наполеоном. Он же не Наполеон! Он думает, что у него есть великое царство. И вот Мастер убеждает его сдаться — и он сдается! И говорит: «Хорошо, я даю свое царство, и отныне я больше не буду Наполеоном». Вы что, думаете, Мастер что-то получает?

Прежде всего, у человека нет ничего, кроме какой-то идеи. Мастер ничего не получает, разумеется, человек теряет многое свое царство, свое наполеонство и т. п.

Ты говоришь: *Что же делает вас настолько особенным, что заставляет меня выбрать вас своим Мастером?*

Я не особенный, поэтому тебе не стоит обо мне беспокоиться. Я совсем обычный И если ты можешь сдаться кому-то совсем обычному твоя сдача будет иметь какой-то смысл. Сдаться же кому-то особенному — это вообще не сдаться Ведь ты снова наслаждаешься тем, что отождествился с великим Мастером. Ты тоже чем-то велик: отраженным ореолом Мастера.

А я никто! Если ты со мной соединишься, ты тоже станешь никем — и это все, что я могу тебе обещать. Я ничто — если ты со мной соединишься, ты тоже станешь ничем. Я исчез. Если ты ко мне приближаешься, будь осторожен... тебе самому придется исчезнуть Быть близким ко мне — значит быть близким к своей окончательной смерти.

Настоящая сдача означает именно следующее: умирание эго. Но когда ты умираешь как эго, ты рождаешься как божественное. Поэтому распятие эго есть воскрешение души.

И я не заинтересован в твоей сдаче, потому что не вижу, чтобы у тебя что-то было. У тебя же ничего нет — у тебя есть лишь заблуждения, иллюзии, сны. А, между тем, ты спрашиваешь так, как будто собираешься отдать что-то великое, поэтому тебе понадобилось удостовериться: «Настолько ли особенный этот человек, чтобы я мог сдать мое царство? Кто этот человек? С какой стати я должен ему сдаваться?»

Сдача — это не сдача кому-то определенному сдача — это просто сдача. Она лишь означает я устал, утомлен, отягощен своим эго. До сих пор я с ним жил, и оно меня уже достаточно помучило. Хватит! Я хочу от него избавиться, но как от него избавиться? Куда его деть?

Человек так долго с ним жил, что ему очень трудно от него отделиться. И тут приходит на помощь Мастер. Он говорит «Хорошо, отдай его мне. Если тебе некуда его деть, отдай его мне, уж я о нем позабочусь, буду его охранять».

И, чувствуя доверие, любовь, ты можешь отдать Мастеру свое эго. Но что ты отдаешь? По сути дела, ничего.

Однажды разговаривали друг с другом двое сумасшедших. Один сжал руку в кулак и спросил другого: «Можешь ли ты мне сказать, что у меня в кулаке?»

Другой долго думал, медитировал и сказал: «Белый слон».

Первый заглянул в свой кулак и сказал: «В таком случае ты, наверное, подсмотрел, когда я сжимал руку в кулаке. А иначе как бы ты угадал?»

В ваших кулаках нет ничего, никакого белого слона — а одни лишь пустые идеи, пустые отождествления себя с кем-то. Мастер — это не что иное, как ситуация. Поэтому, если ты и в самом деле чувствуешь такую потребность, тогда дерзай.

И эти беседы должны тебе очень пригодиться, ибо этот цикл бесед о Совершенном Мастере. Тебе понадобится Совершенный Мастер — а я не Совершенный Мастер. Я совсем-совсем не Совершенный Мастер. Тебе же нужно что-то настолько особенное, что ты не найдешь

Вот почему люди верят в мертвых Мастеров, так как с помощью мертвых Мастеров можно создать столько особенного, сколько пожелаешь. Я не могу ходить по воде, это верно. Иисус мог ходить — но мне доподлинно известно, что и он никогда не ходил: ему были известны нужные камни! Впрочем, вы можете верить в то, что он особенный, что он ходит по воде.

Люди верят в мертвых Мастеров, так как с помощью мертвых Мастеров они вольны плести всевозможные небылицы.

А я совсем обычный человек, такой же обычный, как ты. Но я праздную себя. Я праздную себя, я пою себя. И я могу напомнить тебе, что и ты можешь петь себя. И если празднует такой обычный человек, как я, то это должно наполнить тебя великой радостью — ведь тогда и ты можешь праздновать — и тебе не нужно быть особенным. Ты тоже можешь быть просветленным и не ходя по воде.

Если ты поймешь, ты будешь мною наслаждаться, ведь именно такой человек, как ты, стал праздником. Это обещает многое: ты тоже можешь стать единым. И не нужно ничего особенного. Все, что тебе нужно, у тебя уже есть Тебе только нужно об это напомнить. Истинный Мастер не что иное, как напоминание.

Последние вопросы:

Ошо, четыре года назад там, где я жил, во флигеле висел один плакат. На нем было красивое изображение океана и эти слова, которые вспомнились мне:

«Я движусь и совсем не движусь.

Я как луна, что под бегущими волнами».

А во время вчерашней беседы я впервые заметил в себе это неподвижное место. Не смогли бы вы побольше об этом поговорить?

Йога Дивья, это не то, о чем нужно говорить. Не думай об этом — просто чувствуй это. Если ты начнешь об этом думать ты снова собьешься с пути. Это чувствующее пространство внутри тебя; оно не имеет ничего общего с мыслью. Мысль будет помехой. Чувствуй это! Молча сиди и чувствуй это, наслаждайся этим, смейся с этим, плачь и рыдай с этим, но только не думай об этом.

Как только ты об этом подумаешь, в ту же секунду ты уйдешь от этого так далеко, как это только возможно. Ибо думание всегда отводит тебя от насущного.

Перед тобой цветок розы, а ты начинаешь о нем думать., и тогда между тобой и розой возникает многомильная дистанция. Мышление есть по сути своей отдаление. Мышление создает дистанцию. Если ты действительно хочешь быть с цветком розы, забудь о мышлении. Будь с цветком розы! Плачь с ним, пой с ним, танцуй с ним, будь с ним — и ты узнаешь

Это узнавание не имеет ничего общего с мыслью.

Я больше ничего не могу об этом сказать. Ты нашел в себе прекрасное место. Только избегай мышления! Будь ближе и ближе к этому месту. Да, есть такое место, где «я движусь и совсем не движусь. Я как луна, что под бегущими волнами». Да, в тебе есть такая вечность.

Время движется лишь на поверхности. А в тебе есть такое пространство, что без начала и без конца. В тебе есть такое пространство, где никогда не происходят изменения.

С тех пор, как я узнал в себе это пространство, не произошло больше ничего — никакого кризиса, никакой катастрофы, никакого происшествия. С тех пор, как я обосновался в этом пространстве, все осталось прежним — и лишь на поверхности менялись тысячи вещей. Колесо продолжает двигаться, но в самом центре движения нет.

Это то, что известно как центр циклона...

7. Рык льва

Во времена царя Махмуда, завоевателя Газны, Аил молодой человек по имени Хайдар Али Джан. Его отец, Искандар Хан, стремясь добиться для него покровительства императора, послал его изучать духовные материи у величайших мудрецов того времени.

И когда Хайдар Али поднаторел во всяких повторениях и упражнениях, когда он узнал истину и освоил зикры суфийских школ, отец представил его императору.

«Великий Махмуд, — произнес Искандар, — этот юноша, мой старший и самый умный сын, прошел особое обучение методами суфиев, с тем, чтобы занять достойное место при дворе вашего величества, ибо нам известно, что вы в наше время покровительствуете учености».

Махмуд и глаз не поднял, а только сказал: «Приведи его опять через год».

Слегка разочарованный, однако питая высокие надежды, Искандар послал Али изучать труды великих суфиев прошлого и посетить в Багдаде гробницы древних Мастеров, с тем, чтобы время отсрочки не было потрачено впустую.

Когда он опять привел юношу во дворец, он сказал: «Гордость эпохи! Мой сын проделал большие и трудные путешествия, и за это время к своим познаниям упражнений он добавил основательное ознакомление с классиками Людей Пути. Умоляю вас, проэкзаменуйте его, чтобы он смог показать, что способен стать украшением двора Вашего Величества».

«Пусть он, — не став дальше его слушать, сказал Махмуд, — вернется еще через год».

В течение следующих двенадцати месяцев Мдар Али, проделав путь через Оксас, посетил Бухару и Самарканд, Квазр-и-Арифин и Ташкент, Душанбе и турдаты суфийских святых в Туркестане.

Когда он вернулся во дворец, Махмуд Газнийский, бросив на него один взгляд, сказал: «Пусть вернется еще через год».

В тот год Хайдар Али отправился паломничать в Мекку. Он исколесил Индию; он знакомился в Персии с редкими книгами и никогда не упускал возможности отыскать великих дервишей того времени и засвидетельствовать им свое почтение.

Когда он вернулся в Газну, Махмуд сказал ему: «А теперь выбери учителя, если только он захочет иметь с тобой дело, и возвращайся через год».

Когда же истек год и Искандар Хан собирался было взять своего сына во дворец, Хайдар Али не проявил к этому никакого интереса. Он просто сидел у ног своего учителя в Герате и не внимал тому, что говорил ему отец.

«Я потратил свое время, свои деньги, а этот юнец не выдержал испытаний, которым его подверг царь Махмуд», — запричитал он и оставил всю эту затею.

А между тем наступил и завершился день, когда этот юноша должен был предстать перед царем, и в этот день Махмуд сказал своим придворным: «Приготовьтесь к посещению Герата; там есть один человек, которого я должен увидеть».

И когда пышная церемония царской свиты двигалась в Герат, учитель Хайдара Али взял того за руку и подбел его к воротам теккии, и они стали ждать.

Через некоторое время Махмуд и его придворный Аяз, сняв обувь, предстал перед святилищем.

«Здесь, Махмуд, — сказал суфийских шейх, — есть человек, который был никто, когда посещал царей; теперь же он тот, кого посещают цари. Прими его в свои суфийские советники, ибо он готов». Такова история обучения Хиграви Хайдара Али Джана, Гератского

мудреца.

Религия — это риск, бунт, это рождение заново. Религия — это не утешение, не приспособливание, не соглашение. Религия — это не часть мира, а нечто выходящее за его пределы.

Религии нельзя научиться: ее можно только впитать. Не существует такого учения, которое поможет вам стать религиозными. Все учения сбивают с толку.

Религия — это не какое-то обучение. Напротив - это разучивание. Дело обстоит не так, что вы должны знать еще больше, а так, что вы должны подойти к той точке, где все знание исчезает, и вы становитесь невинными, вы снова становитесь детьми. И вновь свежо чудо, и тайна жизни открывается вам.

Знаток живет в своем уме. И ум продолжает претендовать на то, что он знает. И поскольку ум претендует на то, что он знает, он срывает таинственный покров с существования. Знание — это самая нерелигиозная вещь в мире, потому что без опыта тайны быть в контакте с Богом невозможно. Тайна — это дверь.

Знание должно быть отброшено для того, чтобы вы снова могли открыть свои глаза, как это делает ребенок — свежие, юные, полные изумления, ничего не знающие или знающие лишь то, что ничего не знают.

И необходимо понять это немного, прежде чем вы сможете войти в эту красивую историю. Почему я называю религию риском? И не просто риском, а величайшим риском? Почему? Потому что вам придется потерять самих себя. В жизни имеет место и другой риск, однако это незначительный риск. Вам приходится терять свои деньги, или вам приходится терять свой престиж, или вам приходится терять свою жену, то или это. Но в религии требуется вся ваша тотальность, и не меньше — вам придется потерять самих себя. Естественно, тут отпрянешь назад, испугаешься. Это прыжок из это в пропасть безэгоистии. Это разрыв с прошлым, со всем тем, что вы считали самими собой. Это прорыв.

Вы теряете свое тождество — это великий кризис тождества. Вы знали себя такими-то и такими-то — с таким-то именем, с такой-то внешностью, в таком-то обществе, такой-то национальности — а религия требует, чтобы вы утратили все свое тождество. Религиозный человек ни индус, ни китаец, ни индуист, ни мусульманин. Религиозный человек ни черный, ни белый. Все это глупости.

Тогда кто такой религиозный человек? А он вообще не человек, а лишь присутствие. Он отбросил свою человечность. Он не может сказать, кто он. Он не может себя определить. И, тем не менее, в этом неопределимом состоянии сознания он знает, кто он. Таков парадокс те, кто знают, кто они, не знают, те же, кто готовы поставить на карту все свое тождество и подойти к той точке, где они не знают, кто они — только они и есть те люди, у которых появляется способность к познанию. Это авантюра... Но такой смелостью обладают очень немногие.

Религия не для трусов. Для трусов существует политика. Религия не для неполноценных. Для неполноценных существует политика. Весь мир политики зависит от комплекса неполноценности. Когда человек чувствует себя ничем, никем, он начинает проецировать себя на мир амбиций — он хочет стать кем-то в политике: президентом, премьер-министром. Или, поднатюнув в добывании денег, он становится знаменитым миллионером. Или же он хочет стать нобелевским лауреатом, или кем-то еще...

Это пути амбиций. А почему амбиции вообще возникают? Они возникают из комплекса неполноценности; вы чувствуете, что вы никто. А это ранит. Это как открытая рана. И вы хотите ее скрыть. Вы втягиваетесь в амбиции. Вы бежите от самих себя сломя голову и как можно дальше. Вы хотите забыть себя! Вы хотите вовлечься в мир денег, власти, престижа.

Религия лишь для тех, кто готов ринуться в ничто своего существа, кто не думает, что они должны быть кем-то. Они хотят лишь узнать, кто они. Они не желают быть кем-то. Они не проецируют. Они просто хотят войти в глубинное святилище своего существа и увидеть, что там. Если там ничто, пусть будет ничто. В таком случае, ничто превосходно. В таком случае оно есть наша природа. В таком случае, здесь не существует проблемы и никакая это не рана. И не нужно искать для нее лекарств; она не нуждается в лечении.

Амбициозный человек убегает прочь, страшась столкновения с ничто. А религиозный человек вбегает, чтобы узнать: «Что из себя представляет это ничто, которое есть я?»

Это риск. Это смерть. Однако из этой смерти происходит воскрешение, возрождение. Но если вы пойдете в храмы, церкви или мечети, вы обнаружите там совершенно другой тип молящегося человека. Он трус, его Бог происходит из страха. Он так же амбициозен, как любой другой. Он ищет поддержки у Бога, дабы преуспеть в своих амбициях. Бог как таковой его не интересует. Он желает так или иначе эксплуатировать и Бога. У него имеются мотивы. Он труслив, и из своей трусости он создал грандиозную религию, ритуал — священника, церковь.

Религия находится в руках нерелигиозных людей. Махавира, Будда, Мухаммед, Мансур, Руми, Кабир, Нанак — это не те люди, которые боятся. Это не те люди, которые молятся из страха! Они молятся из любви, а не из страха. Они молятся из чистейшей радости, они молятся из благодарности. Они ничего не просят у Бога — ведь Бог и так уже дал все, что нужно.

Настоящей религии нужна огромная смелость, чтобы войти в свое ничто — а внутри существует огромное ничто... такое же безбрежное, как небо, и такое же, как небо, бесконечное.

Существует внешнее небо и внутреннее небо. Мирской человек движется вовне, религиозный человек движется вовнутрь. Вовне двигаться очень легко, так как туда движутся миллионы. И вы можете стать частью толпы; вам не нужно иметь свою собственную смелость. Вы можете просто плясать под дудку психологии толпы. Все люди что-то делают — и вы можете стать частью всего этого. Человек — это подражатель. И если что-то доказывает происхождение человека от обезьяны, так это его недюжинная способность к подражанию.

Но чтобы идти вовнутрь ты должен быть одинок. Абсолютно одинок. Никто не сможет быть с тобою там, никто, даже друг.

И для этого внутреннего путешествия необходима большая смелость — смелость быть одиноким. Но только те, кто способны быть одинокими, смогут узнать, что такое Бог — потому что Бога можно найти лишь в своем глубинном одиночестве. Бог есть глубинный центр вашего одиночества.

Бога нельзя найти, как находят объект. Бога можно найти не как искомое, а как самого ищущего. Бога никогда нельзя найти где-то там: Бог всегда находится здесь. Никогда не там, а всегда здесь Бог — это не отдаленная цель. Бог — это само ваше сознание, само ваше существо, сами ваше существование.

Однако для этого необходима смелость — смелость быть одиноким, смелость отбросить привязанность к толпе, смелость отбросить амбиции, проекции, смелость быть ничем. Вот почему я на днях говорил я совсем обычный человек, в высшей степени обычный. И мне бы хотелось, чтобы вы тоже стали в высшей степени обычными — ибо в самой этой обычности находится Бог. А попытка быть кем-то, попытка быть особенным — это путь амбиций и путь эго. А эго никогда не встречает Бога.

Вот почему я говорил вам на днях, что я несовершенный — или что я совершенно несовершенный. И мне бы хотелось, чтобы вы тоже были бы такими совершенно несовершенными. Тогда вы можете расслабиться. Тогда идти куда-то невозможно, да и не нужно. Тогда нет идеала, которого нужно достигать. Тогда вы не пытаетесь постоянно совершенствовать себя — это же не делается вами. Это возникает, как возникает аромат из

цветов, как свет, льющийся из звезд. Это возникает естественно! А когда молитва естественна, она обладает потрясающей красотой, потрясающей властью. Она освобождает.

Будьте смелыми. И позвольте мне повторить величайшая смелость состоит в том, чтобы быть неамбициозным.

Религия — это не формальность; это не что-то вроде поведения; это не какой-то определенный этикет. Вы можете изучать поведение религиозных людей. Вы можете пройти через все религиозное действо. Вы можете отбивать поклоны в храме, вы можете читать молитвы, вы можете даже вызвать слезы и залить ими щеки. Но в глубине души вы знаете, что вы не в этом. Это лишь напускное. Может быть вы стали в этом весьма изощренными. Вы делали это так долго, что это выглядит почти естественно, однако это не так. В этом нет вашего сердца.

Вы можете сотни раз на дню говорить своей жене: «Я тебя люблю». Но если в этом нет вашего сердца, вы знаете, что эти слова мертвы, что это бескрылые слова. И вы также знаете и то мгновение, когда вы действительно любите и говорите: «Я тебя люблю». А какая разница! Разница громадна. Слова одни и те же, и способа определить словами какое бы то ни было различие не существует. Ни фонетический анализ, ни анализ звука не определяют различия. Но вы же знаете: когда вы любите, это уже не обычные слова — они лучатся, они сияют, как свет, они пылают. В них бьется сердце, они живые.

А когда вы лишь повторяете это, так как это нужно повторять — так как в мире есть книги, подобные книгам Дейла Карнеги и Наполеона Хилла, в которых постоянно твердят, что даже если вы не любите, продолжайте повторять — это помогает. Это «подмазывает» отношения. Может быть, они и правы в том, что это «подмазывает», однако все это неподлинно. Вы можете прожить благообразную жизнь, но от этой благообразной жизни как раз и нет никакого толка. Человек должен прожить жизнь страсти, молитвы и любви — а не какую-то благообразную жизнь. Человек должен прожить жизнь в приключении, исследовании. А не какую-то благообразную жизнь. Человек должен жить тотально. Факел его жизни должен гореть с двух концов — пусть даже на одно-единственное мгновение, но тогда это единственное мгновение будет вечностью. Тогда вы живете именно так, как надо, тогда вы узнаете, что такое жизнь. И тогда вы узнаете ее празднование и ее благословение.

Религия — это не формальность. Избегайте формальностей. Если вы действительно хотите однажды стать религиозными, избегайте формальностей. Величайшая опасность формальности заключается в том, что, если вы начинаете к ней привыкать, вы никогда не будете осознавать, что упускаете что-то настоящее. Человек, который носит с собой фальшивые монеты и думает, что это настоящие монеты, не станет искать настоящих. И так он упустит.

Никогда не будьте формальными по отношению к религии. Никогда не будьте христианами, индуистами или мусульманами — все это формальности. Будьте исполнены молитвы, но только не формально. Позвольте молитве возникнуть. Ждите ее. Жаждите ее! Ищите ее!

Подражание заимствовано. Формальность заимствована. Другие учат вас тому, что нужно делать. А религия требует зрелого человека, а не человека, похожего на попугая.

Это не формальность, ибо она не является частью культуры, цивилизации, общества. На самом деле, религия в основе своей асоциальна — не антисоциальна, но асоциальна. Она выводит за пределы общества. А вы захвачены обществом, вы обусловлены обществом. Общество — это ваша тюрьма. Оно не позволяет вам двигаться за свои границы. Оно дает вам веревку достаточно длинную для того, чтобы у вас возникло определенное чувство свободы, но вы не свободны. Ни одно общество не допустит свободы. Ни одно общество не существует во имя свободы. Слово «свобода» эксплуатируется, но ни одно общество не является свободным.

Иметь свободное общество означало бы не иметь общества вообще — тогда будут существовать одни только личности. А все, что нам известно как общество, будет лишь

формальным устройством, чем-то вроде почтового отделения или железнодорожного ведомства — формальным устройством. И никакого навязывания какой-либо внутренней структуры. Никакого навязывания каких-либо обязанностей, а только помощь, питающая помощь, чтобы каждый смог стать самим собой. Помощь, не требующая, чтобы он подгонял себя под какой-то определенный шаблон.

Ни одно из до сих пор существовавших обществ не является религиозным, даже индийское общество. Эта идея очень нравится индусам, и их так называемые гуру продолжают странствовать по всему миру и объявлять всему миру, что Индия действительно религиозна — но это все чепуха. Формально они правы, однако религия не имеет ничего общего с формальностью.

Религия — это бунт, духовный бунт. Бунт индивидуальности. Бунт души. Поиск свободы, причем окончательной свободы. Разумеется, для этого необходима большая смелость. Для этого необходимо мужество.

Вот почему так много людей думают, что они религиозны, а на самом деле лишь очень немногие являются таковыми. И лишь изредка вы встречаете действительно религиозную личность

Помните также, что религия — это не ученость. Вы можете изучить Веды, Библию и Коран и стать действительно компетентными, но все же вы не будете религиозными. Та же самая работа может быть проделана и компьютером, к тому же намного лучше. И лишь на одно не способен компьютер: он не способен чувствовать. Компьютер может думать, однако ни одна машина не способна чувствовать.

Религия имеет дело с чувствующей, а не с думающей частью вашего существа. Вы можете обучиться, вы можете стать весьма и весьма осведомленными, вы можете иметь солидный багаж знаний, однако этот багаж будет постепенно высушивать сок вашего сердца. Это знание будет похоже на скалы, и ваше сердце не будет больше течь. Скалы обступят ваше сердце со всех сторон. А чтобы течь, ему нужно немного свободы. И свобода это — маленький ручеек любви. Только этот маленький ручеек любви знает, как идти к Богу. Ни одна скала не способна идти к океану; только этот маленький ручеек любви знает, как достичь океана. И ему не нужны никакие карты, никакие путеводители. Он просто знает. И знание это интуитивно.

Каждый человек просто знает, как любить — его не нужно учить. Что же тогда ему нужно? Ему нужна лишь атмосфера любви, в которой можно впитать дух. Именно это случается, когда вы идете к Мастеру, когда вы входите в суфийскую теккию — суфийскую школу — или поле Будды, или когда вы входите в энергетическое поле Мастера, вы входите в магнетическое поле, где течет любовь, где танцует множество сердец, где отброшен в сторону ум, где определяющим стало чувство. Все, что вам нужно — это климат.

Мастер — это климат, атмосфера, в которой вы вдруг начинаете осознавать свой собственный потенциал. Дело обстоит не так, что Мастер вам что-то дает — этого и не нужно! Все, что вам нужно, уже дано вам Богом. Однако в присутствии Мастера какая-то струнка вашего сердца начинает звучать в ответ, как будто где-то играет музыка, и в вас возникает само это слушание и танец. Все ваше тело так и просится танцевать. И вы уже во власти этой музыки, она коснулась вашего сердца и затронула его. Вы соединены, к вам наведен мост.

Мастер — это музыкант. Он поет песню. Он проживает песню. Он вибрирует, пульсирует в определенной мелодии. И те, кто ближе к нему, те, кто позволяют себе к нему приблизиться, те, кто могут быть с ним в отпуске, те, кто расслабились с ним... Это и есть сатсанг. Расслабление с Мастером, отбрасывание своих зажимов. Это резервуар энергии, и если вы отбрасываете ваши зажимы, вы начинаете вдруг осознавать свой собственный резервуар.

Есть одна знаменитая суфийская история..

Это случилось небольшое стадо овец проходило через долину. А из стороны в сторону с пригорка на пригорок, прыгала львица. И когда она прыгнула, во время прыжка она родила детеныша. И этот детеныш попал в стадо овец.

Овцы подобрали детеныша. И, естественно, этот львенок был с самого начала уверен, что он овца. У него никогда не было и проблеска осознания, что он лев — а ведь он был львом! Однако от вашей забывчивости природа ваша не изменится. Он стал очень большим, однако рост происходил до того медленно, что овцы по-прежнему принимали его за своего — им казалось, что это был какой-то уродец. Какой-то странный, чудной, немного ненормальный, нелепый, однако в любом случае он был овцой. Он был абсолютным вегетарианцем, ходил как овца, жил с овцами и разговаривал как овца.

И вот в один прекрасный день это чудо попало на глаза другому льву. Какой-то старый лев проходил мимо и увидел это чудо — он не мог поверить своим глазам. Такое было невозможно! Молодой лев шел бок о бок с овцами, и те его не боялись. Они шли так близко друг к другу и так дружно — он не мог поверить своим глазам! Ему никогда не доводилось видеть ничего подобного.

Он подбежал и схватил этого льва. «Что произошло... он что, сошел с ума, или с ним стряслось еще что-нибудь?» Овцы убежали, и этот овцелев, естественно, тоже убежал — испуганно, весь дрожа от страха. Но любопытство старого льва тем больше возросло, наконец, он изловчился, схватил того покрепче и потащил к реке. А тот не хотел туда идти. Он пятился назад, вырывался и умолял: «Оставьте меня, пожалуйста. Оставьте меня одного! Позвольте мне уйти с моими овцами».

Я знаю эту историю, ведь именно это я и делаю с вами изо дня в день. «Оставьте меня одного. Позвольте мне быть индуистом, или мусульманином, или христианином — позвольте мне уйти к своим людям! Куда вы меня тащите? Я ведь всего-навсего бедная овца, и я совершенно счастлив. Не беспокойтесь за меня!»

А между тем старый лев был непреклонен. Он силой потащил молодого льва к реке, и оба посмотрели в реку тихую реку, поверхность которой не нарушала рябь. Она была подобна зеркалу. И старый лев сказал: «Посмотри, ты же не овца. Посмотри в реку!»

Один лишь взгляд... и знаете, что произошло? Внезапно раздался раскатистый львиный рык! Это и есть то, что люди дзен называют «внезапным просветлением». То был не постепенный процесс. И было не так, что он сказал: «Хорошо, я об этом подумаю». И не так «Сперва я пойду в школу и научусь, как быть львом». И не так «Сэр, я весьма вам признателен — позвольте же мне стать вашим учеником. И в теперешней жизни или в какой-нибудь еще я постепенно достигну этого просветления. Я признателен вам за то, что вы указали мне путь».

Ничего подобного. Одно лишь видение своего лица, и видение такого же лица старого льва — и вот вырвался рык! За какое-то одно мгновение! Фактически, без всякого времени, без всякого временного промежутка, безвременно. Мгновенно. Немедленно... и исчезла овца, и был молодой лев.

Таков смысл пребывания с Мастером.

Вы не есть то, что вы о себе думаете. Вас научили, что вы такие-то и такие-то. А вы не есть эти маленькие отождествления, эти маленькие эго. Вы безбрежны. Вы бесконечны. Вы вечны. Тат-твам-аси: это ты! И не меньше. Вы боги и богини. Но вы попали во множество ловушек.

А потому это не вопрос обучения. Религия должна впитываться от того, кто уже достиг. Она должна исходить от Мастера к ученику. Не от книги к студенту. Но от живого Мастера к живому ученику. Это передача озарения.

Мастер — это не личность, а только климат, музыка, молчание. Если вы любите, вы тоже становитесь молчаливыми — ибо что бы вы ни любили, вы становитесь похожими на это.

Помните об этом! Будьте очень осторожны, когда вы что-то любите, ибо, что бы вы ни любили, вы этим и станете.

Человек, который любит деньги, сам становится деньгами. Он рассуждает исключительно в терминах денег, и больше ничего. Человек, который любит вещи, имущество, сам становится имуществом, и больше ничем, становится вещью. Любите что-нибудь великое! Если вы любите цветок, то это лучше, чем любить деньги. Если вы любите луну, то это лучше, чем любить дом. Если вы любите женщину, мужчину, ребенка, то это лучше, чем любить власть или престиж.

Но если вы сможете найти Мастера и полюбить его, тогда это будет дверью к божественному — ибо на этой земле нет ничего ближе к Богу, чем Мастер. И различие между вами и Мастером — это не качественное различие различие состоит лишь в воспоминании.

Снова и снова вспоминайте этого старого льва и молодого льва. Каково различие? Экзистенциального различия нет, нет вообще никакого сущностного различия! И, тем не менее, разница все-таки есть, маленькая разница, но все дело в ней. Молодой лев забыл, кто он. Его сердце забыло львиный язык. Он больше не знает, как рычать, как сотрясать своим рычанием горы. Однако в присутствии старого льва он это впитал, узнал. Глядя в глаза Мастера, вы узнаете, кто вы. Идя с Мастером, вы узнаете, кто вы. Одна лишь мысль о том, чтобы сидеть рядом с Буддой., как долго можете вы продолжать думать, что вы овцы? Рано или поздно раздастся рык.

У этой истории есть множество красивых мест, которые нужно понять.

Во времена царя Махмуда, завоевателя Газны, жил молодой человек по имени Хайдар Али Джан. Его отец, Искандар Хан, стремясь добиться для него покровительства императора, послал его изучать духовные материи у величайших мудрецов того времени.

Вы должны медленно входить в эту историю, ибо эти истории не из тех, которые можно прочитать и затем забыть. Это напоминание. Это приемы. Это ключи. Они содержат в себе много смыслов. И вы должны относиться с очень и очень большим сочувствием и пониманием к каждому их слову

Его отец, Искандар Хан, стремясь добиться для него покровительства императора

Именно это всегда делали отцы. Они продолжают проецировать свои амбиции на собственных детей. Он, наверное, сам хотел стать важной особой при царском дворе, но не сумел. И вот теперь он отправляет своего сына. Теперь он пытается заставить уже своего сына нести тот груз, который сам нес всю свою жизнь. А теперь он старее и разочарованно признает, что потерпел неудачу.

Ничьи амбиции никогда не осуществляются. Амбициозная личность всегда терпит неудачу, обречена ее терпеть. Если бы амбиции могли бы приводить к успеху Будды, тогда были бы не нужны. Будды тогда были бы ни к чему.

Амбиция терпит неудачу. Вы слышали такую поговорку «Ничто не приносит такой успех, как сам успех». А я вам говорю «Ничто не является таким безуспешным, как сам успех!». Когда ты добиваешься успеха, тогда ты осознаешь, что потерпел неудачу. В твоём распоряжении все деньги, которые ты желал, а ты так же беден, как всегда — и, по сути дела, еще беднее. Вся власть, который ты всегда добивался, уже в твоих руках, но глубоко внутри ты все тот же нищий — незрелый, отталкивающий, непросветленный. Ты стал знаменит, о тебе знает весь мир, но сам ты не знаешь, кто ты — какой же в этом смысл?

Иисус говорит: вы можете владеть целым миром, но, если вы утратили свою душу к чему тогда все это? Царство уже здесь, только царь мертв. Именно это и происходит в случае успеха: вы продолжаете менять царя на царство. И вот, наконец, царство здесь, а царя больше нет. Это я и называю конечной неудачей успеха.

Все родители терпят неудачу не в одном, так в другом — до тех пор, пока они не становятся

Буддами. Но тогда все обстоит совершенно по-другому. Я бы хотел рассказать вам одну историю...

Когда Будда стал просветленным, то первое, что он сделал — это возвратился в свою семью, чтобы там могли увидеть, что с ним произошло. И это было естественно; по-человечески вспомнить о своей жене, о своем ребенке, о своем старом отце. Теперь ему уже было чем поделиться, и ему хотелось поделиться этим с каждым. И это естественно, что он вспомнил о всех тех, кого когда-то любил.

Однако его жена был очень разгневана — и это тоже естественно и по-человечески. Однажды ночью тот человек сбежал и даже не сказал ей об этом. То была незаурядная женщина, интеллигентная и очень гордая. Красавица! Одна из красивейших женщин того времени. Рана ее была глубока. И вы удивитесь: она была обижена не из-за того, что Гаутама Будда покинул ее — дело было не в этом. Ее любовь к этому человеку была так громадна, что, если бы он захотел уйти в лес для своего внутреннего поиска, она бы позволила это. Она была обижена из-за того, что он ей ничего не сказал, что он ей не доверял — вот что нанесло ей обиду. Почувствуйте разницу То была незаурядная женщина.

Ее ранило именно это. «Почему он не смог в меня поверить?» Если бы он спросил, если бы он только сказал: «Меня больше не интересует ни мир, ни царство, ни ты, ни ребенок. Я внезапно разочаровался, и мне бы хотелось пойти в лес, чтобы устремить поиск в свой внутренний мир: кто же я?» Она бы позволила. Конечно, со слезами на глазах, но то была смелая женщина — она не стала бы ему мешать. Она любила того человека, а любовь всегда дает свободу.

Поэтому дело было не в том, что Будда сбежал. Дело было в том, что он ничего не сказал. Он сбежал как вор.

И теперь, когда Будда вернулся, она, естественно, была разгневана. Она пришла в ярость, и ярость ее была вызвана именно этим. Она кричала: «Почему ты мне не сказал? Я бы не помешала тебе, ты же меня знаешь Мы прожили вместе много лет. Я когда-нибудь хоть в чем-нибудь мешала тебе? Я так глубоко, так безмерно любила тебя, что если бы ты даже захотел один уйти в лес, я бы позволила тебе. Я бы страдала, но это была бы уже моя проблема! Но я не стала бы препятствовать твоему поиску. Почему же ты мне не сказал?»

Это было единственное, о чем она его все время спрашивала. А потом, кипя от гнева, она подвела своего сына. Когда Будда покинул ее, сыну было всего лишь месяц от роду а теперь ему уже было двенадцать лет, и он все время спрашивал «Где мой отец? Кто мой отец?»

Она подозвала мальчика и сказала: «Рахула (Рахула — это было его имя), вот твой отец. Он сбежал как трус. Этот человек дал тебе жизнь. А теперь давай спрашивай о своем наследстве!»

Она над ним язвительно смеялась, ведь Будда был теперь нищим — и о каком наследстве могла идти речь? Что он имел? Эта женщина была действительно разгневана, и она сказала ребенку «Ну спрашивай о наследстве! Вот твой отец — что он может тебе дать?»

А Будда засмеялся, и знаете, что он сделал? Он инициировал своего ребенка в саньясу. Он дал ему нищенскую котомку и сказал: «На самом деле, я пришел сюда за этим. Я нашел, и мне бы хотелось, чтобы мой сын тоже нашел. А ты, Яшодхара (так звали его жену), не гневайся. Теперь это бессмысленно, ибо человека, на которого ты гневаешься, больше нет. Я умер и родился заново. Мне понятен твой гнев на того человека, который однажды ночью покинул тебя, но его больше нет. С кем ты говоришь? Посмотри на меня еще раз!»

И, хотя глаза ее были полны слез, она взглянула на Будду и поняла: «Да, это не тот человек. Внешне, физически он как будто тот же, но у него иное качество души — здесь царит атмосфера Мастера». И весь гнев ее исчез. И зарычал лев... она упала в ноги Будде и стала просить его инициировать ее в саньясу.

Родители могут дать лишь то, что у них есть. Когда родители покончили с иллюзиями, они помогут и своим детям покончить с иллюзиями, касающимися этого мира. Когда же родители так и остаются нереализованными и полными амбиций, они передадут весь тот яд, который сами все время носили. И этот яд продолжает передаваться из поколения в поколение. Со временем он становится все крепче и крепче. Он похож на алкоголь со временем он становится все крепче.

Его отец, Искандар Хан, стремясь добиться для него покровительства императора, послал его изучать духовные материи..

Как будто духовность — это то, что можно изучить. Его отец определенно был лишен духовности. Иначе зачем бы ему понадобилось, чтобы его сын был в числе царских придворных? Какая глупость! Судя по всему, это был очень невежественный человек, иначе кому бы захотелось, чтобы сын стал амбициозным? Кому бы захотелось чтобы сын стал политиком? Политика это невроз — невроз с красивым названием. Политик — это сумасшедший, и до тех пор, пока политика не утратит свою важность, на земле никогда не воцарится мир. Она стала важнее важного; она стала самой сутью жизни. Религия отброшена на периферию. И создается такое впечатление, что каждый хочет обладать властью. И никто не хочет мира.

Религиозный человек хочет мира, и мир приносит власть. Политик же хочет власти, а власть сеет лишь раздор, невроз, тревогу..

Если бы отец действительно любил ребенка, он не стал бы его этому учить. Но, как правило, все родители думают, что они любят своих детей — поэтому они и строят планы. А разве они могут спланировать что-нибудь лучшее?

...послал его изучать духовные материи у величайших мудрецов того времени

Духовность — это не ученость. Это не то, что вы можете изучить; это то, чем вы должны быть. Она не похожа на накопление; это преобразование, это не информация. И дело обстоит не так, что вы остаетесь прежними и возвращаетесь домой с еще большими знаниями и с внушительными удостоверениями. Вы никогда не возвращаетесь домой прежними. Вы возвращаетесь совершенно другими, с новым видением жизни, с новым пониманием, с миром в сердце, с великим покоем и гармонией в своем существе. Вы возвращаетесь сонастроенными с Дао, сонастроенными с целым. Вы приходите не как эго, а как часть божественного плана, божественного целого.

И когда Хайдар Али поднаторел во всяких повторениях и упражнениях, когда он узнал истину и освоил зикры суфийских школ, отец представил его императору.

И теперь пришел мальчик, поднаторевший во всевозможных повторениях — он выучил наизусть, вызубрил все, что говорили суфии — и выучил также все упражнения.

Ты можешь выучить все йоговские упражнения, однако это не делает тебя йогом. Это даст тебе лучшую физическую форму, лучшее здоровье. Но это не даст тебе лучшей души. Это совсем другое. Оно не имеет ничего общего с телесными позами. Оно связано с внутренней алхимией. Твое сознание должно возрасти, ты должен стать более сознающим. Такова цель суфийских упражнений. А то были не упражнения, хотя со стороны они были похожи на упражнения. Это также составляет цель йоговских упражнений. Однако эта цель остается скрытой. Она открывается лишь в пространстве между Мастером и учеником. Если ты идешь лишь затем, чтобы выучить упражнения, ты можешь выучить Ты станешь хорошим гимнастом. И это особенно относится к суфийским упражнениям — они в основе своей служат воспитанию как лучше вспомнить самого себя

Суфий может танцевать, но когда он танцует, он остается совершенно неподвижным в центре — в центре циклона. Танец — это циклон, все его тело приходит в движение, делается жидким, текучим, динамичным, но в центре находится свидетель — молча, спокойно и

сосредоточенно наблюдающий.

Вы можете выучить упражнения извне. Однако извне вы никогда не начнете осознавать то, что происходит внутри. А внутреннее и есть настоящее.

И когда Хайдар Али поднаторел во всяких повторениях и упражнениях, когда он узнал истину и освоил зикры суфийских школ, отец представил его императору.

«Великий Махмуд, — произнес Искандар, — этот юноша, мой старший и самый умный сын, прошел особое обучение методами суфиев, с тем, чтобы занять достойное место при дворе вашего величества, ибо нам известно, что вы в наше время покровительствуете учености».

А теперь взгляните на абсурдность всего этого. Суфий и не подумает беспокоиться о том, чтобы стать придворным царя. Он будет этого избегать. Он будет этого избегать любыми путями — даже если о нем хлопочет сам царь — ибо царский дворец — самое пагубное место, самое уродливое место, самое нездоровое из всех мест. Это ад!

Я слышал:

Один видный политический деятель умер и отправился в великую обитель вечного отдыха. Но когда он туда прибыл, то был удивлен поразительным сходством этого места с тем, что осталось дома. «Боже мой, — сказал он какому-то человеку который находился рядом с ним, — никогда не предполагал, что рай может быть так похож на Нью-Дели!»

«Господин, — ответил тот человек, — мне очень жаль, но это не рай...»

Ваши столицы больше всего напоминают ад. Ваши парламенты куда более сумасшедшие, чем любой сумасшедший дом.

Зачем суфий стал бы печься о том, чтобы быть при дворе? Но этот человек, отец, сказал царю:

«Великий Махмуд, — произнес Искандар, — этот юноша, мой старший и самый умный сын, прошел особое обучение методами суфиев».

Ведь это совсем не обучение! Быть суфием — это не обучение. Это внезапный проблеск... рык льва. Это не обучение, не постепенный процесс, не выучивание. Теккия — суфийская школа — на самом деле, не является школой в обычном смысле этого слова, ибо обучение — это не обучение, а разучение.

Когда вы приходите к суфийскому Мастеру, он учит вас разучиваться. Он очищает вашу доску. Он стирает с нее все, что там понаписано. Он делает вас чистыми. И возникает сильный страх!

Недавно вечером здесь была Радха. Несколько дней назад ее охватил сильный страх, так как она увидела прямо перед собой бездну, как будто она стоит у обрыва, и ум покидает ее. В голове роились тысячи мыслей, но они отходили все дальше, дальше и дальше.

Человека одолевает мучительный страх, ведь он так долго жил с этими мыслями. И с этими мыслями было так комфортно. А когда их нет, то у вас возникает вдруг такое чувство, что вас больше нет. Они образуют вашу тождественность. Радха очень испугалась — так испугалась, что у нее вдруг возник жар. Этот жар не имел никакого отношения к телу. То был не физический жар: то был духовный жар. Из-за этого страха ее начала бить сильная лихорадка.

Это мгновение приходит к каждому ученику. Рано или поздно Мастер подводит вас к краю бездны, где ум ваш просто исчезает, и вы уже покинуты в состоянии не-ума. Это не обучение: на самом деле, это разучение. Это не выучивание — это разучивание.

Суфийский Мастер помогает вам становиться не более осведомленными — он помогает вам стать абсолютно невинными, невежественными. Да, невежественными. Он устраняет из вашей головы весь багаж.

Но отец сказал императору:

«Великий Махмуд, — произнес Искандар, — этот юноша, мой старший и самый умный сын, прошел особое обучение методами суфиев, с тем, чтобы занять достойное место при дворе вашего величества...»

А теперь обратите внимание на мотивацию. Даже если люди молятся, они молятся безобразно. Человек отправляется к суфийскому Мастеру, чтобы что-то выучить и занять лучшее место при дворе царя. Люди используют религию и для нерелигиозных целей. Это кощунственно. Это грех. Это преступление, которому нет прощения. Бог не может быть использован для каких-то других целей. Все цели могут быть использованы во имя Бога, но Бог не может быть использован ни для одной из них. Бог должен оставаться высшей целью, высшим смыслом, последним пределом.

А между тем, такое случается. Таков ваш ум.

Махмуд и глаз не поднял...

Должно быть, то был человек понимания. Вообще не стоит поднимать глаз, так как, если бы этот молодой человек действительно был с суфийским Мастером, он не был бы готов явиться ко двору. Это абсолютно бесспорно.

Махмуд и глаз не поднял... на этого молодого человека не стоило поднимать глаз... а только сказал: «Приведи его опять через год». Слегка разочарованный..

Естественно. Отец возлагал на своего сына такие надежды. Недавно вечером одна красивая интеллигентная женщина говорила мне, что она пришла сюда с великими ожиданиями и что она разочарована. А какие у вас могут быть ожидания? Какие бы ожидания ни ткал и ни плел ваш ум, они будут ошибочными, ибо ваш ум является ошибочным. И я здесь не для того, чтобы оправдывать чьи-то ожидания.

Если бы я оправдывал ваши ожидания, как бы я вас преображал? Мне приходится разрушать ваши ожидания — ибо у меня нет обязательств оправдывать их так или иначе. На самом деле, если я вижу что присутствуют какие-то ожидания, я специально делаю все, чтобы разрушить эти ожидания. Такова цена, которую вам приходится платить за то, чтобы быть со мной.

Слегка разочарованный, однако питая высокие надежды. Ведь это был всего-навсего вопрос еще одного года. Искандар послал Али изучать труды великих суфиев прошлого. Поймите суть! Этот человек совершенно глуп. На этот раз он посылает сына изучать труды великих Мастеров прошлого. Религия — это искра — вы можете получить ее только от живого Мастера, а не от мертвых Мастеров. Христос не может помочь вам. Будда не может помочь вам. Вам придется находить живого Христа, живого Будду — ибо эта искра должна переметнуться из одного живого сердца в другое живое сердце. Будда помог многим, но только когда он был жив. И Христос многим помог, но только когда был жив. Мастер может помочь, только когда он жив.

К тому же существуют люди, которым не помогло даже тогда, когда был жив Будда, и они еще думают, что они смогут обрести помощь, когда он ушел. Вы продолжаете упускать живых Мастеров и еще надеетесь, что сможете вступить в контакт с мертвыми Мастерами? Вы очень хитры. Это способ избежать контакта. Вы можете и дальше претендовать на религиозность — вы поклоняетесь Будде, читаете Дхам-мападу, цитируете по памяти его высказывания, следуя всему, что он говорил, вы вырабатываете в себе характер, который ему соответствует, живете так, как он хотел, чтобы жили его ученики, и тем не менее, все это — фальшивка, ибо нет больше этого живого огня.

Ваш львиный рык может быть спровоцирован другим живыми львом — иного пути нет.

Искандар послал Али изучать труды великих суфиев прошлого и посетить в Багдаде гробницы древних Мастеров, с тем, чтобы время отсрочки не было потрачено впустую.

Судя по всему отец был бизнесменом — амбициозным бизнесменом. Люди бизнеса считают, что время — деньги, и оно не должно тратиться впустую. А между тем вся их жизнь —

сплошная трата времени впустую и больше ничего.

Вот она, эта трата! Послать юношу, живого юношу к гробницам мертвых Мастеров или изучать классиков. Но существуют ведь такие люди, весь ум которых скроен по шаблону бизнеса: «Используй это время Наберись еще немного знаний. Отправляйся к гробницам. Иполучи благословение древних Мастеров, дабы добиться высокого положения при царском дворе».

Когда он опять привел юношу во дворец, он сказал: «Гордость эпохи. Мой сын проделал большие и трудные путешествия».

Да, долгие и трудные путешествия — но ни одно из них не было суфийским. Потому что суфийское путешествие — это путешествие вовнутрь Вам не нужно идти в Багдад. Вам не нужно никуда идти Все, что вам нужно — это прекратить хождение куда бы то ни было и припасть к своему собственному изначальному источнику Вы должны идти вовнутрь.

Лао-цзы сказал: «Для того чтобы познать Бога, не нужно даже выходить из своей комнаты...» потому что Бог — это ваше глубинное святилище.

Когда он опять привел юношу во дворец, он сказал: «Гордость эпохи. Мой сын проделал большие и трудные путешествия, и за это время к своим познаниям упражнений он добавил основательное ознакомление с классиками Людей Пути. Умоляю вас, проэкзаменуйте его...»

Как будто суфийское понимание может быть кем-то проэкзаменовано, как будто можно устроить экзамен Будде.

«...чтобы он смог показать, что способен стать украшением двора Вашего Величества».

Суфизм не является чем-то таким, что может быть показано, доказано, проэкзаменовано, сертифицировано, санкционировано. Настолько он является внутренним. Он настолько внутренний, что недоступен внешним ощущениям и внешним критериям, и лишь тот распознает его, кто сам является суфием. Никому другому не дано его распознать Если вы крепко спите, как вы можете определить, что кто-то бодрствует? Если вы никогда не бодрствовали, как вы можете знать о бодрствовании? Каковы критерии? С позиции каких ценностей можно судить? Как оценивать?

«Пусть он, — не став дальше его слушать, сказал Махмуд, — вернется еще через год».

Почему Махмуд опять дает еще год? Потому что умение терпеть — это одно из величайших качеств суфия. Всепоглощающее, бесконечное терпение при полном отсутствии спешки — таково качество молитвенного человека. Он не просит, он ждет. И исполнен своим ожиданием. Те же, кто просят, те продолжают просить и просить, и просьбы их никогда не удовлетворяются.

Иисус говорит: просите, и дано будет вам. У суфиев же имеется куда более глубокое высказывание: просите, и вам не будет дано. Не просите — ждите! и дано будет вам Ждите в доверии. Ждите в глубоком понимании, что вам будет дано, когда это будет нужно. Дающий — это Бог. Когда действительно возникнет потребность, тогда и будет дано, и ни секундой позже.

В течение следующих двенадцати месяцев Хайдар Али, проделав путь через Оксас, посетил Бухару и Самарканд, Квазр-и-Арифин и Ташкент, Душанбе и турдаты суфийских святых в Туркестане.

Это все движение в мир умерших, посещение могил древних мудрецов А между тем всегда можно найти Мастеров, живых, дышащих, воспламененных Богом. Вам не нужно идти к могилам. Мир еще не настолько беден; Бог еще не покинул этот мир. Бог продолжает слать свои послания. Бог продолжает преображать людей да так, что они обретают способность преображать других. Это цепь. И нет необходимости идти к Будде — вы можете найти Будду.

Но так уж функционирует наш ум — ум всегда интересуется прошлым и никогда не интересуется настоящим, потому что настоящее разрушит его. Настоящее выведет вас за пределы ума. Прошое не способно разрушить ум: прошое только еще больше укрепит его.

Когда он вернулся во дворец, Махмуд Газнийский, бросив на него один взгляд...

Почему теперь один взгляд? По крайней мере, тот был терпеливым. По крайней мере, в нем забрезжило одно суфийское качество.

Махмуд Газнийский, бросив на него один взгляд, сказал: «Пусть вернется еще через год».

В тот год Хайдар Али отправился паломничать в Мекку. Он исколесил Индию; он знакомился в Персии с редкими книгами и никогда не упускал возможности отыскать великих дервишей того времени и засвидетельствовать им свое почтение.

Теперь все меняется. Хайдар Али движется от прошлого к настоящему. Терпение приносит свои плоды. Он начинает осознавать бесполезность того, чем до сих пор занимался.

Он отправляется в Мекку проделывает путь в Индию, путешествует в Персию, он ищет совета... и не упускает ни одной возможности отыскать великий дервишей того времени и засвидетельствовать им свое почтение. Начался поиск тех, кто еще жив — а их было много. Они всегда есть. Они ждут ищущих; они становятся доступными только ученикам.

И все же здесь была одна ошибка: он ходил ко многим, от одного к другому. А так невозможно впитать дух Мастера. Нужно быть в глубокой близости с одним. Вы можете продолжать ходить от одного к другому и никогда не впитать чей-либо дух. Один день вы с Буддой, на другой день вы с Христом, на третий вы с Кришной — вы же ничему не научитесь. Как вы можете за один день научиться играть на флейте, подобно Кришне? Как вы можете за один день научиться молчанию Будды? Как вы можете за один день научиться состраданию Христа? Это не цветы одного сезона — они не вырастают так быстро. Они похожи на древние ливанские кедры — огромные деревья, которым требуется время, сотни лет для того, чтобы глубоко проникнуть в землю и взметнуться высоко в небо. Это не цветы одного сезона! Достижение Бога — величайшее дерзание, труднейшее путешествие и прекраснейшее сокровище.

Вы не можете все время посещать кого-то и просить о благословении. А между тем, всегда найдутся такие люди. Они находятся и здесь. Они приходят на один день и говорят: «Ошо, благослови меня», а я спрашиваю: «Как долго намерены вы оставаться?» А они в ответ «Я уезжаю завтра утром». — «Зачем же вы пришли? Для чего?» — «Для одного лишь вашего благословения».

Благословения помогают, но только тем, кто умеет терпеть. Благословения помогают, но только тем, кто готов рисковать, кто не так спешит. Но люди глупы. Они готовы годы убивать в университете на то, чтобы добиться какой-то глупой степени, а на то, чтобы быть с Мастером, они считают, что хватит и одного дня, хватит и благословения. А это не так. Необходима великая сдача.

Что-то изменилось в Хайдаре Али. Теперь он движется среди живых. Но здесь одна ошибка: он движется слишком быстро.

Когда он вернулся в Газну, Махмуд сказал ему: «А теперь выбери учителя, если только он захочет иметь с тобой дело, и возвращайся через год».

Похоже, что это человек, Махмуд, — человек большого понимания. На этот раз он говорит: «А теперь выбери учителя». До сих пор он этого не говорил, до сих пор Хайдар Али двигался среди мертвых. Как вы можете выбирать? В выборе нет никакого смысла: вы мертвы, ваши Мастера мертвы... как же будет происходить жизнь? Если вы хотите дать рождение ребенку, вы ведь не женитесь на мертвой женщине, или все-таки женитесь? Вам бы хотелось молодую, живую женщину, которая может стать матерью. Жизнь происходит только через живое.

Махмуд смог это увидеть. Какой-то свет засиял в глазах этого молодого человека, какой-то аромат наполнил его. Он двигался среди садов, где цвели цветы. И Махмуд сказал: «А теперь выбери Мастера — так ты ни к чему не придешь. Ты стал перекасти-поле, и никакой мох не

пристанет к тебе. Выбери Мастера!»

И он сказал одну прекрасную вещь: «Если только он захочет иметь с тобой дело». Ибо один ты не можешь выбрать Мастера. Это зависит не только от тебя; на самом деле, это от тебя вообще не зависит. Ты можешь только сказать: «Мастер, я доступен. Если вы меня выберете, то я готов — но если только вы меня выберете». Именно Мастер всегда выбирает. Об участии ученика в выборе вопрос вообще не ставится. Как вы можете выбирать? Что вы знаете? Кто такой Мастер? Кто такой подлинный Мастер? Что бы вы ни делали, исходя из своей путаницы, вы внесете лишь еще большую путаницу. Что бы вы ни делали, исходя из своего хаоса, это внесет лишь еще больший хаос

Выбирает Мастер.

Но ученик должен делать себя доступным. Об этом и говорит Махмуд: «А теперь выбери Мастера, если он только захочет иметь с тобой дело — если только кто-то готов иметь с тобой дело, если кто-то готов принять тебя».

Всегда помните: когда Мастер выбирает вас, вы уже благословлены. Но глупые люди рассуждают иначе: они думают, что это они сдаются. Совсем недавно кто-то спрашивал: «С какой стати я должен вам сдаваться?» Как будто у вас есть что сдавать, что-то и впрямь ценное. У вас же ничего нет.

Мастер забирает то, что вы не имеете, и отдает то, что вы имеете. Он помогает вам избавиться от иллюзий — а эго — это величайшая иллюзия. Но когда глупец идет к Мастеру; он думает, что возлагает на Мастера некое великое обязательство, что он обязывает Мастера: он-де сдается. «Посмотрите! Сдается человек моего калибра».

Всегда помни: если тебя выбрали, то ты счастливчик

«А теперь выбери учителя, если только он захочет иметь с тобой дело, и возвращайся через год».

Когда же истек год и Искандар Хан собирался было взять своего сына во дворец, Хайдар Али не проявил к атому никакого интереса. Он просто сидел у ног своего учителя в Герате и не внимал тому, что говорил ему отец.

Это превращение в суфия. Теперь это больше не прежний молодой человек. Это совершенно новое существо — он родился заново. Мастер вобрал его в свое чрево и создал его заново. Это возрождение. Искандер Хан все еще думает, что это его сын — но того больше нет.

Когда человек встречает Мастера, все прочие отношения растворяются. И нет тогда никакого отца, нет никакой матери, нет никакого сына, жены, мужа. Тогда все отношения действительно растворяются. Тогда все прочие отношения становятся лишь игрой. Тогда все отношения растворяются в одном отношении... в отношении с Мастером.

Зачем ему теперь беспокоиться о царском дворце? Хайдар Али не проявил вообще никакого интереса! Когда вы узнали настоящее сокровище, когда вы увидели настоящее царство, кто станет беспокоиться о глупых вещах?

Он просто сидел у ног своего учителя в Герате...

Теперь это стало его царством, это стало его царским двором. Сатсанг суфийского Мастера называется «его двор», потому что это его царство; он стал там императором. И продолжает делиться своим царством, своим бесконечным сокровищем. И теперь одно лишь пребывание у его ног значит больше, чем что бы то ни было. К чему все эти разговоры о том, как стать царским придворным? Даже если бы ему самому предложили бы стать царем, он не стал бы слушать. Он уже стал царем — царем такого царства, отнять которое не властна даже смерть.

Быть у ног Мастера — величайшая из всех радостей. Это рай. В этой любви, в этой близости, в этом родстве все, что всегда упускалось, больше не упускается: человек вернулся домой.

Хайдар Али не проявил к этому никакого интереса. Он просто сидел у ног своего учителя в Герате и не внимал тому, что говорил ему отец.

«Я потратил свое время, свои деньги, а этот юнец не выдержал испытаний, которым его подверг царь Махмуд...»

Он исчез. Но, с точки зрения его отца, он потерпел неудачу. Однако исчезновение в мире суфия — это совсем другое явление.

Будда потерпел неудачу в глазах отца — и любой бы так подумал, большинство согласилось бы с отцом Будды. Он был рожден царем, а теперь стал нищим — какая неудача может быть большей? Вот когда нищий становится царем, мы называем это успехом. Но те, кто знают, те знают, что Будда достиг успеха.

А между тем наступил и завершился день, когда этот юноша должен был предстать перед царем, и в этот день Махмуд сказал своим придворным: «Приготовьтесь к посещению Герата; там есть один человек, которого я должен увидеть».

Тот самый молодой человек, который, бывал, обивал пороги дворца—в первый раз Махмуд даже не удостоил его взгляда. Что-то случилось! Наступил и завершился этот день, и в этот день отец отправился в Герат, чтобы привести того юношу а тот юноша так и не появился.

Его, должно быть, достигла весть, что отец считает своего сына неудачником, отказавшимся от этой затеи.

И когда пышная церемония царской свиты двигалась в Герат, учитель Хайдара Али взял того за руку и подвел его к воротам теккии, и они стали ждать.

Теперь даже Мастеру не под силу убедить его в необходимости идти. Мастеру приходится брать его за руку. Ученик пьян, его больше нет. Он окончательно состоялся. Он не желает слушать даже того, что говорит ему Мастер. И Мастеру приходится совершать физическое действие и брать его за руку.

Через некоторое время Махмуд и его придворный Ауз, сняв обувь, предстал перед святилищем.

«Здесь, Махмуд, — сказал суфийских шейх, — есть человек, который был никто, когда посещал царей; теперь же он тот, кого посещают цари. Прими его в свои суфийские советники, ибо он готов».

Только Мастер может определить, готов ученик или нет. Только пробужденный может видеть, пробуждены другие или нет. Мастер вручает его Махмуду как дар и говорит:

«Здесь, Махмуд, есть человек, который был никто, когда посещал царей... »

В этом красота этого божественного мира: когда ты гонишься за желаниями, ты остаешься нищим; когда же ты прекращаешь гнаться, то все, за чем ты гнался, само несется к тебе сломя голову. Когда ты просишь, оно не дается. Когда ты не просишь, оно изливается на тебя дождем.

Есть одно бесподобно красивое высказывание Иисуса. Я никогда не устаю снова и снова его приводить. Иисус говорит: тем, кто имеет, еще больше будет дано, а у тех, кто не имеет, отнимется даже то, что у них есть.

Странное заявление, очень странное. Ибо наша обычная математика, арифметика, социализм, коммунизм и т. д. скажут: отдай тем, кто не имеет. Но Иисус говорит тем, кто имеет, еще больше будет дано, а у тех, кто не имеет, отнимется даже то, что у них есть. Это фундаментальный закон. Если вы счастливы, к вам придет тем больше счастья. Если вы радостны, вы привлекаете тем больше радости. Подобное притягивает подобное. Если вы страдаете, на вас начнут надвигаться еще большие страдания.

Вы сами создаете свой мир. Не возлагайте за него ответственности ни на кого — ответственность всегда лежит только на вас самих.

Мастер сказал:

«Этот человек, который был никто, когда посещал царей; теперь же он тот, кого посещают цари Прими его в свои суфийские советники, ибо он готов».

Такова история обучения Хиграви Хайдара Али Джона, Гератского мудреца

И тогда он прославился как гератский мудрец.

Это небольшая история, но если вы в нее вникните, вам откроется много тайн. Вам откроется истинный смысл религии. Это пламя, что переметывается от сердца Мастера к сердцу ученика. Это передача, что за пределами слов, за пределами священных писаний...

8. Колокол звонит по тебе

Первый вопрос:

Вы так много говорили о знании. Будьте так добры, объясните, что входит в развитие бытия.

Ананд Витраг, бытие никогда не развивается. Бытие просто есть. Не существует никакой эволюции. И времени здесь нет. Оно есть вечность. Оно не есть становление. С точки зрения духовности, вы никогда не развиваетесь, не можете развиваться. И если речь идет о конечной цели, то вы уже там. Вы никогда не были где-то еще. Тогда что такое развитие? Развитие это лишь своего рода пробуждение к истине, которая есть вы. А истина не растет: растет только распознавание, растет воспоминание.

Вот почему я не говорю о развитии бытия. Я говорю о всевозможных препятствиях, которые мешают вашему распознаванию. А знание — это величайшее из препятствий. Поэтому я так много о нем говорю. Это преграда. Если вы знаете, что вы знаете, вы никогда не узнаете. Если вы знаете, что вы знаете, в чем тогда смысл познания? Вы можете продолжать спать и мечтать.

Как только вы признаете, что вы не знаете, это признание невежества в ту же секунду как стрела войдет в ваше сердце, как нож пронзит вас. И в этом самом пронзании человек начинает осознавать — в самом этот шок.

Знание — это своего рода шокопоглотитель. Оно не допустит, чтобы вы были потрясены и шокированы. Оно продолжает вас защищать. Это броня вокруг вас. Я говорю о знании и против знания, чтобы вы смогли отбросить эту броню, чтобы жизнь смогла шокировать вас и привести в состояние осознанности.

Жизнь здесь и готова шокировать вас в любую секунду. Ваше бытие здесь, внутри вас и готово в любую секунду пробудиться, но между ними находится знание. И чем больше его, тем больше будет отдаляться ваше пробуждение к самим себе.

Станьте незнающими.

И никогда не думайте о духовности как о росте. Это не рост. Вы уже боги, будды, с самого начала. И дело обстоит не так, что вы должны стать буддами: это сокровище уже здесь — и только вы не знаете, куда вы его дели. Вы забыли ключ или забыли, как им пользоваться.

Вы до того опьянены знанием, что совсем забыли о том, кто вы. Знание — это алкоголь, оно опьяняет людей. И тогда их восприятие затуманивается, тогда их воспоминание сводится до минимума. Тогда они начинают видеть то, чего нет, и перестают видеть то, что есть.

Вот почему, Витраг, я не говорил о том, как вам эволюционировать в своем бытии. Бытие уже такое, каким и должно быть, оно совершенно. К нему ничего не нужно и нельзя добавить. Это Божье творение. Оно исходит из совершенства и потому совершенно. Вам нужно лишь устранить все препятствия, которые вы же и создали.

А между тем наше общество продолжает работать на то, чтобы создавать препятствия.

Вот рождается ребенок И мы тут же начинаем создавать в нем препятствия. Вы создаете в нем сравнение: «Кто-то другой красивее тебя, кто-то другой разумнее тебя, а чей-то еще ребенок — посмотри! Ты только посмотри на его оценки, на его достижения, на его интеллект, а ты чем занимаешься?»

Мы начинаем создавать сравнение. А сравнение привносит неполноценность и превосходство — и то и другое — болезнь, препятствие. Ребенок теперь никогда не будет думать

о себе; он вечно будет сравнивать себя с кем-то еще. Яд сравнения уже проник в него. И теперь он будет страдать. Теперь блаженство бытия будет становиться все менее и менее возможным.

Каждый рождается уникальным. И невозможно никакое сравнение. Ты — это ты, я — это я. Будда — это Будда, Христос — это Христос. И невозможно никакое сравнение. Если вы сравниваете, вы создаете превосходство и неполноценность, то есть пути эго. И, разумеется, тогда возникает серьезная болезнь соревнования, серьезная болезнь стремления одержать победу над другими. И вы пребываете в страхе, что вам не удастся этого сделать, ибо это очень ожесточенная борьба: каждый стремится стать первым.

Миллионы людей стремятся стать первыми. Отсюда сильная ожесточенность, агрессивность, ненависть, враждебность. Жизнь превращается в ад. Если вы побеждены, вы страдаете. А ведь у вас куда больше шансов быть побежденными. И даже если вы добиваетесь успеха, вы не испытываете счастья: ведь как только вы добиваетесь успеха, в ту же секунду вы начинаете бояться. Теперь кто-то другой собирается его у вас отнять. Соперники окружают вас со всех сторон и скрипят вам вслед зубами.

Прежде чем добиться успеха, вы боялись, что вы его не добьетесь; теперь же вы преуспели, у вас есть деньги и власть, и теперь вы боитесь: кто-то собирается все это у вас отнять. Вы дрожали раньше — вы дрожите и теперь. Потерпевший неудачу страдает, добившийся успеха тоже страдает.

И очень трудно в этом мире отыскать счастливого человека, ибо никто не исполнил условий для счастья. А первое условие таково: отбрось всякое сравнение. Отбрось всякие глупые мысли о превосходстве и неполноценности. В тебе нет ни превосходства, ни неполноценности. Ты просто тот, кто ты есть. И нет никого, кто был бы на тебя похож, с кем ты мог бы себя сравнить. И тогда ты вдруг оказываешься дома.

Ко всему прочему мы начинаем отравлять детские умы знанием. Мы начинаем обучать их тому, что они не знают. Мы учим их о Боге. Мы учим их лжи. Бог этот не будет истинным Богом — он им не ведом. А мы насильно заставляем их веровать. И верование станет их знанием.

Верование, на самом деле, не может стать познаванием; оно будет лишь претензией. Всю свою жизнь они будут думать, что якобы знают, а сами никогда не будут знать. Сама основа погружена в ложь.

Мы учим детей: у вас-де бессмертная душа. Какой чепухе мы их учим! И я не говорю, что бессмертной души не существует, я не говорю, что Бога не существует — заметьте. Я говорю, что этому нельзя учить как верованию. Это экзистенциальный опыт. Ребенку необходимо помочь в исследовании своего внутреннего мира.

Но вместо того, чтобы помочь ему в этом исследовании, мы вручаем ему уже готовое знание. И это готовое знание становится самой серьезной его проблемой. Как его отбросить?

Вот почему я так много говорил о глупости знаний. Это маскирующееся под знание невежество. Как только ты его отбросишь, в ту же секунду ты снова станешь ребенком — свежим, живым, вибрирующим, любопытным, с глазами, полными удивления. И сердце твое снова начнет биться в унисон с тайной жизни. И происходит взрыв — и вместе с ним осознание. Ты начинаешь все более и более осознавать это внутреннее сознание, которое все время в себе носил, но которое заполнилось сверх всякой меры знанием. А потому, когда бы ты ни входил, ты никогда не обнаруживаешь сознания ты все время обнаруживаешь какое-то плавающее в сознании содержание. Знание похоже на облака в небе.

Вот сейчас на небе столько облаков. Если вы посмотрите на небо, вы вообще не увидите неба, а лишь сплошную толщу облаков. Таково состояние ума человека, напичканного знаниями: мысли, священные тексты, грандиозные теории, догмы, доктрины, плывущие, как облака, и он не в состоянии разглядеть чистого неба.

Пусть исчезнут эти облака. А ведь они созданы вами же, и они здесь, потому что вы же за них и цепляетесь. Они находятся здесь, потому что вы продолжаете за них держаться. Ослабьте свою хватку, позвольте им пройти, и тогда воцарится первозданная ясность неба, абсолютная бесконечность неба. Это и есть свобода. Это и есть сознание. Это и есть истинное познание.

Один великий западный философ, один из величайших западных философов, Давид Юм... под впечатлением «Познай себя!» великих мистиков говорит: «Я тоже сделал однажды попытку познать самого себя. Закрыв глаза и вошел. Я обнаружил несколько желаний, несколько мыслей, воспоминаний, грез, фантазий, и что-то еще в этом роде. Но я так и не смог найти там больше никого. Я так и не смог найти самого себя».

Это точное описание ума практически всех, за исключением нескольких Будд. Если вы войдете, то что вы найдете? Содержание, движущиеся вокруг облака. И даже такой интеллигентный человек, как Давид Юм, не смог увидеть, в чем здесь дело: кто тот, кто смотрит на это содержание? Кто это самое осознание, которое обнаруживает несколько воспоминаний и плавающих вокруг желаний? Конечно же, этот свидетель не может быть желанием. Этот свидетель не может быть фантазией. Этот свидетель не может быть никакой мыслью. Все проплывает перед взором этого свидетеля. А ведь он искал именно свидетеля! Однако вы не можете искать свидетеля как ищут объект. Единственный способ узнать свидетеля — это отбросить всякое содержание и стать совсем пустым. Тогда нечего будет видеть, ваша способность видеть обращается к самой себе.

Это то, что Иисус называет обращением. Когда нечего больше видеть, начинаешь видеть самого себя. Когда ничто больше не мешает, сознание очищается, и в этой чистоте оно становится самосознанием.

Когда я употребляю слово «самосознание», я не имею в виду ваше самосознание. Ваше самосознание — это не самосознание, это как раз эго-сознание. Вы не знаете, кто вы — как же вы можете быть самосознающими? Ваше самосознание — это болезнь. Вы становитесь самосознающими лишь тогда, когда сталкиваетесь с людьми. Вы становитесь самосознающими, если вам предстоит произнести речь. Причем это самосознание так вам мешает, почти что парализует. Или же вы становитесь самосознающими, когда играете роль в какой-то драме.

Ваше самосознание есть не что иное, как желание эго выполнить что-то так совершенно, чтобы все это оценили. Когда же я говорю о самосознании, я имею в виду что все исчезло и не осталось никакого другого содержания, и зеркало отражает само себя.

Это похоже на маленькую свечу, горящую в комнате. Она высвечивает стены, она высвечивает мебель, она высвечивает висящие на стене картины, она высвечивает потолок. А теперь представьте себе на мгновение: исчезли стены, нет больше картин, исчез потолок — все исчезло, и одна только маленькая свеча горит. Что она теперь будет высвечивать? Она будет высвечивать только саму себя; она просто будет самосветящаяся.

Это и есть состояние бытия.

Отбросьте знания. Отбросьте сравнения. Отбросьте ложные отождествления. Этот процесс негативен от начала и до конца! Отбросьте то, отбросьте то... продолжайте отбрасывать. Продолжайте отбрасывать до тех пор, пока не останется ничего, что можно было бы отбросить... и тогда это появится здесь, Бог появится здесь.

Второй вопрос:

Любимый Ошо, когда вы говорите о восхитительных качествах ученика и глубокой близости между ним и Мастером, когда вы говорите нам о мужестве и смелости ученика, смотрящего в лицо бездне, и когда описываете преображение, которое случается с истинным учеником, который терпеливо и молча ждет., я прихожу в ожидание. Когда вы

говорите о духовном жаре, меня всего так и обдаёт холодом. Дорогой Мастер, уверены ли вы в своем выборе меня?

Да, Ятри, я абсолютно уверен — я тебя выбрал. Но ты все еще колеблешься. Ты сам еще меня не выбрал. И не то, что тебе не хочется меня выбрать — ты хочешь, и все же колеблешься.

Все эти годы ты стоял на пороге — в каком-то непрекращающемся колебании. Твое колебание стало хроническим. И ты знаешь, что не можешь пойти назад. Ты не можешь пойти назад — это невозможно — однако ты и вперед не идешь. Отсюда отчаяние.

Когда я говорю о доверии, о любви, терпении, ученике, я говорю о тебе в той же мере, в какой говорю о ком-то другом. У тебя же есть потенциал! Но ты начисто забыл о своем потенциале. Ты можешь вырасти и стать огромным деревом любви и доверия, но ты до того нерешителен, что не позволяешь семени упасть в землю и исчезнуть.

В твоей нерешительности нет ничего особенного. Колеблется каждый интеллигентный человек, это часть интеллигентности. Ум стремится все просчитать, прежде чем сделать шаг. Вот почему иногда бывает так дураки проявляют больше смелости, нежели так называемые интеллигенты. И иногда бывает, что дураки достигают быстрее, чем так называемые интеллигенты. Дураки действуют, а интеллигентный человек только созерцает, он никогда не действует. Однако от одного лишь созерцания чего-то ничто никогда не случается. И если созерцание становится вашей хронической привычкой, тогда вы попадаете в его ловушку. Тогда одно ведет к другому и вы продолжаете двигаться по кругу. А это замкнутый круг.

Ятри, ты интеллигентный человек. В этом твоя проблема. Она может стать и твоей великой радостью. Если ты совершишь прыжок, интеллигентному человеку трудно совершить прыжок, но если он его совершает, тогда, естественно, его цветение куда пышнее цветения неинтеллигентного. Опыт его многомерен. И дело не только в том, что его опыт — это его великое празднование, он также в способе делиться им с другими. Он способен передать его другим. А неинтеллигентный человек может достичь, но ему не дано этим поделиться, он сумеет познать, но не сумеет показать.

Поэтому с интеллигентным возникает проблема — проблема действия, потому что интеллигентный все колеблется и колеблется, и не выходит из состояния паралича: быть или не быть, делать или не делать? И беспрестанно взвешивает все «за» и «против», и нет этому конца. В этом его проблема. Но если он совершает прыжок, то прыжок его несказанно прекрасен. Он познает, а также сможет это выразить. Он также сможет это передать. А когда вы передаете, когда вы делитесь, когда вы начинаете переливаться через край, в этом есть свое особое блаженство.

Ты спрашиваешь, Ятри:

Дорогой Мастер, уверены ли вы в своем выборе меня?

Я уже тебя выбрал, иначе тебя бы здесь не было. Но даже несмотря на то, что я тебя выбрал, ты здесь лишь наполовину. А если бы ты был предоставлен самому себе, тебя бы здесь вообще не было. Ты здесь не из-за себя — это вне всякого сомнения. Ты здесь из-за меня. И ты здесь находишься невольно, как будто в любую секунду готовый сбегать, как будто в любую секунду готовый найти предлог для побега.

А это растрата благоприятной возможности. Это растрата чего-то чрезвычайно ценного. Потраченное впустую время больше к тебе не вернется. Наберись смелости! И я говорю тебе: тебе нечего терять. Наберись смелости — ты можешь все обрести, а терять тебе нечего.

Но даже тогда люди так сильно боятся. Даже тогда они продолжают думать, стоит ли им идти на риск. И при этом они никогда не думают, что им нечего терять — так что к чему столько страха? Какой еще риск? Риск есть тогда, когда вам есть что терять. Риск есть в

нерешительности, который все еще остается, ибо сегодня я здесь... а завтра меня здесь может не быть. Кто знает насчет завтра? А ведь, когда я уйду, вы будете жалеть. Но тогда это уже будет ни к чему, тогда будет слишком поздно.

Я тебя выбрал. И я тебя выбрал, потому что знаю твой потенциал.

Недавно вечером я давал саньясу одной красивой женщине, Аводхе. Она говорила, что пришла сюда не затем, чтобы принять саньясу, она о ней даже не думала. Это как гром среди ясного неба. Я сказал ей, что выбрал ее. Это был не ее выбор. Ее словно течением сюда занесло. Приход ее был случаен. Она пришла, не ведая, что произойдет — из любопытства, интеллектуального интереса. Она врач, и, должно быть, ей было любопытно, что же здесь происходит. И она пришла посмотреть. Она пришла, чтобы быть зрителем, наблюдателем. Она пришла не затем, чтобы ввергаться, вовлечься. И тем не менее, это случилось.

Я ее выбрал, у нее есть большой потенциал. У нее есть большая возможность открыться и расцвести. Я ее выбрал; я сделал свое дело. И теперь она может стать Ятри — она ведь тоже очень интеллигентна. Она может начать колебаться. И это будет напрасной тратой времени. Но она может совершить прыжок, и я надеюсь, что она его совершит. Я на собственном опыте убедился, что женщины смелее мужчин, ибо они знают, как любить. Они знают, как жертвовать всем ради любви. Их любви присуща особая цельность. Любовь мужчины остается частью его жизни. Да, важной частью, но только частью, одной из многих. Но что касается женщины, то в этом вся ее жизнь, все ее сердце, все ее существо.

И это не случайно, что женщин, ставших просветленными благодаря Будде, было намного больше, чем мужчин. Женщин, ставших просветленными благодаря Махавире, было намного больше, чем мужчин. На протяжении веков женщин, становившихся просветленными, было намного больше, чем мужчин. Но вы будете удивлены: их имена неизвестны. Кажется, что все великие Мастера — мужчины. Очень редко, в единичных случаях, изредка вы найдете одну Рабию, одну Миру, одну Лаллу — но очень редко. Почему так произошло?

Способность женщины состоит в восприимчивости. Из всех когда-либо существовавших учеников высочайшими были женщины. Это для них естественно — воспринимать. Они — чрева, восприимчивые чрева. Они могут впитывать. Они могут испить Мастера настолько полно, насколько это только возможно. Женщины — это каннибалы! Они могут есть Мастера, они могут его усваивать. Они становятся великими учениками. Однако им трудно быть Мастерами, ведь для того, чтобы быть Мастером, вы должны делать прямо противоположное: вы должны начать давать. А это легче для мужчины. Мужчине очень трудно дается восприятие. Отдавать не трудно — это происходит легче. Такова его биологическая психологическая конституция.

А потому позвольте мне сказать вам вот что: на протяжении веков намного больше становилось просветленных женщин, чем мужчин, и, несмотря на это, Мастерами становилось больше мужчин, чем женщин. Это природная способность.

Поэтому у меня нет такого чувства, что Аводха будет упускать, как Ятри. Ятри тоже нельзя больше упускать — достаточно! Соверши прыжок. Ты можешь совершить прыжок! Его может совершить каждый. Бог — это право, данное от рождения каждому.

Третий вопрос:

Почему вы в такой степени против ритуалов и правил?

Потому что это не религия и не может ею быть. Я против ритуалов, но это не значит, что религиозный человек не может входить в ритуал. Однако когда религиозный человек входит в ритуал, то это вообще не ритуал. Ведь в нем его сердце, и слова его тогда имеют крылья.

Поэтому помните: я против ритуала, когда в нем нет сердца. Тогда это ритуал! А вот когда

есть сердце... вы только вспомните тех трех мистиков, тех трех русских мистиков, молящихся Богу: «Трое нас, трое вас — помилуй нас!» Ведь это тоже ритуал, простой ритуал, который они сами придумали; ведь это тоже молитва — но в ней было их сердце.

А вот знаменитая история о Моисее.

Он шел через лес. И увидел молящегося человека. Но тот молящийся человек говорил такую несуразицу, что он не мог дальше идти. Он должен был остановить того человека, объяснить ему что тот говорит что-то нечестивое, святотатственное. Он говорил Богу «Бог, ты должен иногда чувствовать себя очень одиноким — а я могу прийти и быть всегда с тобой, как тень. Ты можешь на меня положиться! Тебе не надо быть одному. Зачем же страдать от одиночества, когда я здесь? От меня ведь тоже есть какой-то толк — я могу принести большую пользу я могу быть в своем распоряжении. Я могу тебя искупать. Могу и массаж сделать. Я ведь пастух! И я вытащу всех вшей из твоих волос и твоего тела...»

Вшей? Моисей не может поверить своим ушам: «О чем это он говорит?»

«И я приготовлю для тебя еду. И знаешь, что это будет? — все любят, что я готовлю. Это очень вкусно. И я приготовлю тебе постель и выстираю твою одежду. Я ведь могу делать тысячу и одну вещь. А когда ты заболеешь, я буду о тебе заботиться. Буду тебе матерью, женой, слугой, рабом — я могу быть кем угодно. Ты только дай мне намек — и я приду».

Моисей остановил его и сказал: «Слушай! Что это за молитва? Чем ты занимаешься? С кем ты разговариваешь? Вши в волосах Бога? Ему нужно искупаться? И ты говоришь: «Я потру мочалкой твое тело и сделаю его абсолютно чистым»? Прекрати нести эту чушь. Это не молитва: ты же оскорбишь Бога!»

Взглянув на Моисея, человек тот упал к его ногам. «Прости, — сказал он. — Я неуч, невежа. Я не знаю, как молиться. Пожалуйста, научи меня ты!»

И Моисей научил его, как правильно молиться, и был вполне счастлив, ибо наставил человека на путь истинный. И счастливый, удовлетворенный в своем эго, Моисей ушел.

Но когда он остался в лесу один, с небес раздался громоподобный глас: «Моисей, я послал тебя в мир затем, чтобы ты привел ко мне людей, чтобы люди были со мной, а не затем, чтобы ты отбирал от меня любящих меня. Но ты делал именно это. Тот человек — один из самых близких мне. Вернись! Попроси прощения. Возьми обратно свою молитву. Ты уничтожил всю красоту его диалога, а он искренний. Он любящий. Его любовь истинна. Что бы он ни говорил, он говорил из своего сердца. Это был не ритуал. То же, что ты ему сейчас дал — это лишь ритуал. Он станет это повторять, но это будет только на губах; это не будет исходить из его существа».

Я не против молитвы, я против ритуальной молитвы — потому что это не молитва — вот почему я против нее. Не заучивайте пустых жестов. Пусть ваши жесты будут живыми, спонтанными. Иначе в глубине души вы будете знать, что это ритуал, в глубине души вы будете знать, что это всего-навсего исполняемая вами формальность. И если у вас такое внутреннее чувство, то как сможете вы во все это входить?

Во время расового мятежа в Детройте полиция остановила черного человека, ведущего автомобиль, с радиоантенны которого свисала белая наволочка.

«Это еще для чего?» — спросил полицейский.

«Это белая наволочка, показывающая, что я нейтральный!» — объяснил водитель

Полицейский быстро его обыскал и обнаружил в его кармане пистолет.

«Нейтральный, говоришь? — сказал фараон. — А зачем тогда это оружие?»

«На тот случай, если кто-то этому не поверит», — ответил водитель.

Но ваши ритуалы таковы. В глубине души вы знаете, что это ритуалы. Вы же сами в них не верите. Им вас обучили. Вы подогнаны под них. И вы продолжаете механически их повторять,

как роботы. Если же вы их не повторяете, то у вас возникает такое чувство, что чего-то не хватает, но если вы их повторяете, то ничего не приобретаете. За ними не стоит никакого понимания.

«Нет, — заявила Клара Белл. — Я не отношусь к девицам такого пошиба. К тому же трава мокрая, мама сказала, что мне не следует этого делать, и двадцати пяти центов недостаточно».

То, что вам сказано другими, никогда не станет вашей истинной жизнью. Оно так и останется наносным. Но это еще не все: для вашей истинной жизни оно останется абсолютно неприемлемым. И все заученные вами ритуалы заучены вами с подачи других, которые сами заучили их с подачи кого-то еще. Они сами не знают, что делают. Они сами не знают, чему вас учат.

Поэтому на поверхности вы учитесь одному, а глубоко внутри вы учитесь другому. Глубоко внутри вы учитесь ложному. Глубоко внутри вы учитесь лицемерию.

Бабушка наблюдала, как ее внук ест суп не той ложкой, берет столовые приборы не так, как надо, ест в основном руками, наливает чай в блюдце и дует на него.

«Тебя твои мама и папа хоть чему-нибудь научили за обеденным столом?»

«Да, — ответил мальчик — Никогда не женись».

Люди учатся на двух уровнях: один уровень — то, чему они учатся, другой уровень — то, что они есть. Маленькие дети очень чувствительны; они всегда замечают любую ложь. Вам не удастся обмануть маленького ребенка; он очень интуитивен. Он знает. И даже если он позволяет вам себя обманывать, он знает, что вы обманываете и знает, что обманывается сам и что он позволяет это, но он лишь играет в игру. Он ею наслаждается! Вы думаете, что это вы его обманываете, а он думает, что он сам обманывает вас.

Я против ритуалов, потому что они убили в этом мире дух религии. Но я не говорю «не молитесь» — просто позвольте молитве возникнуть. Пусть она будет вашей собственной. Пусть она будет проистекать из вашего чувства. Не повторяйте ее, как попугай.

Я не против правил, но правила должны возникать из вашего понимания. Они не должны навязываться вам извне. Я не против дисциплины! Но дисциплина не должна быть рабской. Любая истинная дисциплина — это самодисциплина. А самодисциплина никогда не идет вразрез со свободой — это на самом деле лестница к свободе. Только дисциплинированные люди становятся свободными, но их дисциплина — это не обязанность по отношению к другим: их дисциплина — это обязанность по отношению к своему собственному внутреннему голосу. И они готовы ради него все поставить на карту.

Пусть ваше собственное осознание определяет ваш стиль жизни, вашу структуру жизни. Не позволяйте определять ее никому другому. Это грех — позволять кому-то другому ее определять. Почему это грех? — потому что вас никогда в ней не будет. Вы так и останетесь поверхностными, это будет лицемерием.

Четвертый вопрос:

Любимый Ошо, в отличие от Яшодхары, Шила сообщила мне, что она не сойдет с ума, если я ее покину и не скажу ей — когда бы я ее ни покинул.

Чинмайя, Яшодхара не была моей саньясинкой. А Шила саньясинка. Так что учти: не покидай ее, надеясь, что она станет скорбеть или сойдет с ума. Если ты ее покинешь, то это будет праздником. Светлым праздником! Великим праздником! Так что нет смысла ее покидать.

Пятый вопрос:

Существует ли какая-то связь между пониманием и энергией?

Сантош, да, существует большая связь. На самом деле, и связью-то назвать ее будет неверно — потому что энергия — это и есть понимание. Это не две сущности.

Какой энергией является понимание? Энергия становится пониманием, когда она не занята. Когда энергия занята, она остается невежеством, она остается бессознательностью.

Например, ваша сексуальная энергия занята женщиной или мужчиной. И она останется невежеством — потому что энергия сосредоточена на объекте, она устремляется вовне, она экстравертна. Если энергия свободна от объекта, куда ей устремляться? Она начнет впадать в субъект, в ваш внутренний источник. А энергия, впадающая обратно в источник, становится пониманием, становится осознанием.

Я не отговариваю от секса. Нет. Но пусть секс будет больше субъективным, чем объективным явлением. Таково различие между сексом и любовью. Любовь субъективна, а секс объективен.

Вы начинаете интересоваться женщиной или мужчиной как объектом. И рано или поздно этому интересу придет конец, ведь стоит только вам поэксплуатировать объект, как ничего больше не останется. И вы уже готовы перейти к кому-то еще. Да, женщина кажется красивой, но как долго может она казаться красивой?

Объект есть объект. Она для вас еще не личность. Она лишь красивый объект. А это унижительно. Вы низводите душу до объекта, субъект до объекта. Вы пытаетесь эксплуатировать, вы превращаете ее в средство. Ваша энергия останется невежественной. И вы будете переходить от одной женщины к другой, а ваша энергия так и останется в круге. Она никогда не вернется домой.

Любовь же означает, что вы интересуетесь женщиной или мужчиной не как объектом. На самом деле, вы здесь не для того, чтобы ее эксплуатировать. На самом деле, вы здесь не для того, чтобы что-то от нее получить. Напротив: вы так полны энергией, что вам хотелось бы отдать ей свою энергию. Любовь отдает. А секс стремится только получать.

Когда любовь отдает, она остается субъективной, она остается укорененной в самом человеке. Любящие помогают друг другу все больше и больше становиться самими собой. Любящие помогают друг другу не пропадать, а становиться подлинными индивидуальностями. Любящие помогают друг другу быть центрированными. Любовь есть уважение, благоговение, преклонение. Это не эксплуатация. Любовь есть понимание. Ведь энергия, не занятая объектом, остается свободной и ни к чему не привязанной. А это приносит трансформацию. Она накапливается внутри вас.

И помните: точно так же, как она случается в мире физики, она случается и в мире метафизики. После определенного количества энергии... происходит качественное изменение. Качественное изменение есть не что иное, как количественное изменение.

Например, если вы нагреете воду до ста градусов, она начнет испаряться. Вплоть до девяноста девяти градусов она не испарялась; она все еще оставалась водой — горячей, но все-таки водой. Но после ста градусов она испаряется — это больше уже не вода. Она изменила свою форму. Произошла трансформация.

Это именно так и происходит: когда ваша энергия накапливается и вы не растрачиваете ее на объекты... А люди действительно растрачивают ее на объекты. Кого-то интересуют деньги — и он вкладывает всю свою энергию в деньги. Разумеется, он накапливает много денег, однако в этом накоплении сам он умирает, рассеивается, опустошается, становится нищим. Деньги копятся и копятся, а он становится все более и более нищим. Кто-то вкладывает свою энергию в политику во власть. Становится премьер-министром, но глубоко внутри он нищий. Быть может, самый нищий в стране...

Если вы вкладываете свою энергию в объекты, вы будете жить жизнью непонимания, неосознавания. Не вкладывайте свою энергию в объекты. Пусть энергия впадает в ваше бытие. Пусть она накапливается. Пусть ваша жизнь станет большим резервуаром. Пусть ваша энергия пребывает здесь без всякой занятости. И в определенной точке... прыжок, квантовый скачок, трансформация. И энергия начинает светиться, превращается в осознание, становится пониманием.

Ты спрашиваешь, Сантош: Существует ли какая-то связь между пониманием и энергией?

Да, существует. Именно энергия становится пониманием. Поэтому когда вы истощаете запасы энергии, вы начинаете терять свое понимание. Когда вы устаете, ваша способность понимания уменьшается. Вы сами с этим сталкивались. Утром ваша способность понимания более свежая, чем вечером. Утром вы более понимающие, более сострадательные, более любящие, чем вечером.

Вам доводилось наблюдать? — нищие приходят просить милостыню утром. Они понимают психологию. Кто подаст им вечером? Люди к этому времени так раздражены, так недовольны жизнью. А утром после долгого ночного отдыха и глубокого сна энергия свежа — она накапливалась восемь часов. И у них больше понимания, больше сострадания, больше любви, больше сочувствия. И становится возможным уговорить их что-нибудь подать. У них что-то есть, и они могут подать. Но к вечеру у них уже ничего не остается; они утратили все, что у них было. Они смертельно устали.

Дети лучше понимают — доводилось вам это наблюдать или нет? — чем старики. Старики становятся очень и очень твердыми, жесткими, хитрыми. Всю свою жизнь они имели дело с объектами. Все старики становятся Маккиавеллами. А вот юные дети невинны, доверчивы, они ближе к Будде. Почему? — они переполнены энергией.

Дети так быстро всему учатся. Почему? Есть энергия и, следовательно, есть способность понимания. Чем старше вы становитесь, тем труднее вам учиться. Говорят, что старого пса труднее обучить новым трюкам. Почему? Так не должно быть, пес ведь знает так много трюков, он может выучить и еще несколько. Ему должно легче это даваться, ведь он так многому обучен. Он так долго занимался обучением, что сможет легче обучиться чему-то еще. Но это не так.

Дети быстро учатся. Если ребенок рождается в городе, где говорят на пяти языках, он начинает изучать все пять языков, и он начинает владеть всеми пятью языками. Все они становятся его родными языками. Ребенок обладает бесконечной способностью к обучению. А причина только одна: его все еще переполняет энергия. Вскоре она рассеется в жизни.

Человек медитации становится человеком понимания, потому что его энергия накапливается. Он не растрчивает ее впустую. Его не интересуют пустяки: он вообще не вкладывает свою энергию в мелочи. Поэтому, когда приходит время отдавать, ему есть что отдать.

Энергия есть понимание. Сознавайте ее и пользуйтесь своей энергией очень сознательно, пользуйтесь своей энергией так, чтобы вы не просто растрчивали ее.

Шестой вопрос:

Что такое эго?

Это ложная сущность. Ее нет. В мире существует два больших недоразумения. Одно — эго, другое — смерть. Этих двух вещей не существует. И они не отделены, они связаны друг с другом. Это две стороны одной медали, два аспекта одной неистины.

Если у вас имеется эго, тогда вы будете бояться смерти, и тогда смерть просто обязана будет прийти — ведь вы же цепляетесь за ложное. Как долго можете вы за него цепляться? Рано

или поздно вы должны будете увидеть, что оно ложно. Вы можете продолжать избегать, вы можете продолжать все откладывать да откладывать, но не вечно.

Смерть — это смерть эго. А эго — это не самое важное. Поэтому человек, который освобождается от эго, освобождается и от смерти. И тогда уже становится некому умирать.

Эго похоже на большую волну в океане, верящую, что «я — это я, и я отделена от океана». Таково эго. Вскоре эта большая волна исчезнет в океане. И тогда она почувствует смерть. И даже когда она еще здесь и, взметнувшись высоко к небу танцует танец, перешептывается с ветром, вступает в диалог с солнцем, здесь все же будет присутствовать страх, что рано или поздно ей предстоит умереть. Потому что другие волны умирают! А ведь какую-то секунду тому назад они были живы.

Ты живешь среди людей, которые умирают, то и дело умирают, один за другим. Колокол звонит по тебе. Не посылай кого-то спрашивать, по ком звонит колокол — он звонит по тебе. Всякий раз, когда кто-то умирает, смерть его приносит в дом истину, что и тебе предстоит умереть. Но почему кто-то умер? Почему же? Потому что волна верила, что она отделена от океана. Если бы волна знала, что «я не отделена от океана», где была бы смерть? Эта волна стала бы суфием. Эта волна стала бы Буддой. Если бы эта волна знала, что «я не отделена от океана. Я и есть океан. Со хум — я здесь», тогда не было бы смерти.

Эго — это ложная сущность. Оно нужно — точно так же, как нужно твое имя. Твое имя — ложная сущность. Все рождаются без имени. Но нам приходится давать определенное имя, иначе жить в мире будет невозможно: как его называть? Как к нему обращаться? Как ему послать письмо? Как дать ему денег или занять у него денег? Как привлечь его к суду? Это будет невозможно, если все будут безымянными. Это будет полнейшим хаосом! Этот мир не сможет существовать; это будет уже какой-то совсем другой мир.

И будет очень трудно разобраться, кто твоя жена, кто твой сын и кто твой муж. Во всем будет царить хаос. Имена необходимы, ярлыки необходимы. Но они ложны. Они выгодны, но они не истинны. Когда вы даете ребенку имя, вы даете имя безымянному.

Точно так же обстоит дело с эго. Если имя нужно для того, чтобы им пользовались другие, то эго нужно для того, чтобы им пользовался ты. Тебе придется говорить «я». Тебе придется говорить: «Я хочу пить». Все дело в том, что есть жажда. Но если ты подойдешь и ни с того ни с сего объявишь в мире: «Есть жажда!», то придется очень туга кто хочет пить? Где эта жажда? И тебе придется говорить «Я хочу пить». Это «я хочу пить» просто выгодно. Ведь все, что на самом деле есть — это жажда, голод, любовь. Эти вещи истинны, а «я» нужно лишь для того, чтобы управлять своей жизнью.

Если ты это понимаешь, тогда нет проблем. Ты можешь его использовать и знать, что ты не отделен от существования. Я тоже использую слово «я», Будда использует его, Кришна использует его, Христос использует его. Его нельзя отбросить. Да и не нужно! Просто ты должен понять, в чем дело: это слово выгодно, полезно в повседневной жизни, однако не имеет экзистенциального статуса.

Не будь одурачен этим словом. Не начинай верить, что это слово — реальность. А между тем это случается. Я слышал, что Шарль де Голль был большим эгоистом, какими, впрочем, и должны быть политики.

Эта история рассказана о нем:

Однажды зимней ночью, когда он уже ушел в отставку, его жена покрылась мурашками и произнесла: «Боже мой, какой холод».

С мягкой уступчивостью де Голль ответил: «В постели, мадам, можешь называть меня и Шарлем».

Люди могут начать верить. И тогда вы наделяете это слово реальностью, которой не

существует, которой оно не обладает.

Шотландцы Мак-Грегоры все как один были рослыми, сильными деревенскими жителями. Им были известны окрестные дебри, но они не очень-то разбирались в премудростях цивилизации. Но когда возникла проблема, связанная с уважением их прав на землю, глава клана, известный как Мак-Грегор, был послан в Эдинбургский университет за адвокатом.

По сравнению с этим представителем клана городской законник выглядел бледно, однако он имел хороший опыт, что им и было нужно, и поэтому был щедро задобрен и приглашен на пышный обед Мак-Грегоров. Когда законовед вошел в огромный обеденный зал, ему указали на конец стола, сплошь заставленного яствами.

Однако юрист, отнюдь не жаждавший занять место хозяина во главе стола, сказал: «О сэр, я не осмелюсь сесть на стул самого Мак-Грегора».

«Нет, осмелитесь, — уверенно сказал Мак-Грегор, — потому что он сам попросил вас это сделать».

Оглянувшись на высоченных сыновей, стоявших поблизости, юрист попятился еще дальше со словами: «Только Мак-Грегору подобает сидеть во главе стола».

Мак-Грегор от души расхохотался и, хлопнув адвоката по спине, сказал: «Сиди где тебе говорят, глупый маленький человечек, потому что, где бы ни сидел Мак-Грегор, глава стола будет там».

Эго — это всего-навсего вера в свою особость, вера в самого себя — и вера эта от начала до конца ложная и совершенно не основанная на истине.

Меня нет. Тебя нет. Есть один только Бог. Пойми это, и тогда пользуйся на здоровье этим словом. Но тогда это будет всего лишь слово. Слово, не обозначающее никакой реальности. Есть только единое. Многое — это видимость. Многое ложно. Ложность заключается во множестве и множественности. Истина же заключается в едином.

Любимый Ошо, я не в состоянии смотреть в ваши глаза. Как только я вас вижу, мои глаза тут же закрываются. Не знаю, что это: малодушие и страх или естественное явление. Пожалуйста, объясните мне, что происходит.

Аруп, значит, это произошло! Это не что иное, как самая настоящая любовь. Не создавай из этого проблему. Не думай об этом — допусти это. Чем больше ты меня любишь, тем чаще это будет происходить, потому что любовь способна знать даже с закрытыми глазами, любовь способна видеть даже с закрытыми глазами.

Без любви даже открытые глаза не открыты. А с любовью открыты даже закрытые глаза. Потому что, когда закрываются внешние глаза, открываются глаза внутренние.

И как долго собираешься ты смотреть на меня открытыми глазами? Рано или поздно тебе придется раствориться во внутреннем.

Ты удачлив, Аруп, это блаженство. Не создавай из него проблему.

А ум таков, что беспрестанно создает проблемы даже из блаженства. И если ты создаешь из него проблему, то отыщется множество советчиков. Кто-то скажет: «Это малодушие». Кто-то скажет: «Это страх». А кто-то скажет что-нибудь еще — и тайна этого будет потеряна. А это не что иное, как любовь.

И это происходит всегда: когда вы любите, даже глаза становятся помехой. Даже взгляд открытых глаз заставляет вас почувствовать дистанцию. А когда глаза закрыты, исчезает всякая дистанция. И тогда между тобой и мной не остается пространства.

И это будет все чаще и чаще происходить с женщинами. Даже в состоянии обычной любви, находясь в объятиях мужчины, женщина закрывает глаза. Женщины не любители подглядывать эротические сцены. Чего не скажешь про мужчин. Когда мужчина занимается с женщиной любовью, ему хочется посмотреть, что происходит — только тогда он сможет поверить. Взгляд

— это вера! Если ему не удастся увидеть, он не может поверить. Он хочет, чтобы свет оставался включенным. Но это еще не все: есть такие дураки, которые в своих спальнях держат автоматическую камеру для того, чтобы потом можно было увидеть: «Неужели это и впрямь произошло?»

Но женщины почти всегда закрывают глаза, потому что закрыть глаза означает выйти за пределы пространства и за пределы времени. И вдруг исчезает внешнее и остается один лишь внутренний мир.

Восьмой вопрос:

Все мои проблески и озарения происходят, когда я сижу в туалете. Не делает ли это меня дерьмовым учеником?

Кришна, ты такой и есть! Но не волнуйся — это случилось и до тебя с некоторыми в высшей степени великими людьми. У Мартина Бубера первое сатори произошло в туалете. Ты в хорошей компании.

И последний вопрос:

Я очень расстраиваюсь каждый раз, когда вы говорите, что бизнесмен не может быть религиозным, ведь я же бизнесмен. Неужели у меня нет никакого шанса?

Быть бизнесменом — это одно, а быть в бизнесе — это совсем другое. Ты можешь быть в бизнесе и быть религиозным, но ты не можешь быть бизнесменом и религиозным. Это полярные противоположности. Это не синонимы. Я не говорю, что ты должен отречься от всякого бизнеса, чтобы быть религиозным. Я никогда не бываю сторонником какого бы то ни было отречения. Но когда я говорю, что бизнесмен не может быть религиозным, то имею в виду что-то совсем другое. Я имею в виду психологию — не работу которую ты выполняешь в миру, а психологию, ум.

Ум бизнесмена всегда торгуется, всегда жаден, всегда думает о выгоде, всегда в будущем, всегда интересуется ерундой, мирскими объектами. Когда я говорю: «Не будь бизнесменом», я имею в виде: «Отбрось эту психологию».

Ты можешь бросить мир и отправиться в гималайские пещеры — однако это не поможет, потому что мне доводилось видеть великих махатм, отрекшихся от бизнеса, но, несмотря на это, остававшихся бизнесменами. У них та же самая психология. Может, теперь они и не думают в терминах монет этого мира, но они думают в терминах монет мира иного. Может, они и не думают в терминах приобретения большего дома здесь, но они думают в терминах приобретения большего дома в раю. Может, они и не интересуются больше вещами этого мира, но какая разница? Они все еще интересуются вещами, их мотивация — это все-таки мотивация жадности.

Не будь жадным. Будь щедрым. Не копи — делись. Это и есть настоящее отречение. И тогда живи, где живешь и делай, что делаешь. И не живи для будущего — живи в этом мгновении, для этого мгновения. И тогда ты не будешь бизнесменом. Но ты можешь быть в бизнесе.

Не расстраивайся. В самом деле, со мной никому не надо расстраиваться. Все, о чем я тебя прошу — это совсем не менять внешнее, а менять внутренние отношения, подходы, взгляды.

Ринкель все утро напролет пытался встретиться с Саперстейном и Шапиро, главным бухгалтером. Но, когда он спрашивал Саперстейна, секретарша говорила ему, что тот вышел. А когда он спрашивал Шапиро, секретарша говорила ему, что тот очень занят.

Он возвращался пять раз, пока, наконец, ему все это не надоело. «Что это за бизнес? — раздраженно буркнул он секретарше. — Один партнер все утро отсутствует, а другой по

несколько часов загружен делами. Что здесь происходит?»

«Простите, мистер Ринкель, — извинилась секретарша. — Но, видите ли, когда мистер Саперстейн уходит, он загружает делами мистера Шапиро».

Таков ум бизнесмена.

Или помедитируйте над этим:

Бэнни много лет работал портным. И пришло время, когда ему захотелось уйти на пенсию, однако сбережения его были скудными.

«Мириам, — пожаловался он своей жене, — я устал. Мне хочется уйти на пенсию, но я не представляю, как мы будем жить на такие деньги».

«Не волнуйся, — сказала Мириам, — у меня есть много денег». И она протянула ему сберегательную книжку в которой значились регулярные вклады с выросшими процентами за целых сорок лет их совместной жизни.

«Откуда это?» — удивленно воскликнул Бэнни.

«Успокойся, — мягко ответила Мириам, — всякий раз на протяжении последних сорока лет, когда мы занимались любовью, я откладывала по пять долларов».

Бэнни сжал в объятиях свою жену и возбужденно выкрикнул: «О Мириам! Ради Бога, ты должна была мне об этом сказать. Если бы я только знал, я бы порекомендовал тебе весь свой бизнес».

Таков ум бизнесмена.

Будь в бизнесе — это не проблема — но не будь бизнесменом. Думай о более важных вещах. Думай о более высоких вещах. Думай о красоте, любви, истине, Боге. Думай о медитации, сатори. Все это случается лишь тогда, когда ты не жаден. Все это случается лишь тогда, когда ты в этом мгновении, целиком в этом мгновении. Все это случается лишь тогда, когда ты расслаблен и ненапряжен.

Это и есть то, что я имею в виду, когда говорю «не будь бизнесменом».

И самый-самый последний вопрос:

Любимый Мастер, спасибо вам.

Гиян Бхакти, это молитва. Это начало настоящей саньясы. Это внутренняя инициация. Когда ты перестаешь думать, ты начинаешь благодарить. А если ты можешь благодарить, то все становится возможным — даже невозможное становится возможным. Если ты можешь благодарить, тогда открываются двери. Они открыты только тем, кто живет в благодарности.

Бог дает свои ключи только тем, кто благодарен. И ключи Бога остаются недоступными для тех, кто жалуется. А всякое мышление — это вид жалобы.

Благодарение — это самый прекрасный цветок, вырастающий в душе.

И, Гиян Бхакти, я наблюдал за тобой... медленно-медленно раскрывается почка. Она становится цветком. Скоро у тебя появятся крылья. Скоро твоя жизнь станет благоуханием. Скоро в тебе расцветет не один цветок, а миллионы цветов.

Когда расцвел один цветок, знай, что наступила весна.

9. Сам себе незнакомец

Рассказывают, что суфийский Мастер Ибрагим бен Адам, сидел однажды на опушке леса, когда с ним поравнялись два странствующие дервиша. Он поприветствовал их, и они разговаривали до темна о духовном.

С приходом вечера Ибрагим пригласил их в гости разделить с ним трапезу. Они сразу приняли это приглашение, и перед их глазами предстал стол, заставленный изысканными яствами.

«Как долго ты был дервишем?» — спросил один из них Ибрагима. «Два года», — ответил он.

«А я следую Суфийскому Пути без малого тридцать лет, и мне еще никогда не доводилось видеть таких способностей, которые ты здесь проявил,» — сказал тот человек.

Ибрагим ничего не ответил.

Когда же еда почти закончилась, незнакомец в земной робе вышел на просеку. Он сел и поделился остатками еды.

И все поняли своим внутренним чувством, что это был Кхидр, бессмертный Проводник всех суфиев. И они стали его ждать, чтобы он поделился с ними своей мудростью.

Когда же Кхидр встал, чтобы уйти, он просто сказал: «Вы, два дервиша, дивились, глядя на Ибрагима. Но от чего вы сами отреклись, чтобы следовать по Пути дервиша?

Вы отказались от надежности и обычной жизни. А Ибрагим бен Адам был могущественным царем и оставил султанское владычество в Балкхе, чтобы стать суфием. Вот почему он значительно вас опередил. К тому же за свои тридцать лет вы получали награды от самого отречения. Это была ваша плата. А он всегда воздерживался от притязаний на какую бы то ни было награду за свою жертву». И в следующее мгновение Кхидр ушел.

Религия — это радикальное изменение видения, а не просто смена взглядов. Это не просто смена идеологии — это изменение самого бытия. Отсюда ее радикальность — радикальность имеет дело с корнями.

Религия — это не что-то наподобие обновления это разрыв с прошлым, это квантовый скачок. Поэтому она является революцией. Это вообще не эволюция. Вы не можете расти из нерелигиозности в религиозность, не можете вырасти. Это вообще не рост.

Рост включает в себе еще сохранившееся старое — и дело не только в том, что оно не ушло: оно улучшилось И на этот раз стало более изощренным, более ценным.

Религия — это обновление. Это смерть! И возрождение.

Ибрагим был великим царем. Религия пришла к нему как смерть и возрождение. Однажды ночью он ворочался с боку на бок в своей постели — как и подобает богатым людям, царям. Сон никак не шел. Сон — это исключительное право бедняков, привилегия бедняков. Только бедняки могут себе позволить спать. Им не о чем беспокоиться — вот в чем дело.

А Ибрагим был великим царем. И его неотступно подстерегало тысяча и одна беспокойство. Он страдал от бессонницы годами. Врачи ничем не могли ему помочь. И вдруг он услышал, как кто-то ходит по крыше дворца. Естественно, он испугался. Цари ведь очень пугливые люди. Когда у вас кое-что есть, вы по неволе будете бояться — бояться это потерять. Те же, кто ничего не имеют, могут быть бесстрашными, но как могут быть бесстрашными те, кто имеют? И он испугался, уж не враг ли это, не шпион ли? Он громко закричал «Кто здесь?»

А этот человек рассмеялся, и смех его напомнил смех сумасшедшего или Будды. Ибо лишь два типа людей способны на такой смех — смех выходящий из самого живота, смех, в котором нет никакой политики, смех, которым нельзя манипулировать, смех, которым нельзя управлять с помощью ума. Смех, что исходит из глубочайшего ядра существа.

Так способен смеяться или ребенок, или сумасшедший, или Будда. Ибрагим задрожал еще больше. «Кто здесь? — проговорил он — И почему ты смеешься? Отвечай на вопрос: кто ты и что ты здесь делаешь?»

А незнакомец ответил: «Не беспокойся. Я потерял своего верблюда и теперь ищу его».

Но ведь верблюды не теряются на крышах дворцов. Откуда им там взяться? «Этот человек, должно быть, сумасшедший, совсем сумасшедший». Ибрагим позвал стражу и приказал ей схватить того человека, но им не удалось его поймать. Они старались изо всех сил, но так и не смогли нигде его обнаружить. Он просто исчез. Так же внезапно, как и появился.

Царь был не в состоянии уснуть. К его беспокойствам, которые и без того его осаждали, добавилось еще и новое: «Кто этот человек? Что ему было нужно? Почему он смеялся? И ответ его какой-то загадочный».

На следующий день, когда он сидел в своем дворце на троне, у него не выходил из головы тот странный смеющийся человек. А смеялся он так, что вам было бы не просто забыть этот смех. Он был окружен ореолом таинственности. Он глубоко проник в самое сердце Ибрагима. И тот даже несколько раз почувствовал зависть — он не был способен на тот смех, тот безудержный, спонтанный смех. А может этот человек шутил?

И вот до ушей его долетел тот же самый голос у ворот. Какой-то человек пререкался со стражей, охранявшей ворота, и голос был именно тот. И этот человек говорил тоном, не терпящим возражений: «Я хочу остановиться в этом доме — это же караван-сарай!» Стража пыталась его убедить: «Это не караван-сарай — это дворец царя, его личная резиденция!»

Но человек настаивал на своем, причем так громко, что даже царю было слышно, что происходит. Тот человек говорил: «Это действительно караван-сарай. Не пытайтесь меня одурачить!»

Царь приказал страже: «Приведите сюда этого человека. Может быть, он и есть тот, кто искал своего верблюда на крыше этой ночью. А теперь он называет мой дворец, мою личную резиденцию, караван-сарай — домом, свободным для постояльцев. Приведите же его сюда».

И того человека привели. Но аура авторитета присутствовала не только в его голосе, не только в его смехе, напоминающем смех сумасшедшего или Будды — само присутствие его было наполнено светом, сиянием. Глаза его горели чем-то неведомым. То был незаурядный человек. Он вошел так, что заставил Ибрагима почувствовать: «Он больше похож на императора, чем я — какая же у него грация, какое изящество». А ведь это был нищий! Его одежда была сплошь в лохмотьях, но за этими лохмотьями находилось светящееся существо. Что-то божественное! Что-то очень редкое, что случается только иногда. Король почувствовал благоговейный трепет.

Заикаясь, он спросил «Зачем? Что ты говоришь моей страже? И как ты можешь говорить, что это караван-сарай? Это не так! Это мой личный дом. Ты что, сумасшедший?»

И этот человек снова рассмеялся тем же самым смехом и сказал: «Какую чушь ты несешь! Это же караван-сарай — потому что я уже приходил сюда однажды, и на этом троне, на этом же самом троне, я видел кого-то другого. И он тоже говорил, что это его личная резиденция. Где же тот человек?»

«Ты, верно сошел с ума, — ответил Ибрагим, — это же был мой отец. Теперь он мертв. А я получил в наследство его царство и его дворец».

«Но, — возразил тот человек, — я приходил сюда еще один раз, даже до этого случая, и здесь был другой человек, и он так же заявлял, что это его личный дом. Я приходил много раз, и

каждый раз находил нового человека, который так заявлял».

«То был мой дед», — отвечал Ибрагим. Однако на этот раз Ибрагим смог почувствовать истину, которую тот пытался показать.

И этот человек снова рассмеялся и сказал: «И ты все еще утверждаешь, что это твой личный дом, твоя личная резиденция? Люди все время меняются, в один день я пришел и увидел А; на другой день я пришел и увидел В; сегодня я пришел и увидел С. А завтра, говорю тебе, я приду, и тебя здесь не будет! Вот я и говорю, что это караван-сарай».

Истина была так ясна и так реальна. То был не просто вопрос идеологического, философского переубеждения Ибрагима, нет — он был обращен экзистенциально. Он упал к ногам того нищего и произнес: «Оставайся в этом караван-сараяе, а я уйду. Я отрекся от всего этого. Я понял, что это караван-сарай — что мне здесь после этого делать? В таком случае я должен искать свой собственный дом. Вот я и продолжу свой поиск, а ты можешь оставаться здесь. И я благодарен тебе».

Вот как религия пришла к Ибрагиму, он никогда не оглядывался назад. Он просто вышел из дворца, оставил позади столицу и царство. И никогда не оглядывался назад. Это было не рассчитанное, умное, хитрое отречение; то отречение было не от ума. Оно было экзистенциальным. Оно произошло не из-за того, что «до тех пор пока ты не отречешься от мира, ты не найдешь Бога.» Нет. В нем не присутствовала логика, Иб не был рассчитанный шаг. Все рассчитанные шаги хитры. А вам не удастся достичь Бога хитростью.

Расчет арифметичен, логичен, но это не любовь. А дверь к Богу не логика, но любовь. Расчет идет от ума, а ум — это преграда. Ваш ум отъединяет вас от Бога. Вы не можете соединиться с Богом благодаря ему. Вам нужно его отбросить. И отбросить его сразу, а не постепенно. Когда вы отбрасываете его постепенно, это просто говорит о том, что экзистенциально вы не убеждены.

Когда вы встречаете вдруг на дороге змею, вы же не отодвигаетесь от нее постепенно — вы просто прыгаете! Это экзистенциальный вопрос. Вы не проводите над ним философских медитаций, правильно ли будет прыгать или не правильно: «как прыгать? У кого спрашивать совета? Каким священным текстам последовать? Какие карты пригодятся?» Нет — вы просто прыгаете! Вы не единой секунды не даете уму работать. Действие приходит спонтанно и целиком. А когда действие целостно, оно революционно. Когда действие спонтанно, оно религиозно — и тогда это революция, тогда это радикальное изменение видения.

Когда ваш дом объят огнем, вы просто из него выбегаете. Вы не рассуждаете обо всяких «за» и «против». Вы не предпринимаете рассчитанных шагов. Вы забываете о всяких формальностях, о всяком этикете. Вы могли принимать ванну, вы могли быть голыми, но, если дом объят огнем, вы просто выбегаете из дома голыми. Вы начисто забываете, что это не правильно. У вас же нет времени.

Ум нуждается во времени. А спонтанность — это безвременность Религия — это вневременная трансформация.

Это первое, что нужно понять религия — это не смена взглядов, но изменение в способности проникновения. Это видение мира совершенно по-новому, абсолютно по-новому. Это возрождение. Это не смена вашей философии; ваши глупые философии не имеют смысла. Религия вообще не философична. Религия абсолютно не философична. Она не думает об истине: она ей живет.

Философия — это упражнение в бесполезности. Жан-Поль Сартр сказал: «Человек — это бесполезная страсть». Я с ним не согласен. Это не человек, а философия — бесполезная страсть. Философия есть бесполезная страсть.

Я слышал

Зайдя в дом своего знаменитого друга философа, человек заметил красивую раму от картины на стене. Однако в ней не было картины — то была лишь рама. И он спросил своего друга философа: «В чем смысл этого пустого холста в обрамлении?»

Философ сказал: «О, это совершенно особая картина, изображающая египтян, преследующих израильтян, переходящих через Красное море».

Почесав затылок, тот сказал в ответ: «Но я в самом деле не понимаю, где на этой картине Красное море».

«А воды уже расступились, дабы позволить израильтянам перейти,» — ответил друг.

«Правда? Ну ладно, а где тогда сами израильтяне?»

«Они уже перешли на другую сторону моря».

«А, понятно. Ну ладно, а где же тогда египтяне, которые преследуют израильтян?»

«А! — воскликнул друг. — Так ведь они еще не появились!»

Философия — это всего-навсего пустой холст. Вы можете вообразить на нем тысячу и одну вещь, но на самом деле там нет ничего. Вы можете вообразить богов, ад, рай; вы можете вообразить тысячу и одну вещь. Однако все это воображение. Это дневной сон. И вы можете также привести причины, аргументы, доказательства того, что вы говорите. Вы можете даже заставить своими аргументами замолчать людей. И тем не менее философия остается упражнением в бесполезности.

Религия же экзистенциальна. Она не философична. Она не думает о Боге она переживает Бога. Она не имеет ничего общего со всякими «о». Ее подход прямой. Она не ходит вокруг да около. Она просто бьет прямо в цель. Она движется прямо, как стрела.

Иисус говорит своим ученикам: моя тропа прямая и узкая. Прямая, кратчайшее расстояние между двумя точками — такой смысл слова «прямая». А философия зигзагообразна, это наидлиннейшее расстояние между двумя точками, вот что такое философия. А религия — это кратчайшее расстояние между двумя точками, прямая линия, абсолютно прямая. Она ни секунды не тратит на ненужные вопросы.

И она узка. Почему узка? Потому что по ней может пройти только один человек. Религия абсолютно личностна. Вы не можете взять с собой свою жену или детей. Вы не можете двигаться толпами. Поэтому толпы никогда не бывают религиозными. Вы можете назвать эти толпы индуистами, мусульманами, христианами, но толпы никогда не бывают религиозными. Сама психология толпы — это политика, она никогда не бывает религиозной. Религиозны только личности.

Будда религиозен, а буддисты — нет. Кришна религиозен, а индуисты — нет. Христос религиозен, а христиане — нет. Тогда кто такие христиане? Они создали политику под названием «религия». Ум толпы всегда создает политику. Он амбициозен, подражателен, зауряден.

Религиозный человек движется в одиночку. Он не овца: он лев. Он движется в одиночку. Поэтому тропа пряма и узка. Ты не можешь взять с собой своего друга. Чем глубже тыходишь в свое существо, тем более одиноким ты становишься. А когда ты достигнешь глубочайшего ядра своего существа, ты будешь там одиноким. Абсолютно одиноким. Там не будет даже отделенного от тебя Бога — ты сам будешь Богом... Ахам Брахмасми, Ана'р Хаг. И там у самого основания твоего существа возникает чувства я Бог, я истина, я реален.

С Богом никогда не сталкиваешься как с объектом. Ты обнаруживаешь его как центр своей субъективности. Тропа в самом деле узка.

Кабир сказал: Прем гали ати санкаои, тамаи до па самайа — очень узка тропа любви, ей не вместить двоих. Любящие становятся одним. Если есть любовь, они становятся одним. Если нет любви, их остается двое.

А тропа Бога — это любовь Тропа Бога — это не ум, не логика, не аргументация, не философия. Она интуитивна. Она идет от сердца.

Вы можете сменить свою философию, но это вас не изменит. Вы останетесь теми же. Я видел христиан, становившихся индуистами, индуистов, становившихся христианами. И я совсем не замечал ни какой перемены. Вы можете ходить в церковь или храм, или гурудвару, но как это вызовет в вас хоть какое-то изменение? Тот, кто ходит, остается все тем же. Меняется церковь, меняется структура здания, но структура ума, ходящего в церковь или храм, все та же. Вы отбиваете поклоны Кришне или Махавире — Махавире или Кришне — не имеет значения. Весь вопрос в том, кто тот, кто отбивает поклоны, какова структура его ума, строение его ума.

Вот почему я говорю, что религия — это не смена взглядов, а революция в способности проникновения.

Торговец переехал из Нью-Йорка в один из захолустных городков. Дела его шли вроде бы неплохо, однако где-то к началу апреля торговля начала явно идти на спад.

Сэм Кохен ломал себе голову, пытаясь найти причину спада бизнеса. И вдруг он понял, когда шел по улице, что у всех остальных зданий на главной улице имелись снаружи пасхальные символы, а на окнах были особые украшения, посвященные этому празднику.

Сэм не знал, как ему поступать. Ведь он же был верующим евреем — и как мог он, находясь в здравом рассудке, выражать почтение Пасхе? Он думал всю ночь напролет. На следующее утро он встал, и лицо его сияло. Он нашел выход из положения.

И уже в полдень на главной лавке Кохена тоже появилась пасхальная символика, в которой были такие слова: «Христос воскрес, а цены Кохена все те же».

Снаружи вы можете сменить тысячу и одну вещь, но цены Кохена все те же. Христос, может, и воскрес — пусть себе воскресает — но это не имеет никакого отношения к бизнесу Кохена. Цены его остаются все теми же. Понаблюдайте за своей жизнью. У вас тоже много раз менялась идеология, но разве вы сами изменились? Произошла ли с вами какая-нибудь радикальная перемена? Не меняйте формальностей! Это всего лишь претензия и обман. И помните: вы обманываете не кого-то еще — вы обманываете только самих себя

Станьте Ибрагимом, станьте такими, как Ибрагим. Внезапное просветление... и он узрел суть. А суть всегда так прозревается. Конечно, здесь необходима смелость, здесь необходимо мужество. Поэтому я и говорю, что религия не для трусов — она для смелых

Скорее всего, это был человек небывалой смелости. Он доказал, что он император. Он доказал, что он незаурядный человек. Он доказал, что обладает способностью понимания. А способность понимания всегда действует быстро. Она может моментально увидеть, что к чему. Только средние умы все думают и думают и никогда не приходят ни к какому заключению. И даже если они все-таки приходят к заключению, то это заключение остается заключением ума — оно никогда не меняет их существования. Они остаются поверхностными. Они никогда не меняют своей базисной, фундаментальной структуры. Они никогда не меняют структуры своего восприятия.

Мне довелось слышать одну очень древнюю историю.

Однажды была большая церковь. Церковь та была очень старой и уже кренилась к земле. Ее нужно было подпирать со всех сторон. Но вот полили дожди. И прихожане боялись даже войти в эту церковь, она могла рухнуть в любую секунду, такой она была древней. Стоило только подуть ветру посильнее, как она уже начинала качаться и дрожать

И все-таки они были так привязаны к ней, как люди всегда бывают привязаны к старым вещам, это ностальгия по прошлому, по золотому прошлому. Люди очень привязаны к прогнившему, мертвому старому. Поэтому они сами остаются прогнившими, мертвыми, старыми. Люди очень привязаны к прошлому. Вот почему они по сути дела и не живут, они уже

в могилах.

Однако теперь нужно было что-то делать, потому что почитатели Бога перестали приходить. Попечители собрались на совет. И собрались они, разумеется, не в самой церкви, а за ее пределами, подальше от церкви, под деревом. И с глубоким прискорбием они вынесли решение, фактически они вынесли одно за другим четыре решения. Первое решение было таким: «Мы приходим к выводу, с глубоким прискорбием, воле вашей вопреки, что эту старую церковь придется сносить. Второе решение, принято единогласно и также с глубоким прискорбием: мы должны построить новую церковь. И третье, также принято единогласно: мы построим новую церковь по точному подобию старой; на самом деле мы будем использовать для новой церкви весь тот материал, из которого состояла старая, и мы не будем использовать при строительстве новой церкви ничего нового. Все кирпичи, двери, окна и стекло от старой церкви должны быть использованы при строительстве новой. Мы сделаем ее точной копией старой. Мы построим ее на том же самом месте, на том же самом фундаменте. И четвертое решение, также принято единогласно, до тех пор, пока новая церковь не будет построена, старая не будет снесена».

Вот как живут люди — тусклой, банальной жизнью, влача вялое, безжизненное существование, и всегда боятся перемен. А религия требует смелости, потому что это революция. Это настоящая революция. Все прочие революции являются революциями только по названию, не будучи на самом деле таковыми, потому что они поверхностны. Они не затрагивают сущностных качеств человека. Они оставляют человека незатронутым; человек остается все тем же: таким же, как прежде, завистником, таким же, как прежде, собственником, таким же, как прежде, невежей, таким же, как прежде, дураком... они вообще не затрагивают человека. Они просто меняют вещи во внешнем мире, в социальной структуре.

Настоящая революция — это религия, потому что она изменяет внутренне присущую человеку субъективность, она изменяет сознание. Однако для этого необходима смелость. И нужно быть мужественным человеком, таким человеком, как Ибрагим.

Второе: религия есть отречение ото всего того, что свойственно эго. На самом деле это не отречение от мира: это отречение от мира, который создал эго. Здесь имеет место серьезное непонимание: люди думают, что религиозный человек должен отречься от мира. Но как вы можете отречься от мира? Ведь где бы вы ни были, вы будете в мире, будь то рынок или горы. Как вы можете отречься от мира? Вы же не можете из него выйти. И кто вы такие, чтобы от него отречься? Это же мир Бога. Ведь это он его создал — как вы можете от него отречься? И кто вы такие есть? Хозяин мира не вы. Вы можете отречься только от того, хозяевами чего вы являетесь.

Я слышал:

Ночь полнолуния. Два хиппи сидят под деревом, пьяные до бесчувствия. В небе стоит полная луна... Один хиппи смотрит на луну и говорит: «Мне бы хотелось купить эту милую вещицу».

Другой отвечает: «Но я не собираюсь ее продавать, так что забудь об этом раз и навсегда!»

Как вы можете отречься от мира? Он что, ваш? Вы только взгляните на глупость самой этой идеи отречения от мира. Все, от чего можно отречься — это мир, который создало ваше же эго. Вы не можете отречься от вещей, но вы можете отречься от собственности. Вы не можете отречься от мира, но вы можете отречься от идеи «я им владею». Вы можете отречься только от этого ложного эгоистического путешествия.

Религия есть отречение от ложного, которое реально вообще не существует — от эго, знаний, предрассудков, ожиданий, желаний. Да, религия есть отречение от всего этого, от всех этих ваших творений, но только не отречение от мира. Не отречение от деревьев и людей, луны и солнца. Кто вы такие, чтобы от них отречься? Вы можете отречься только от того, что вам

пригрезилось. Вы можете отречься только от иллюзорного. Вы можете отречься только от собственных иллюзий. Все это ваши иллюзии: предрассудки, теории, догмы, идеологии, мнения, желания. Все это ваши творения — и т.д. и т.д. и т.д...

Я слышал:

Отважный освободитель пяти стран, Симон Боливар, был дерзновенно смел, и народ Южной Америки его любил.

И вот во время одной кампании Боливар возымел намерение провести ночь в одном городке, что находился неподалеку. И военный помощник послал предварительное уведомление владельцу тамошней гостиницы, где содержались такие требования: «Комната с особыми условиями, едой и т.д. и т.д. и т.д.».

С приходом ночи Боливар явился в эту гостиницу, где его стали потчевать специально приготовленными яствами, после чего хозяин гостиницы показал великому освободителю лучший в гостинице номер, и Боливару это понравилось.

Затем наш венесуэлец был препровожден в следующую комнату, в которой сидели три обнаженные девушки. Боливар обернулся к хозяину и спросил, кто эти девушки.

«Сеньориты? — уточнил хозяин гостиницы. — А они те самые три «и т.д.».

Так что, пожалуйста, не поймите неправильно мои «и т.д., и т.д., и т.д.». Я использую «и т.д.», потому что каждый ум фабрикует свой собственный иллюзорный мир. Кто-то живет в жадности, кто-то живет в гневе. Кто-то живет в страсти, а у кого-то отсутствует сексуальное желание, зато он помешан на деньгах. Деньги — это сексуальное желание. Кто-то живет одной лишь любовью к людям: его любовь — это любовь к людям; а есть люди, которые любят только вещи. И это вид искажения.

В мире существует столько же искаженных миров, сколько умов. Вот почему я говорю «и т.д., и т.д., и т.д.»... им нет счета; они несчетны. Каждый ум фабрикует, вырабатывает свой собственный мир снов. И все, что имеется в виду под отречением — это пробуждение и освобождение от снов

Вот почему Ибрагим не оглядывался назад. Он никогда об этом не говорил. Он никогда не объявлял во всеуслышание, что он отрекся от царства — никогда за всю свою жизнь. Это и есть настоящее отречение. Если после своего отречения от чего-то вы объявляете во всеуслышание, что вот вы отреклись, тогда это не настоящее отречение — вы все еще цепляетесь, вы все еще держитесь за идею, что это было ваше, и вы от него отреклись и сделали одолжение Богу.

Ибрагим никогда об этом не говорил. Он вращался в среде нищих; он жил, как нищий. Никто не знал о том, что он был императором. Если вы отреклись и отречение ваше исходит из понимания, вы никогда о нем не упоминаете — оно окончательно! Нечего упоминать. То был сон! А на утро вы проснулись и не намерены продолжать разговоры о своих снах. Не проходит и нескольких секунд, как они забываются. Именно так и происходит, когда вы пробуждены.

А кто был тот человек, который ходил по крыше и вдруг исчез? И кто был тот человек, который пререкался со стражей и хотел остаться в караван-сараях, настаивая на том, что «это не дворец»? У суфиев есть для него специальное имя — они называют его Кхидром. Кхидр — это просто название вашего сердцевинного проводника; это не внешнее явление. Это не кто-то вовне — это ваш собственный еще слабый внутренний голос. Если вы будете молчаливы, вы его услышите. Если вы будете честны, вы его услышите. Если вы будете искренни, вы не сможете его не слышать.

А Ибрагим был искренним человеком, очень честным человеком, он пытался жить настолько подлинно, насколько это только возможно. Это был его собственный внутренний голос! Это лишь притча, потому что когда внутреннее впервые с вами говорит, то кажется, что оно внешнее.

Внешний Мастер лишь помогает вашему внутреннему проводнику. Только и всего. Внешний Мастер — это лишь зеркало, в которое вы смогли бы увидеть свое внутреннее. Внешний Мастер должен быть похож только на катализатор. Когда вы слышите его голос, видите его бытие, пребываете в его присутствии, то что-то приводится в движение, и постепенно ваш внутренний Мастер начинает вами овладевать.

Настоящий Мастер — Совершенный Мастер — никогда не делает вас зависимыми от себя. А если какой бы то ни было Мастер делает людей зависимыми, если какой бы то ни было Мастер создает в людях зависимость, если он делает людей зависимыми от себя, то это не настоящий Мастер. Он своего рода эксплуататор; он пытается над вами господствовать от имени религии. Он пытается вас поработить; он тюремщик, он не может дать вам свободу. Он будет от вас зависеть. Любой, кто хочет, чтобы вы от него зависели, зависит от вас — запомните. Такой Мастер — раб своего собственного раба. Человек, владеющий вещами, находится во власти своих же вещей. И лишь тот, кто в вас не нуждается, кто от вас не зависит, способен помочь вам быть независимыми, а в этом и состоит работа Мастера.

Совсем недавно кто-то сказал: «Я нуждаюсь в Мастере». Я ответил ему, и он мог даже обидеться: «Ты можешь нуждаться в Мастере, но я совсем не нуждаюсь в учениках». Он мог обидеться; он мог неправильно это понять. Кто-то уже написал мне письмо с такими словами: «Ошо, Вы были слишком суровы с тем человеком!» Нет, я просто был правдив. А правда иногда бывает горькой. Если бы я нуждался в учениках, тогда я не смог бы сделать вас независимыми; тогда я делал бы вас все более и более зависимыми от себя, вы были бы теми, в ком я бы нуждался. Нет! Я в вас не нуждаюсь! Вся моя работа здесь состоит в том, чтобы помочь вам быть самими собой. Вся моя работа — это быть вашим катализатором. Сами вы не способны контактировать со своим собственным внутренним Кхидром, своим собственным внутренним проводником. И, пребывая со мной, вы можете научиться этому умению — только и всего. А стоит только вам научиться этому умению, как вы удивитесь: мой голос и голос вашего внутреннего Мастера один и тот же.

Как раз недавно Маниша задала вопрос, как узнать, настоящий ли ты саньясин или нет? А узнать можно так когда ты постепенно начинаешь чувствовать, что то, что говорю тебе я, есть также твой внутренний голос, тогда ты настоящий саньясин. Тогда со временем мой голос и твой внутренний голос никогда не будут разделяться, никогда не будут разниться.. Быть может, тебе не удастся его расслышать или ты слышишь его очень смутно. Ты не можешь ясно его разглядеть или видишь его сквозь темную завесу, но когда я показываю его тебе, он вдруг становится для тебя ясным, и тогда он больше не смутный, тогда сдернута темная завеса.

Ты узнаешь настоящий ли ты саньясин или нет, только по этому критерию. Когда ты начинаешь чувствовать синхронность между мной и тобой, когда имеет место неизменная общность, тогда ты подходишь все ближе и ближе. Ты становишься все более и более реальным.

И в наивысшей точке между Мастером и учеником различие исчезает. Совсем исчезает! То, что говорит Мастер, то бы сказал и ученик. Мастер может выражаться более ясно — это для него характерно. Он поет песню, которую слышал и ученик, но спеть которую он еще не может. Это отдаленная музыка. Но в то мгновение, когда Мастер начинает ее напевать, она становится все ближе и ближе. И это происходит каждый день.

Вот почему я продолжаю с тобой говорить. И не для того, чтобы поделиться знаниями, вовсе нет. А лишь для того, чтобы запустить процесс действия твоего внутреннего проводника. И тогда ты изумишься ты задаешь вопрос, но у тебя уже появляется ответ, тут же. А когда я дам тебе ответ, ты удивишься он точно такой же, какой ты уже слышал.

Таковы критерии. Постепенно ты обнаружишь, что становишься все более и более подлинным, все более и более саньясином, все более и более учеником. Внешних критериев не

существует, это внутренний процесс И ты не можешь судить по кому-то другому. Ты можешь судить только по самому себе. И продолжая с каждым днем развиваться, ты увидишь, как близко ты сможешь подойти к Мастеру.

Когда голос Мастера становится твоим голосом, тогда ты уже прибыл домой. Тогда ты в унисоне с внутренним Мастером. И этого внутреннего Мастера суфий называют «Кхидр».

Это Кхидр ходил по крыше. Это Кхидр стучался в дверь и настаивал на своем.

И третье, прежде чем мы войдем в эту прекрасную историю: религия — это невинность, это доверие, это вера. Это доверие целому и благу целого. Это отпущение, это сдача. Как только Ибрагим покинул свой дворец, в ту же секунду он сдался. Теперь у него уже не было идеи, куда пойти и что сделать. Теперь у него уже не было своей собственной идеи — не было ни направления, ни желания. Отныне он был всецело в руках Бога.

Таким и должен быть суфий: быть в руках Бога.

Про Ибрагима рассказывают:

Однажды он упал в реку, просто поскользнулся А перед этим прошел дождь, и было грязно, а он поскользнулся и упал в реку. Несколько людей заметили это. «Ты умеешь плавать? — спросили они. — Нам прийти на помощь?»

— Подождите, — ответил он, — подождите, как я жду». А он не умел плавать и не пытался выбраться из реки, и тогда он стал тонуть, и кто-то крикнул: «Ты что, сумасшедший? Если ты не знаешь, как плавать, мы можем прийти на помощь¹»

— Подождите же! Как я жду.. — говорил он. — Если Он хочет меня спасти, Он спасет. А если Он не хочет меня спасти, то кто я такой, чтобы печься о спасении?»

Таково доверие.

Магомет имел обыкновение раздавать все дары, которые приносили ему его ученики, к вечеру он все это раздавал. Такой была его привычка. И вот ночью, когда он умирал, жена его, естественно, испугалась от недобрых предчувствий. «Может, нужно будет среди ночи позвать врача или купить лекарства».

Всего каких-то пять динар, пять рупий, и он спасен.

Посреди ночи Магомет, который за всю свою жизнь никогда не беспокоился, вдруг забеспокоился. «Сходить за врачом?» — спросила жена.

— Дело не во враче, — ответил он. — Со мной, кажется, происходит что-то не так, чего никогда не было раньше. Что-то новое! Что это? Я не в состоянии этого понять А ты знаешь?»

Жена почувствовала себя виноватой: она оставила пять рупий. «Нового-то всего одна вещь, — сказала она, — я оставила пять рупий на тот случай, если они нам понадобятся посреди ночи».

—Значит, дело в этом, — проговорил Магомет. — Сейчас же иди и отдай кому-нибудь эти пять рупий».

«Но, — возразили она, — кого я смогу найти на улице посреди ночи? Среди ночи там и нищего не найти».

«Иди же и доверься Ему», — сказал Магомет.

И она вышла из дому, и рядом стоял нищий. «Я сбился с дороги, — проговорил он. — Я шел в какой-то другой город, а попал в это странное место. И мне негде остановиться, и нет денег на еду, а ведь я вот уже три дня как голоден. Не сможешь ли ты мне помочь?»

И она отдала этому человеку пять рупий. Когда она вошла в дом, Магомет сказал «Вот видишь? Если человек может среди ночи прийти за пятью рупиями, то, если нам будет что-то нужно, Он пошлет кого-то, чтобы дать нам денег, так что не волнуйся. Ты сомневалась, ты не доверяла, вот что меня беспокоило».

И он снова успокоился. Он накрыл себе лицо одеялом и сразу же сказал, что покидает тело,

и был при этом исполнен спокойствия и грации. Мешала та маленькая вещь, что-то вклинивалось между ним и Богом.

Суфизм основан на доверии. Когда Ибрагим ушел из дворца, он доверял Богу, жил по Богу. И куда бы Он ни вел, он шел; что бы Он ни хотел, он делал. Он сам как таковой исчез. Таким и должен быть религиозный человек. Он как таковой должен исчезнуть. И как только тебя не станет, в ту же секунду Бог овладеет тобой.

Ты страдаешь, а Бог блаженствует. Ты пустота, Бог — полнота. И до тех пор, пока ты не уйдешь, совсем не уйдешь, ты так и будешь оставаться пустым. До тех пор, пока ты не уйдешь, совсем не уйдешь, ты так и будешь пребывать в страданиях. Ты не сможешь быть блаженным, ты будешь страдать. Твое присутствие — это страдание; твое отсутствие — это все, что нужно на пути суфизма, они называют это фана. Исчезни! Не будь — пусть будет Бог.

А теперь перейдем к этой красивой притче:

Рассказывают, что суфийский Мастер Ибрагим ден Адам сидел однажды на опушке леса, когда с ним поравнялись два странствующих дервиша. Он поприветствовал их, и они разговаривали с ним до темна о духовном.

Первое: суфий всегда находится в состоянии сидения, даже когда идет, даже когда бежит. Он всегда находится во внутреннем состоянии сидения, которое люди дзен называют «сидение в дзен», «задзен» — просто сидение и ничего неделание. И наступает весна, и трава растет сама собой.

Все усилия суфия направлены на то, чтобы не двигаться, не двигаться в желании, потому что настоящее движение состоит в этом. Сначала движет желание или вы движетесь в желании, а за этим следуют другие движения. Суфий сидит, глубоко внутри он всегда сидит. Даже когда он ходит, он никуда не идет. Он выполняет божью работу, но в своем бытии он только медитирует. У него ни секунды не бывает ни одного желания. Не бывает усилия стать кем-то, в этом смысл сидения: не становление, а бытие. Он не пытается стать богатым, он не пытается стать благочестивым, он не пытается стать и более религиозным, он не пытается стать более аскетичным, он ничего не пытается сделать. Он просто расслабляется в своем бытии — это и есть сидение.

Это особое состояние. И вы всегда с ним сталкиваетесь, когда встречаете действительно религиозного человека. Даже когда он ходит, он не ходит. Он остается неподвижным. Даже когда он говорит, он не говорит — он остается молчаливым. В этом парадокс религиозного человека. Во время еды он не ест. Во время сна он не спит. Все это происходит разве что на поверхности, на периферии. В центре же ничего никогда не происходит. В центре всегда одно и то же.

Рассказывают, что суфийский Мастер Ибрагим ден Адам сидел однажды на опушке леса, когда с ним поравнялись два странствующих дервиша. Он их поприветствовал.

Суфий приветствует всех. Сердце его всегда в состоянии приветствия. Он не знает ничего другого; он знает только приветствие, ибо он знает, что приходит только Бог. Форм могут быть миллионы, но приходит всегда именно Бог. Он может прийти как бриз или как дождь, или как аромат цветка, или как человек. Он может прийти как день или как ночь, как лето, как зима, но приходит всегда именно Бог, ибо некому больше прийти. Поэтому суфии всегда пребывают в состоянии приветствия.

Он их поприветствовал, и они разговаривали до темна о духовном.

Это сатсанг. Когда суфии встречаются, они разговаривают о Боге, они разговаривают о любви, они разговаривают о молитве — они создают атмосферу, они создают какой-то климат. Когда вы встречаетесь друг с другом, вы тоже разговариваете, вы тоже создаете какой-то климат, вы сплетничаете об окружающих, вы осуждаете людей, вы разговариваете о политике, вы

разговариваете о никчемных вещах. И, конечно, все, о чем вы разговариваете, создает вас Оно либо отравляет, либо питает вас.

Все, о чем вы разговариваете, отравляет. Понаблюдайте: когда вы встречаетесь с людьми, о чем вы разговариваете? Помните: разговаривайте только о чем-то высшем. Разговаривайте о чем-то, что может стать пищей. Разговаривайте о божественном! Разговаривайте о запредельном. Оно создает вокруг вас климат, оно создает вокруг вас определенную энергию, оно создает вибрацию. О чем бы вы ни разговаривали, что бы ни слушали, вы этим и становитесь. Это постепенно превращается в преобразующую силу.

Поэтому, когда встречаются суфии, когда встречаются преданные, когда встречаются дхакты, они разговаривают о Боге. И ни о чем другом. Все детский лепет — все остальное детский лепет. Зрелая личность говорит только о высших ценностях о добре, об истине, о красоте. Они поют песни, безумные песни любви к Богу. Они пьют из бытия друг друга и становятся пьяными. Они помогают друг другу. И помощь эта неоценима. Когда несколько людей сидят вместе, делясь своими внутренними переживаниями, они начинают качаться на волнах друг друга; образуется приливная волна, и они начинают друг друга взаимно дополнять. Вы можете что-то упускать; это могло случиться с кем-то другим, и его озарение может пролить на вас свет. Возможно, вы делали что-то не так, а кто-то другой сделал что-то другое, и это помогло, это сработало.

Пусть будет так и с моими саньясинами. Перестаньте разговаривать о мирских вещах, об актерах и актрисах кино, о политиках, что еще хуже. Не сплетничайте. Обсуждайте Евангелие. Медитируйте над тем, что сказал Иисус, что сказал Будда. Рассказывайте истории об этих странных посетителях земли. Разговаривайте об этих странных революционерах сознания. Разговаривайте о Будде, Кришне, Магомете, Лао Цзы и Заратустре, и вы будете безмерно обогащены.

Создавайте атмосферу духовности.

С приходом вечера Ибрагим пригласил их в гости разделить с ним трапезу. Они сразу приняли это приглашение, и перед их глазами предстал стол, заставленный изысканными яствами.

Помните: это притча. Это просто знак, способ выражения того, что Бог заботится о тех, кто ему доверяет, только и всего. Не воспринимайте ее буквально. Когда вы начинаете воспринимать что-то буквально, тогда возникает серьезное непонимание. Тогда вы начинаете проявлять повышенный интерес к бессмысленным вещам: ходил ли Иисус по воде или нет, превращал ли он воду в вино или нет, делал ли он больных людей здоровыми или нет, вызволил ли он Лазаря из могилы, оживил ли его или нет... Вы начинаете интересоваться глупыми вещами. А это все притчи.

Иисус, несомненно, исцелял людей и делал их здоровыми, он давал глаза тем, у кого их не было; он давал уши тем, кто никогда ничего не слышал. Он, несомненно, оживлял людей и поднимал их из могил, то есть оттуда, где живет каждый. И дело не только в Лазаре: вы тоже находитесь в такой же ситуации, живете в могилах. И он просто воскрешал мертвых. Но это все притчи.

Слышать не означает слушать, и он помогал людям слышать и слушать. Видеть так, как видите вы, не достаточно, ибо этими глазами вы способны видеть разве что материю и упускаете сущностное, упускаете духовное. А он делал людей способными видеть духовное. Он помогал людям видеть невидимое — единственное, что стоит видеть.

Если что-то и стоит видеть, так это Бога. Все, кто не видел Бога — слепы. Если что-то и стоит слышать, так это Будду или Лао Цзы. Те же, кто не слышал Будду глухи. Если и существует какая-то жизнь, так это жизнь от мгновению к мгновению, в доверии, в любви, в праздновании,

в молитве, в благодарности.

Одним словом, жить означает жить в Боге — сознательно, целиком. Те же, кто так не живут — мертвы. И даже хуже мертвых! Ибо они думают, что они живы, а они не живы. Они еще даже не рождены. Они всего лишь семена, возможность, но не действительность. С ними должен случиться Иисус, с ними должен случиться Мастер, только тогда они упадут в землю. Необходим садовник, только тогда семя умрет и родится как дерево. И тогда наступит грандиозный праздник, пышное цветение, великое осуществление, всецелое исполнение.

Так что никогда не становитесь буквальными. Что касается религии, то одна из опасностей заключается в том, что люди воспринимают ее буквально. Ее приверженцы, верующие, воспринимают ее буквально, и ее противники тоже буквально воспринимают ее. И те, и другие сходятся в одном. А я снова и снова настаиваю: никогда не воспринимайте религиозные притчи буквально, они куда более интимны, чем буквальная фактичность. И всегда помните: факты — ничто, а истина намного глубже. Истина здесь.. Как, например, в этой истории:

С приходом вечера Ибрагим пригласил их в гости разделить с ним трапезу. Они сразу приняли это приглашение, и перед их глазами предстал стол, заставленный изысканными яствами.

Ибрагим не чародей. Но что означает это неожиданное появление изысканных яств? Это не факт, это истина. Факт — вещь очень бедная преходящая. Событие это лишь преходящая вещь. А притча не исторична, она метафизична. Она есть истина. Да, Бог заботится о тех, кто расслаблен. Бог заботится о тех, кто остается в отпуске.

Пища — лишь символ питания; Бог это мать для тех, кто отказался от своего эго, для тех, кто снова стал, как маленькие дети, и тогда Бог начинает заботиться о них. Существование к вам не безразлично. Если вы доверяете существованию, существование всякий раз будет заботиться о вас.

Это истина! И эта истина должна быть передана так, чтобы люди смогли понять. Поэтому истина всегда рядилась в одежды притч. Притчи запоминаются, людям нравятся истории, люди рассказывают их друг другу, они понятны даже детям. У них много смысловых пластов. Они понятны даже детям, но даже наимудрейший не может понять их полностью, абсолютно. И в этом красота притчи. Каждый может ее понять на своем собственном уровне бытия.

Бог — это пища. Бог — это забота. Бог — это материнство.

«Как долго был ты дервишем?» — спросил один из них Ибрагима.

Неправильный вопрос, впрочем, символический для неправильного ума. Религия — это не вопрос времени, не вопрос «как долго» — это вопрос глубины. Как интенсивно? Как глубоко? Она может случиться в одно единственное мгновение. А может не случаться веками или на протяжении многих жизней. Время к делу отношения не имеет. Все дело в сердце.

Посмотрите, какой неправильный вопрос

«Как долго был ты дервишем?»

Они находились под большим впечатлением: такое чудо! На глупцов всегда оказывает влияние не то, что надо. Они упустили суть, они упустили суть истины. Они задали вопрос о времени. А что общего у доверия со временем?

Таково мое наблюдение. Я наблюдал тысячи и тысячи ищущих со всего мира. Кто-то приходит, и за одно-единственное мгновение происходит трансформация. За одно-единственное мгновение жизнь делает скачок. А кто-то другой остается на много лет и продолжает быть тем же самым.

Это не вопрос времени. Никогда не думайте в терминах времени. Думайте в терминах интенсивности, целостности. Время — это опять-таки вопрос ума. Сердце не знает времени. Сердце знает только теперь. Один только ум знает время прошлое, будущее, настоящее... ум знает

время

«Как долго был ты дервишем?» — спросил один из них Ибрагима. «Два года», — ответил он.

Это символический ответ. Суфии говорят о двух шагах. Есть только два шага для достижения высшего. Один должен быть сделан ищущим, а другой делается самим Богом. Так что вам остается только один шаг. И если вы делаете один шаг, другой делается Богом. Но что это за шаг, который нужно сделать? Необходимо сдаться — только и всего. Не нужна никакая практика. Не требуется никакого усилия, потому что всякое усилие идет от эго, а любая практика — это ничто иное как оттачивание эго.

Вот почему вы найдете у людей, вырабатывающих характер или очень дисциплинированных или очень добродетельных, сделавших то-то и то-то они и постятся, и даже аскетизм практиковали, и в горах и пещерах побывали, и по религиозному жили, вы найдете у таких людей большое благочестивое эго. Смирение их ложно. Истинное смирение никогда не практикуется.

Достаточно одного только шага. Внезапного понимания, что «я часть целого, зачем же мне бороться? Я ведь происхожу из целого, зачем же мне бороться? И я вернусь обратно в целое, зачем же мне бороться? Я волна в океане, зачем же мне бороться с океаном? Какой смысл? Ведь океан меня порождает, и, в конце концов, я вернусь обратно в океан, и в нем исчезну? Я поднялся на мгновение, но я не отделен, так что к чему беспокоиться?»

Зачем бороться, зачем привлекать к этому свою волю? Сдайся, расслабься, будь с океаном. Теки с ним. Это и есть тот один-единственный шаг. И стоит только тебе его сделать, как другой шаг будет сделан Божественной волей Бог приходит лишь тогда, когда ты полностью расслаблен.

Ответ Ибрагима символически «Два года».

«А я следую Суфийскому Пути без малого тридцать лет, и мне никогда еще не доводилось видеть таких способностей, которые ты здесь проявил», — сказал тот человек.

Вот уже тридцать лет, как он культивирует, следуя Пути. Долгое путешествие. И, разумеется, здесь присутствует ожидание: «Теперь-то уж должно что-то произойти. Ведь этот человек следовал каких-то два года!» Это кажется несправедливым.

Мне нравится одна древняя индийская история.

Нарада, великий индийский мистик, собирался узреть Бога. Играя на своей вине, он проходил через лес и случайно встретил одного очень старого мудреца, сидевшего под деревом.

Этот старый мудрец сказал Нараде: «Ты идешь к Богу — пожалуйста, задай ему от меня один вопрос. Вот уже три жизни прошло, как я прилагаю всевозможные усилия, сколько же еще нужно? Сколько еще мне придется ждать? Когда наступит мое освобождение? Спроси у Него!»

Нарада засмеялся и сказал «Хорошо».

И когда он снова двинулся в путь, то совсем неподалеку, под другим деревом, он увидел танцующего и поющего с эктарой молодого человека — очень молодого, от силы лет тридцати. Нарада шутливо спросил этого молодого человека: «Ты бы тоже хотел, чтобы я задал Богу какой-нибудь вопрос? Я сделаю это. Вот старик, твой сосед уже спросил».

Молодой человек ничего не ответил. Он продолжал свой танец, как будто и не слышал его вовсе, как будто его вообще там не было.

Через несколько дней Нарада вернулся обратно. Старику он сказал: «Я спросил у Бога. Он ответил, что потребуется еще три жизни».

Старик в это время перебирал свои четки. И тут он отшвырнул четки, весь кипя от ярости. Отшвырнул священные тексты, что всегда носил с собой, и закричал: «Это же абсолютно несправедливо! Еще три жизни?!»

Затем Нарада отправился к тому молодому человеку, который и на этот раз танцевал, и сказал: «Хоть ты и не ответил и не задал вопроса, я как бы между прочим спросил Бога и о тебе. Только теперь я уже не знаю, говорить тебе или нет. Увидев ярость того старика, я как-то не решаюсь».

Но молодой человек ничего не сказал, он по-прежнему танцевал. И Нарада проговорил: «Когда я спросил, Бог ответил: «Передай тому молодому человеку, что он будет рождаться столько раз, сколько листьев на том дереве, под которым он танцует».

А молодой человек только еще резвее пустился в пляс, воскликнув: «Только и всего?! Ведь в мире так много деревьев и так много листьев... и только-то? Только как этих листьев? Всего-навсего столько жизней? Я ведь уже достиг! Когда пойдешь к Нему в следующий раз, поблаговари Его».

И, говорят, что этот молодой человек в ту же секунду был освобожден. Что он был освобожден в ту же секунду! Если есть столько доверия, такое полное доверие, времени не нужно. Если же доверия нет, тогда и трех жизней будет не достаточно. И, сдается мне, что этот старик и теперь должен находиться где-то в городе! Он и до сих пор еще не освобожден. Даже трех жизней будет не достаточно. Такой ум не может стать свободным. Такой ум — сущий ад.

А я следую Суфийскому Пути без малого тридцать лет, и мне никогда еще не доводилось видеть таких способностей, которые ты здесь проявил», — сказал тот человек

Ибрагим ничего не ответил.

О таких вещах ничего нельзя сказать Настоящий ищущий молчит о том, что происходит. Настоящий ищущий исполнен молчаливой благодарности. Он не может ни о чем объявлять во всеуслышание, он не может этим хвалиться. Ибрагим не проронил ни единого слова.

Когда же еда закончилась, незнакомец в зеленой робе вышел на просеку. Он сел и поделился остатками еды.

Кхидр известен как Незнакомец. Это ваш глубинный дух, но вы от него настолько отчуждены, что он стал незнакомцем. Люди, незнакомые вам, становятся вашими женами, друзьями, мужьями, сыновьями, дочерьми, братьями, сестрами — люди, незнакомые вам. И настоящая индивидуальность, что внутри вас, стала незнакомой. Все перевернуто вверх дном. Вы не знаете, кто вы, зато знаете все остальное. У вас имеются большие познания о мире, но никакого знакомства с самим собой. Поэтому Кхидр известен как Незнакомец.

Когда ваш внутренний проводник впервые начнет с вами говорить, вы будете не в состоянии поверить, что это исходит от вас! Вы станете думать, что это исходит откуда-то еще. Вот почему мистики думают, что Бог говорил с облаков, с небес А он всегда говорит из вашего глубочайшего ядра, но вы так далеко от себя ушли, что вы кажетесь незнакомцем, приходящим к вам из какого-то далекого-далекого истока.

А на самом деле вы сами стали себе незнакомцами.

Суфии говорят, что Кхидр незнакомец и суфии выбрали зеленый цвет, поэтому кхидр носит зеленую робу. Как мы в Индии выбрали охру, оранжевый цвет цветом саньясина, точно так же и суфии выбрали зеленый цвет цветом своих саньясинов.

И оба прекрасны. Оба исполнены значения

Зеленый цвет — это цвет деревьев, а красный — цвет цветов. Мы в Индии стремились к предельному цветению, и выбрали цвет предельного. А суфии стремились к непосредственному, к цвету деревьев, и остановили свой выбор на нем. Однако с точки зрения конечного понимания, непосредственное есть предельное, а предельное есть непосредственное, потому что в зеленом сокрыто красное, а красное есть ни что иное, как проявление зеленого. Цветок и зеленый стебель с листьями не отделены, и оба прекрасны.

Кхидр носит зеленую робу.

Он вышел. Он сел и поделился остатками еды.

И все поняли своим внутренним чувством, что это был Кхидр, бессмертный Проводник всех суфиев. И они стали его ждать, чтобы он поделился с ними своей мудростью.

«Своим внутренним чувством» — вы можете понять такие вещи только своим внутренним чувством. А если оно не работает, вы вообще ничего не сможете понять. Если вы придете к Мастеру и если при этом ваше внутреннее чувство будет хоть немного работать, вы поймете. Здесь возникнет мгновенное понимание. Мгновенно возникнет мост. Но если это внутреннее чувство не будет работать, вы можете интеллектуально слушать, вы можете пытаться анализировать, но ваше понимание так и остается интеллектуальным, бедным. Оно не соединит вас связью, оно не наведет к вам мост.

И все поняли своим внутренним чувством, что это был Кхидр.

Зеленая роба — свежесть зелени, юность зелени, живость зелени, тишина зелени... и присутствие... улавливаемое внутренним чувством, интуицией.

Помните: наука интеллектуальна, а религия интуитивна. Они базис-но, фундаментально различны. Поэтому укоренившийся в науке человек не сможет понять религию. Здесь мы сталкиваемся лицом к лицу с одной из проблем современного человечества. Мы обучаем науке каждого ребенка и, сами о том не ведая, делаем каждого ребенка неспособным понимать религию. И я не говорю «не учите детей науке» — наука имеет огромную ценность, но не забывайте учить при этом и религии, чтобы они могли сохранить равновесие. Потому что наука способна лишь дать большую власть во внешнем мире, но она не дает мира. Наука может дать богатства извне, но внутри она будет держать вас в нищете.

Создавайте равновесие. Обучайте науке, но создавайте также в школах, колледжах, университетах такую атмосферу, в которой можно медитировать, молиться, в которой у людей может начаться рост и их внутреннего чувства, иначе вы разрушите в них человеческое и сделаете их бесчеловечными. Тогда они будут лишь как роботы. Они будут лишь зомби. Они будут ходить в офис и работать, они будут ходить на фабрику и работать и что-то производить. Но в этом не будет творчества. Они будут производить, но в этом не будет радости. Они будут жить и все время недоумевать: «Зачем мы живем?» Они будут жить, но в жизни их не будет смысла, в жизни их не будет поэзии.

Вы только посмотрите на людей: они живут, но что это за жизнь?

Какое-то прозябание, тусклое прозябание. Камень на душе, и постоянное ощущение, что все никчемно, все случайно, и нет никакого смысла. А когда нет смысла, откуда взяться радости и празднованию?

Обучайте науке, это необходимо, вне всяких сомнений, однако это не все. Существует и кое-что выходящее за ее сферу. Проза хороша, но человек, не знающий поэзии, упускает что-то чрезвычайно ценное. Математика хороша, но человек, не чувствующий музыку, — не настоящий человек. Производство хорошо, но человек отнюдь не машина — необходимо еще и какое-то творчество, какое-то творческое выражение. А это всегда приходит через внутреннее чувство.

И все поняли своим внутренним чувством, что это был Кхидр, бессмертный Проводник всех суфиев. И они стали его ждать, чтобы он поделился с ними своей мудростью.

Мудрость приходится ждать. О ней нельзя просить. Если вы станете о ней просить, вы получите лишь знание. Ждите, терпеливо ждите. Мудрость приходит только тогда, когда вы созрели. Мудрость приходит сама. Бог дает вам ровно столько, сколько вы можете вместить и усвоить, и ни в коем случае не больше. Они ждали...

Когда же Кхидр встал, чтобы уйти, он просто сказал: «Вы, два странствующих дервиша, дивились, глядя на Ибрагима. Но от чего вы сами отрелись, чтобы следовать по пути дервиша?»

Вы ни от чего не отреклись Вы остались теми же. Вы неразрывны со своим прошлым. Прорыва так и не произошло, отречение же означает прорыв, «от чего вы сами отреклись?».

«Вы отказались от надежности, от обычной жизни».

«Да, вы от чего-то отказались, но лишь от ваших слов, надежности и обычной жизни. Вам нечего было отдать Религия досталась вам дешево. Вы не заплатили за нее никакую цену».

«А Ибрагим бен Адам был могущественным царем и оставил султанское владычество в Баркхе, чтобы стать суфием».

Запомните эти слова:

«Вы отказались от надежности и обычной жизни».

«Вы не отказались ни от чего особенного. У вас ничего не было. Вы отдать ничего не отдали, но в вас столько ожиданий наград на том свете. Вы ждете тех наград. Отречение ваше мотивировано: оно исходит из жадности».

Люди бывают религиозными или из жадности, или из страха, но в таком случае они не являются истинно религиозными.

«А Ибрагим бен Адам был могущественным царем и оставил султанское владычество в Баркхе, чтобы стать суфием».

«...и оставил...». Прислушайтесь к этим словам! Он даже не отрекся, он это оставил. Когда вы отрекаетесь, вы думаете, что это имеет некую великую ценность. Вы поднимаете вокруг этого много шума. А он это просто взял и оставил! Увидев, что в этом нет смысла, увидев ложность всего этого, он просто взял это и оставил.

Отречение Ибрагима имеет колоссальную значимость, он никогда не оглядывался назад. Он совсем об этом забыл, как если бы оно вообще никогда не существовало.

«Вот почему он значительно вас опередил».

О нем заботится Бог. Доверие его бесконечно.

«К тому же за свои тридцать лет вы получали награды от самого отречения».

И вы ходили и хвастались об этом на каждом углу. И рассказывали о своем отречении А ведь вы ни от чего не отреклись! Те, кто говорят о своем отречении, на самом деле ни от чего не отреклись Те же, кто действительно отреклись, не говорят об этом! А вы получали от этого удовлетворение, провозглашая себя великими саньясинами, суфиями. Вы снискали уважение людей, их почтение, перед вами преклонялись, вы прославились, вы известны как знаменитые дервиши. А об Ибрагиме никто не знает. Вы же наполняли ваше эго, и это ваша цена.

«Это была ваша плата. А он всегда воздерживался от притязаний на какую-то ни было награду за свою жертву».

«Когда жертва исходит из чистой любви, она ничего не требует. Это всецело радость отдавания. И он все отдал Богу в полнейшей радости, в понимании, что «на самом деле это принадлежит Ему — это никогда мне не принадлежало». Дело не в том, что он сделал Богу одолжение. Дело не в том, что он сделал и впрямь что-то великое... он ничего не сделал! Он просто понял истину. И от этого понимания в нем выросла великая любовь. Эта любовь и делает суфием».

Есть два вида любви: любовь к своей жене, к своей возлюбленной, которую подобает выражать тайно и без всяких свидетелей, потому что эта любовь может исполнить себя в месте, отдаленном от прочих творений; и любовь к братьям, сестрам, детям, друзьям, приятелям и компаньонам, которая не нуждается в скрывании.

Так и суфии говорят, что есть два вида любви к Богу любовь через молитву и медитацию — этой любви подобает исполнять себя в молчании, в уединении, точно так же, как вашей любви к возлюбленному, и та любовь, что выражается через действие и служение другим.

Божественный человек, суфий — а слово «суфий» происходит от слова «суфа»; суфа

означает чистоту ясность, прозрачность — это человек внутренней чистоты, живущий любовью двух измерений. Одно — личное измерение, совершенно личное, индивидуальное, сокровенное, такое же, как любовь к вашей женщине или вашему мужчине — в уединении. Вы не хотите, чтобы она стала достоянием общественности. Сделать ее достоянием общественности было бы осквернением, кощунством, преступлением. Суфии общаются с Богом — в медитации, в молитве — в абсолютной уединенности.

Суфии говорят не молись на виду у других — даже на виду у своей жены. А среди ночи, когда все спят — спит твоя семья, спит твоя жена — проснись среди ночи, сядь на кровати и молись Богу. Не допускай, чтобы кто-то об этом узнал, ибо ум очень хитер: он может и это сделать путешествием эго. Он может начать хвастаться: «Смотрите! Вот какой я великий медитирующий».

Молись Богу, медитируй над Ним втайне, в уединенности — один.

И другое измерение — измерение служения любви к Его творениям: деревьям, горам, людям, рекам. Лей свою любовь к этому миру открыто, а свою любовь к Нему — в уединении, и ты станешь суфием.

Назначение Мастера — дать тебе эти два измерения любви. Совершенный же мастер — тот, в чьем присутствии запускается этот процесс, и вы начинаете расти в этих двух направлениях любви. И высшее крещендо этих двух видов любви — свобода от страдания, свобода от ума, свобода от тела, свобода от нового прихода в этот мир — свобода от всех видов тюремного заключения. Эта свобода и есть цель.

Держите эту цель всегда у себя перед глазами. И постепенно отбрасывайте и отбрасывайте все то, что мешает видеть эту цель. Входите в гармонию с видением этой конечной цели свободы. Становитесь все более и более свободными. А вы непременно станете свободными с самого первого шага.

Настоящий Мастер, Совершенный Мастер, о котором мы говорили все эти тридцать дней, Совершенный Мастер помогает вам становиться свободными, он дает вам свободу. Ведь любовь всегда дает свободу.

10. Ровно посередине

Первый вопрос:

Послушать Вас, так все настолько легко. Но так ли это? Действительно ли это так? Мне кажется, что все это не в наших руках. И у нас не больше шансов сдать, чем быть в эго. Я живу своей жизнью, в какие-то дни я счастлив, а в какие-то грустен, но я не просветленный. Должно быть, здесь какой-то трюк, какая-то алхимия. Пожалуйста, просветите меня.

Дхармен, ты ведь уже нашел это! Это трюк, это алхимия: понять, что ничто не в наших руках — это и означает сдачу. Сдача — это не что-то такое, что ты должен или можешь сделать. Если это делаешь ты, какая же здесь будет сдача? Это не действие. И не может им быть по своей природе. Само определение сдачи свидетельствует о том, что ты не можешь этого сделать. Если ты увидел самую суть, что ничто не в наших руках, то так или иначе, независимо от полноты эго или безэго — если ты это увидел, случается сдача. А что же тогда остается? Если ты действительно это увидел, то понял весь секрет.

Проблему создает язык, потому что язык все поворачивает, все обращает во что-то другое. Как только я говорю: «Сдайся!», — в ту же секунду ты начинаешь думать: «А как это сделать?» Это лингвистическое заблуждение. Когда я говорю «сдайся», это именно то, что я говорю: я говорю, что ничто не в наших руках. На самом деле тебя нет позади твоих рук. Все случается.

Да, в какие-то дни ты грустен, а в какие-то — счастлив, однако дело не в этом. Так что будь в какие-то дни грустным, а в какие-то счастливым — это и есть сдача. Когда ты счастлив, наслаждайся этим, живи этим, танцуй этим, пой это. Когда ты счастлив, не тревожься о грусти. В этом нет смысла: ты ведь ничего не можешь с этим поделать. Когда ты грустен, будь действительно грустным! Лей грустные слезы, пой грустные песни. И не пытайся стать счастливым — это ведь не в твоих руках.

Дзен Мастеру задали вопрос «Что вы делаете, когда жарко?»

«Потею», — ответил он.

«А что вы делаете, когда холодно?»

«Дрожу», — ответил он.

Так что, когда жарко, потей. Когда холодно, дрожи. Когда живешь, живи! Когда умираешь, умирай! Что в твоих руках? Ничто не в твоих руках. Думать «что-то в моих руках» — это путь эго. Это то, чем является эго. Эго говорит: «Ты можешь это сделать. Зачем ты грустишь? Ты ведь можешь быть счастливым. Это же в твоей власти. Ты можешь стать совершеннее, ты можешь стать красивее, ты можешь стать добрее. Ты можешь стать святым. Почему же ты ничего не делаешь?»

Эго все время подгоняет тебя, побуждает тебя к действию: «Делай же что-нибудь!» Оно создает иллюзию, что изменение в твоих руках и что ты хозяин своей судьбы. Это прием эго. И это заблуждение!

Ничто не в твоих руках.

И стоит только тебе увидеть это заблуждение, как в ту же секунду оно исчезнет. Стоит тебе только увидеть, что это веревка, а не змея... что змея была лишь проекцией в темноте, и что ты увидел ее из-за страха. А когда ты подошел поближе с фонарем и увидел, что это веревка, змеи уже больше нет. И вопрос исчез. Если ты увидел, что сделать ничего нельзя, случилась сдача.

В этом весь секрет. Дхармен, ты это понял. Но эго твое все еще прodelьывает над тобой

трюки. Эго говорит: «Должно же быть это хоть как-то сделано. Здесь должен быть трюк. Здесь что-то кроется, что-то таинственное, о чем ты не подозреваешь. Здесь должен быть ключ, который может открыть дверь».

А здесь нет ключа, нет замка, нет двери. Открывать ничего не придется, так как с самого начала ничего не было закрыто.

Вопрос твой прекрасен, Дхармен. Если ты сам сможешь понять свой вопрос, то исчезнут все вопросы, потому что твой вопрос содержит в себе ответ!

Ты говоришь: «Послушать Вас, так все настолько легко».

Это действительно легко! Что я могу? Не в моих руках сделать это трудным. Это легко, потому что это не действие. Это могло бы быть трудным, если бы ты должен был что-то сделать. А когда ты не должен ничего делать, как это может быть трудным? Как может быть трудным неделание? Само слово «трудный» имеет смысл исключительно по отношению к действию. А это на самом деле понимание, озарение, внезапное видение. Именно это случилось с тобой в этом вопросе.

Ты говоришь: «Послушать Вас, так все настолько легко. Но так ли это? Действительно ли это так?»

Ты не хочешь в это верить. Ты не хочешь верить в эту легкость. Пойми суть! Ты хочешь, чтобы это было трудно — тогда ты был бы вполне счастлив. Если бы я сказал: «Это очень трудно, Дхармен», ты бы расслабился, ты бы вздохнул с облегчением. Если бы я сказал: «Это почти невозможно», гора упала бы с твоих плеч. Ты бы тогда сказал: «Что ж, прекрасно. Значит, я могу отправиться в путешествие. Значит, здесь выбор. Значит, мое эго многое может сделать — это трудно, и я собираюсь это сделать».

Чем невозможнее это кажется, тем привлекательнее это для эго. Поэтому я не могу сказать, что это трудно, так как ни в коем случае не желаю поддерживать твое эго. Это легко, это очень легко. Но как только я говорю «легко», в ту же секунду тебе делается не по себе. У тебя возникает чувства «И что же? В таком случае не остается никакого вызова». Тогда это тебя не привлекает. Если это настолько легко, что под силу даже ребенку — а это на самом деле настолько легко, что под силу даже ребенку — тогда твое эго чувствует себя оскорбленным. Тебе хочется чего-то труднодоступного, какой-то сложной задачи. Это должен быть Эверест — чтобы никто, кроме тебя, не смог бы его достичь.

Если бы это было трудно, то было бы возможно соревнование. Если бы это было трудно, то была бы возможна борьба и война. Если бы это было трудно, то была бы возможна политика. Тогда достигали бы лишь немногие, а не все. Ты мог бы бороться, ты мог бы планировать, ты мог бы маневрировать, ты мог бы изобрести стратегию держания других за ноги, чтобы не дать им достичь, и использования их голов в качестве ступенек для собственного достижения.

А если бы это было настолько трудно, что только одному по плечу достичь, ты бы ощутил волнующую заинтригованность, ведь этим одним можешь быть ты! Существует возможность, что ты можешь быть этим одним, этим особенным одним. Вот почему люди заинтересованы стать премьер-министром Индии или президентом Америки. Почему? Вы что, думаете, они что-то приобретают? Они приобретают лишь место, которое может занять только один — вот и все. Это такая глупая игра, все удовольствие от которой заключается в том, что из миллионов людей только один может туда пробраться. Это единственное удовольствие. И ничего не достигается! Это привлекает разве что глупых людей. Но эго глупо. И чем больше глупости, тем больше эго — и наоборот: чем больше эго, тем больше глупости.

Весь интерес глупого человека сосредоточен на трудном. Создайте трудности, и он начнет интересоваться. Люди разгадывают кроссворды по одной единственной причине: он труден.

Когда я говорю, что это легко, то это до того легко, что тебе даже и пальцем шевелить не

надо, даже из комнаты выходить не надо... как говорит Лао Цзы. Это настолько легко, что тебе даже глаз открывать не надо. Это настолько легко, что может случиться в одно-единственное мгновение. Это настолько легко, что тебе не нужно соревноваться, не нужно практиковать, не нужно культивировать... Просто посмотри вовнутрь: когда я говорю, что это легко, то это возможно прямо сейчас — и у тебя начинает пропадать к этому интерес. Эго твое говорит: «И в чем тогда смысл? Если это настолько легко, что каждый это может достичь, то это не стоит внимания».

Ты только подумай: если бы алмазы Кохинор валялись на каждом берегу океана, как галька, доступные со всех сторон, имел бы алмаз Кохинор хоть какую-то ценность? Вся его ценность состоит исключительно в том, что он один-единственный. И что не существует ни одного подобного ему алмаза. Он редок, так редок, что только один может им владеть

Эго человека всегда стремится к трудному. Создайте трудности — и многие люди начнут проявлять интерес. Вот почему больше людей интересуются йогой — ведь это такая трудная гимнастика. Люди интересуются трудными вещами. Вы можете заставить их делать все, что угодно. Если вы скажете им: «Стойте тридцать лет на голове», — они будут стоять. И в этом должно быть только одно-единственное удовольствие: никому другому не удавалось еще тридцать лет простоять на голове: «Я такой один — я алмаз Кохинор. Я необыкновенный человек».

Когда я говорю, что это легко, я убиваю ваше эго, я разрушаю ваше эго. Я убираю саму почву из-под ваших ног. И вы падаете на землю.

Вот почему Дхармен, ты не можешь в это поверить. Но моя проблема состоит в том, что я не могу быть нечестным — это так и есть. Это легко. Самая легкая вещь в мире — это Бог — так и должно быть! Ведь мы же в нем живем, мы им дышим. Он окружает нас, как океан рыбу. Он везде! Есть один только Он. Вы вбираете Бога в каждом дыхании. Он пульсирует в вашей крови, Он бьется в вашем сердце, Он ходит, когда ходите вы, Он сидит, когда сидите вы. Он — единственное, что у вас есть.

И это легко, потому что Его не нужно достигать — Он уже здесь. Но тогда эго теряет интерес. Вот почему ты спрашиваешь:

Послушать Вас, так все настолько легко. Но так ли это?

Где-то твое эго продолжает надеяться на то, что «Ошо, должно быть, шутит. Не может быть, чтобы это было так легко. Это непременно должно быть трудно».

«Но так ли это? Действительно ли это так? Мне кажется, что все это не в наших руках».

Это как раз то, о чем я тебе все время говорил. Это не в твоих руках, потому что у тебя нет никаких рук, кроме рук Бога! Как только ты начинаешь думать о себе как об отделенном от Бога, в ту же секунду все уходит из твоих рук. Как только ты начинаешь думать о себе как о едином с Богом, в ту же секунду все оказывается в твоих руках. Только руки те больше уже не твои — это руки Бога.

Для человека ничего не возможно — для Бога возможно все. Для части ничего невозможно — для целого возможно все.

«Мне кажется, что все это не в наших руках».

Именно на этом я и настаиваю изо дня в день, из года в год, что ничто не в наших руках. Расслабьтесь. Не пытайтесь цепляться. Не пытайтесь навязывать свою волю, потому что ничто не в наших руках. Не обманывайтесь этой волей. Она уводит вас в сны и фантазии. Когда на дворе лето, то это лето. Когда зима, то это зима. Когда солнечно, то солнечно. Когда облачно, то облачно. Например, сегодня очень облачно — наслаждайтесь же этим! Наслаждайтесь всеми временами года. Наслаждайтесь всеми состояниями природы. Все они пребывают в глубокой гармонии. Все необходимы для того, чтобы сделать этот мир совершенным. Одно только солнце,

солнце каждый день, не годится.

Я слышал одну древнюю притчу — должно быть, это очень древняя притча, так как в те дни на земле жил Бог. И вот постепенно он начал очень уставать от людей, так как люди мучили его беспрестанно. Бывало, кто-то постучится среди ночи и скажет. «Почему ты это сделал? Почему ты не сделал это так?» И каждый советовал, каждый молился, и молитвы друг другу противоречили. Бывало, приходил человек и говорил- «Пусть сегодня будет солнце, так как я собираюсь постирать свою одежду». И тут появлялся кто-то другой и говорил «Пусть сегодня будет дождь, так как я собираюсь сажать деревья». И что было делать? Они сводили Бога с ума!

И Ему пришлось исчезнуть с лица земли. Ему пришлось сбежать, чтобы только уцелеть Ему пришлось сделаться невидимым.

Но вот однажды пришел какой-то человек, фермер, старый фермер, и сказал: «А! Ты, наверное, Бог, и ты, наверное, создал этот мир, но я должен сказать тебе одну вещь ты не фермер, ты не знаком даже с азами фермерства. И вся твоя природа с ее функционированием так абсурдна, я говорю это, исходя из опыта всей своей жизни Тебе придется кое-чему подучиться».

«И что ты предлагаешь?» — спросил Бог.

«Дай мне один год — сказал фермер, — чтобы все было по-моему, а что произойдет, ты сам увидишь. От бедности не останется и следа».

Бог повелел, и фермеру был дан один год. И теперь все шло по воле фермера. И, естественно, тот просил о самом лучшем и думал только о самом лучшем: никакого грома, никаких бурь, никаких угроз урожаю. Все было удобно, комфортно, и он был вполне счастлив. Такая высокая выросла пшеница! И никакой опасности, никаких помех; все шло в соответствии с его желанием. Когда он хотел солнце, появлялось солнце, когда он хотел дождь, шел дождь, причем столько, сколько он хотел. А ведь раньше то слишком обильные дожди выпадут, да так, что переполнят реки и уничтожат урожай, то не хватало дождей, и земля пересыхала, и урожай погибал, то еще что-нибудь — все время что-нибудь не так. И лишь редко, очень редко все было правильно. Но в этом году все шло правильно, математически правильно.

Пшеница выросла такой высокой, что фермер был вполне счастлив. Он приходил к Богу и говорил: «Посмотри! На этот раз будет такой урожай, что пищи будет достаточно, даже если люди десять лет не будут работать».

Но когда собрали урожай, колосья пшеницы оказались пустыми. Он был удивлен: что произошло?! «Что произошло? Что было не так?» — спросил он у Бога.

«Дело в том, что не было препятствий, не было трудностей, не было конфликта, не было столкновений, дело в том, что все шло хорошо: ты ведь избегал всего плохого, и пшеница оставалась бессильной. Должно быть хоть немного борьбы. Необходимы бури, гром, молния. Они встряхивают душу пшеницы», — ответил Бог.

Эта притча имеет колоссальное значение. Если вы только счастливы, счастливы и счастливы, счастье потеряет всякий смысл. Вы от него устанете. Вы им пересытитесь. Счастье продолжает вас интересовать потому, что бывают и мгновения грусти. Эти мгновения грусти поддерживают ваш интерес к счастью. Вы не можете есть все время один только сахар, сахар и сахар — должно быть и что-то соленое. Иначе пропадет весь вкус. Если вы только счастливы, только счастливы, только счастливы... у вас разовьется от счастья диабет. Вы станете бессильными. Вам будет скучно, смертельно скучно — и в жизни вашей не будет смысла. Она будет напоминать надписи белым мелом на белой стене. Можно продолжать писать и дальше, однако никто не сумеет прочесть, что там написано. Вам придется писать на черной доске, и тогда все будет зримо и ясно. Ночь нужна так же, как и день. И дни грусти так же важны, как и дни счастья.

Это я называю пониманием. Стоит только вам это понять, как вы расслабляетесь, и в этом

расслаблении случается сдача. Вы говорите: «Пусть будет по-твоему». Вы говорите: «Делай все, что представляется Тебе правильным. Если сегодня нужны облака, давай мне облака. Не слушай меня, ибо ничтожно мое понимание. Глупа моя воля. Что я знаю о жизни и ее секретах? Не слушай меня. Делай все, как Ты считаешь нужным».

И постепенно, по мере вашего понимания ритма жизни, ритма двойственности, ритма полярности, вы перестанете задавать вопросы, вы перестанете выбирать. Дело не в том, что выбор что-то меняет — он ничего не меняет, только вы становитесь разочарованными. Все остается прежним. Если река течет на север, она течет на север, а из-за вашего выбора южного направления реки вы сами же и становитесь несчастными — только и всего. А река продолжает себе течь на север!

Ваша воля, ваш выбор, ваше действие не имеют вообще никакого значения. Впрочем, одно значение они, конечно же, имеют — значение не для ситуации в мире, в существовании, а одно значение для вашей же психики: вы разочаровываетесь, потому что река не течет на север, или же течет на север, а у вас на уме другое направление. И вы терпите неудачу. И дело не в том, что это река норовит сделать вас неудачником, ей нет до вас никакого дела. Река просто течет на север.

Человек понимания течет с рекой, течет с течением, движется с ветром. И постепенно понимание того, что ничто не в моих руках, становится сдачей. И сдача эта приносит великое благословение. Сдача эта приносит блаженство.

Дхармен, ты нашел в чем секрет! Весь секрет в этом. Живи с этим секретом, и ты увидишь красоту. Живи с этим секретом, и внезапно ты будешь изумлен: сколь велико благословение жизни! Как много открывается тебе в каждое мгновение! Но ты живешь в своих ожиданиях, в своих пустячных, ничтожных, банальных желаниях. И становишься несчастным оттого, что жизнь не соответствует твоим желаниям.

Несчастье означает только одно: жизнь не соответствует твоим желаниям, а жизнь никогда не соответствует твоим желаниям, не может соответствовать. Просто жизнь, как всегда, следует своей природе.

Лао Цзы называет эту природу дао. Будда называет эту природу дхаммой. А Махавира определил религию как природу вещей. Ничего нельзя сделать. Огонь горяч, вода холодна. Не пытайтесь навязывать свою волю природе вещей. Но именно это все время делает глупец — он создает на свою голову несчастье, создает ад. Мудрец же тот, кто расслабляется с природой вещей, кто следует природе вещей.

А когда вы следуете природе вещей, не падает никакой тени и не бывает никакого несчастья. Даже грусть тогда начинает светиться, даже в грусти тогда есть очарование. И дело не в том, что грусть не будет вас посещать — она будет вас посещать — но она не будет вашим врагом. Вы подружитесь с ней, потому что увидите ее необходимость. Вы сможете увидеть ее очарование и то, почему она пришла и почему она нужна. Без нее вас будет меньше, не больше.

В этом заключается смысл сдачи. Но вы все еще не понимаете меня. Когда я говорю «сдайтесь!», вы думаете, что вы должны что-то сделать. Нет. Я говорю: вам ничего не нужно делать, вам ничего не дано делать, не существует способа что-либо сделать... поймите это! Это и есть сдача.

Второй вопрос:

Действительно ли пребывание в присутствии Мастера изменяет человека?

Вас изменяет все! Восходит утром солнце, и сон ваш исчезает. И не только ваш: просыпаются деревья, начинают петь птицы, пробуждается земля. А когда солнце вечером

садится вас начинает клонить в сон — и не только вас, но и деревья, и птиц, и реки, и горы. Вся земля погружается в сон. Когда вы слушаете восхитительную музыку, затрагивается ли в вашем сердце какая-нибудь струна или нет? Слушая восхитительную музыку, становитесь ли вы сами музыкой или нет? Когда вы смотрите на того, кто танцует, не возникает ли в вас самих сильное желание танцевать, присоединиться к нему? Не начинает ли ваша энергия превращаться в танец? Слушая поэта, слушая прекрасные стихи, вы на несколько мгновений достигаете поэтического видения. Открывается некая дверь, некая тайна окружает вас.

Точь-в-точь то же самое, только более полно происходит в присутствии Мастера, потому что Мастер — и музыкант, и поэт, и художник, и гончар, и ткач... Мастер — это все фазу. Мастер — это многогранное явление.

Когда вы пребываете в присутствии Мастера, действительно пребываете в присутствии Мастера, когда вы открыты, уязвимы, доступны его воздействию, тогда в вас начинает втекать его магия. Причем это случается с вами каждый день! Но, несмотря на это, ум продолжает подозревать. Несмотря на это, сомнение поднимает свою голову.

Разве вы, пребывая со мной, не переносились в иные миры? Разве это не происходило со многими из вас? Разве это не происходит прямо сейчас? Разве ты остаешься прежним, когда уходишь от меня? Разве ты не почувствовал: что-то изменяется, что-то начинает с тобой происходить, что-то странное, неведомое, какая-то энергия приходит в движение, какой-то свет начинает нисходить, какой-то покой расцветает внутри тебя, какая-то неведомая песня начинает литься в твое существо, подобно дующему сквозь сосны ветру? Разве ты никогда не слышал этот звук струящейся воды, сквозь мои слова, сквозь мое молчание? Даже когда ты просто смотришь на меня, с закрытыми ли, с открытыми ли глазами, разве это не случалось с тобой вновь и вновь?

И, тем не менее, мне известно, что в таком случае возникает вопрос Чем чаще это происходит, тем больше сомнений создает ум: а что если это всего-навсего гипноз? Вот почему люди во всем мире про меня говорят: «Этот человек — гипнотизер». И многие боятся прийти, ведь если они придут и будут загипнотизированы, то что тогда? Ум говорит: «Это, наверное, гипноз». Ум говорит. «Ты, видимо, предался иллюзии. Это скорее всего какой-то обман, какая-то магия — иначе, почему это исчезает?»

Когда вы от меня уходите, когда я не с вами, а вы не со мной, когда вы обо мне забываете, почему это исчезает? Естественно, что ум задает подобные вопросы. Это исчезает оттого, что вы еще не научились, как оставаться на таких высоких планах бытия, как оставаться в этой наполненности. А со мной, набравшись смелости и не отдавая отчета, куда вы идете, вы начинаете двигаться.. Как маленький ребенок идет в лес со своим отцом, не боясь диких зверей, не боясь неизвестного, не боясь ничего! Он знает: с ним его отец. Отец держит его за руку. Сам отец может бояться, но ребенок — нет. Отец может беспокоиться, по той ли тропинке он идет, сможет ли он добраться до дома, но ребенок — нет. А зачем ему беспокоиться? Он ведь доверяет отцу и доверие его абсолютно. Отец может казаться несколько обеспокоенным, но ребенок так и трепещет от приключения. Он глядит на деревья и цветы, собирает цветы и гоняется за бабочками.

Но стоит только отцу уйти и оставить ребенка в лесу одного, как вся радость тут же исчезнет. Теперь он один. И себе он доверять не может. Где эта нужная тропинка? Теперь он уже не в состоянии бегать за бабочками; бабочки теперь утратили все краски — их, по сути дела, больше не существует. Нет теперь лесных цветов, одни только дикие звери скрываются за каждым деревом, и с ними привидения и что-нибудь еще в этом роде. Теперь он уже боится, сгущается тьма и вот-вот зайдет солнце. И он начинает плакать. Он уже не в том состоянии удивления.

Что произошло? А произошло только одно: он больше не доверяет.

Когда вы со мной, вы доверяете, и доверие вас преображает. Когда же вы одни, доверие теряется, и вы уже не можете себе доверять. Таково дело Мастера: помогать вам, чтобы вы постоянно могли себе доверять, и чтобы Мастер был бы уже не нужен. Все дело Мастера — так подготовить ученика, чтобы ученик мог оставаться один в тех более высоких планах бытия — там, где царит радость и очарование.

Те более высокие планы бытия называются раем, или небесами. А высочайший среди них именуется мокшей, нирваной. С той вершины нет дороги назад — это вершина, с которой не возвращаются. Но первые проблески возможны лишь в присутствии кого-то, кто знает ту тропу, кто сошел с той вершины и вернулся обратно на землю.

В древних священных текстах говорится о двух типах просветленных — их важно понять в связи с темой Совершенного Мастера.

В буддийской традиции тот, кто становится просветленным и достигает высочайшей вершины сознания, но не знает, как возвратиться на землю и контактировать с людьми, называется архатом. Он никогда не становится Мастером. Он просветлен настолько же, насколько любой другой Будда, но он никогда не становится Мастером. Потому что для того, чтобы стать Мастером, нужно не только просветление — просветление необходимо — но нужен еще и второй процесс: способность возвращаться в долину.

Итак, чтобы человек сделался мастером, необходимо две вещи. Во-первых, он должен взойти на вершину, на залитую солнцем вершину сознания; и, во-вторых, он должен суметь отыскать свой путь обратно в темную долину. Ведь там живут люди. Если ты будешь кричать с вершины, тебя никто не услышит. Голос твой никогда не достигнет людей. Вы — это отделенные друг от друга миры. И мастеру приходится спускаться вниз, приходится спускаться в эту темную унылую долину, где живут и движутся осязью люди. Ему снова приходится становиться, как они. Если вы хотите, чтобы люди взойшли на вершину, вам самим сначала придется сойти в долину.

Поэтому буддийская традиция гласит: существует два типа просветленных. Просветленный первого типа называется архатом — это тот, кто, став просветленным, остался там, совершенно забыв о людях, что движутся осязью в темноте и мучаются в несчастье и в невежестве. И другой — бодхисаттва — он становится Мастером, он возвращается назад. Как только он достигает вершины, в ту же секунду он начинает спускаться. Он помнит, что многие нуждаются в его поддержке. Многие нуждаются в нем как в проводнике. И теперь он знает путь, теперь он может привести на вершину многих. Однако это обещает быть трудной задачей. Убедить людей в том, что вершина существует, — задача не из простых. А убедить людей в том, что «это возможно, и вы способны достичь вершины», трудно неимоверно. Ведь они прожили в темноте столько жизней, миллионы жизней, и им известна одна лишь темнота. Они не в состоянии поверить в то, что свет возможен. Они всегда были слепыми! В их языке нет слова, обозначающего свет. И если ты станешь говорить о свете, они подумают, что либо ты сошел с ума, либо ты всего лишь поэт.

Вот что рассказывают об отце Будды. Когда Будда стал просветленным, то до дворца, до старого отца, начали доходить слухи: «Твой сын стал просветленным». Противники Будды говорили: «Он сошел с ума». А те, кто не были его противниками, а испытывали к нему симпатию, говорили: «Он стал поэтом».

В лучшем случае люди могут поверить в то, что ты, наверное, сочиняешь грандиозную поэму и что у тебя богатое воображение. Ты можешь представить себе образ залитой солнцем вершины, ты, определенно, великий фантазер. В своих грезах ты можешь узреть Бога, рай ангелов — ты великий фантазер.

Но мистик не фантазер, то, что он видит — это не грезы: то, что он видит — это осязаемая

реальность. Но как убедить тех людей, которые еще не узнали ее? Как сказать им, что свет существует, если они никогда глаз своих не раскрывали? Если вы скажете им: «Он белый», — они спросят «Что белое?» Если вы скажете им: «Он, как снег, совершенно белый», они подумают, что свет — это что-то холодное и мокрое. А свет ни холодный, ни мокрый.

Но не будьте взыскательны к людям. Что они могут поделаться? Им все приходится переводить на язык долины.

С этим связана отличительная особенность первых некоторые люди никогда не возвращаются с вершины, так как видят, что все это невозможно и что никто не будет им доверять, никто не будет им верить. К чему беспокоиться? Они достигли, и они исчезают в свете.

А человек второго типа, бодхисатва, который становится Мастером, обладает бесконечным состраданием. Он начинает двигаться вниз, назад, в этот темный, оставленный им мир, где люди похожи на ползающих червей, где люди еще не люди — у них отсутствует сознание, и они живут, как роботы. И эти люди не простят того человека, который явился с залитых солнцем вершин — они подвергнут его распятию, они его убьют, они его отравят, потому что этот человек нарушит их покой, их комфорт. Они уже поверили, что тьма — это все, а тут вдруг является этот человек и заявляет «Нет! Тьма — это не все. Есть и залитые солнцем вершины Гималаев, и я там уже побывал».

И теперь этот человек нарушает их сон, нарушает их уютный распорядок. Теперь этот человек снова вызывает в них жажду поиска вершин. И они не в состоянии простить этого человека. Поэтому Христос распят, Мансур убит, Сократ отравлен, Будда побит камнями, Махавира изгнан отовсюду, где он только ни появлялся. Почему люди так враждебны к мастерам? Этому есть причины. Человек этот приносит некую весть, которая вызывает в них неутолимое желание, и желание это нарушает весь распорядок их жизни. У них есть жены, у них есть дети, магазины, фабрики, и все идет хорошо. У них все это как-то отложено, а тут вдруг является этот человек, чтобы все разрушить. И теперь жена больше не кажется такой привлекательной, дети больше не кажутся такими привлекательными, ни деньги, ни политика больше не прельщают... они теперь освободились ото сна. А воздействие Мастера таково, что даже если вы настроены против него, он все равно затронет ваше сердце. Даже если вы не желаете его слушать, что-то западает в вас, что-то проникает в ваше сердце, как семя, и начинает там прорастать.

Проблема Мастера состоит в том, как рассказать вам о тех вершинах. А совершенный Мастер — это тот, которому удастся это сделать. Совершенный мастер тот, которому как-то удастся рассказать о таких вещах, о которых рассказать невозможно, как-то удастся создать для этого способы. Если что-то невозможно сказать, тогда он постарается вам это показать, создаст ситуации, в которых кое-какие проблески вершин смогут промелькнуть перед вами.

Совершенный мастер — это тот, кто пытается сделать невозможное и преуспевает в этом.

Будда — Совершенный Мастер. Иисус — Совершенный Мастер. Магомет — Совершенный Мастер. То же можно сказать о Кабире, Нанаке. Совершенный Мастер — это тот, кому удалось выполнить невыполнимое: убедить слепых в существовании света, убедить глухих в существовании музыки, причем не только в существовании, но и в заманчивости стремления к ней, что она стоит того, чтобы к ней стремиться

Ты спрашиваешь «Действительно ли пребывание в присутствии Мастера изменяет человека?»

Что там говорить о человеке, когда известно, что даже животные иногда изменяются.

Не так давно, всего несколько лет тому назад, жил один великий Мастер, Рамана Махарши — Совершенный Мастер. Каждое утро на его даршаны — а он был человек молчаливый, говорил

изредка, и то, бывало, всего по-нескольку слов — и вот каждое утро, когда он сидел один час на даршане, приходили люди и садились рядом с ним, и приходила также какая-то корова. Причем так прилежно, как не приходил ни один из учеников, — та корова была очень похожа на Тирту! Прилежно... Дождь ли, нет ли, зима ли — что бы там ни было — больна ли была корова, здорова ли, как бы там ни было, корова неизменно приходила в одно и то же время.

Она приходила, становилась на веранду и глядела внутрь через окно, и в течение часа в окне маячила ее голова, иногда с открытыми, иногда с закрытыми глазами. А иногда из глаз ее катились слезы... это стало каким-то чудом!

Но однажды корова очень тяжело заболела и не могла прийти, поэтому идти пришлось Рамане! Он никогда не посещал никаких других учеников, но ради этой бедной коровы ему пришлось идти. «Что вы делаете, Бхагван?» — недоумевали все ученики. А он отвечал: «И все-таки я должен идти. Она была так прилежна. Я знаю, она хочет прийти — этого хочет ее дух, но плоть слаба».

Когда же он пришел, она сидела по направлению к его комнате и издали смотрела в окно. Она не могла встать, она умирала. Когда Рамана пришел, она закрыла глаза и у нее потекли слезы. Она умерла. Эта корова была первым животным во всей истории человечества или сознания, с которым прощались, как прощаются с просветленным. Там был Рамана.

Кто-то спросил Раману: «Родится ли эта корова человеком?»

«Нет, — ответил Рамана, — ей не нужно будет рождаться человеком, она это уже превзошла. Она вообще не будет рождаться. Она достигла просветления».

Да, это возможно. Что там говорить о человеке? Даже животные, если они восприимчивы... а коровы действительно очень восприимчивы. Вот почему на Востоке они стали священными. Ни по какой другой причине, а потому что они действительно очень восприимчивы, открыты. Они способны расти в сознании. Никакое другое животное не может сделать такой прыжок, который способна сделать корова.

Это была единственная причина, по которой они стали неотъемлемой частью всех старых восточных ашрамов. Они создавали определенную атмосферу — атмосферу чистоты, невинности.

Послушайте эту историю:

Приятель Изи, Иосиф, заявил, что он нашел одного попугая, который может не только говорить, но говорить на иврите. Изя был настроен скептически, но когда он пришел домой к Иосифу и они надели на голову птицы кипу, попугай тут же повторил наизусть всю службу, проходившую в пятницу вечером.

Изя был ошеломлен и стал умолять своего приятеля продать ему эту птицу. И вот после долгих уговоров Иосиф согласился. Заплатив десять долларов, Изе удалось-таки забрать эту чудесную птичку.

На праздник Изя взял птицу в синагогу. Там он оповестил всех и каждого, что его попугай может петь молитвы. Но все только подняли его на смех, и, в конце концов, ему было предложено пари десять к одному, что птица его не сможет уследить за службой и трех минут.

И вот когда начались молитвы, Изя надел на голову попугая кипу и приказал ему петь. Но птица молчала.

«Молись, как ты молилась у Иосифа», — потребовал Изя. Но попугай и клюва не раскрыл.

«Молись, немая бестолочь! Я на тебя поспорил!» Но попугай не издал ни звука. В конце концов, Изя был вынужден признать свое поражение, и он ушел из синагоги с опущенными глазами и по уши в долгах. Когда он пришел домой, он принялся бить птицу, приговаривая: «Кто меня перед всеми опозорил, а? Кто заставил меня проиграть десять к одному? Кто сделал вид что знает, а сам не знает, как молиться? Зачем ты это сделал?»

В конце концов, попугай заговорил. «Не будь дураком! — крикнул он. — Придет Йомкипур, ты сорвешь большой куш!»

Если попугай живет вместе с евреем, попугай становится евреем — запомните. Если вы живете с Мастером, что-то от Мастера начнет проникать в вас.

Третий вопрос:

В свое время вы говорили нам о совершенстве и творчестве. Какова же взаимосвязь между творчеством и совершенством? Не является ли творчество в музыке, живописи и поэзии попыткой достичь совершенства в видимой и слышимой форме? Не создает ли художник просто более тонкое эго, как так называемые святые, о которых Вы часто говорите?

Да, Акам, как правило, художник — это самый эгоистичный в мире человек. Но в таком случае это не истинный художник. Он использовал искусство как средство для путешествия собственного эго. Художники очень эгоистичны, они постоянно хвастаются и постоянно борются друг с другом. И при этом каждый думает, что он единственный и неповторимый. Однако это не истинное искусство.

Истинный художник исчезает без остатка. А эти люди всего-навсего техничны. Я буду называть их не художниками, а техниками. Я не буду называть их творцами; я буду называть их сочинителями. Да, сочинить стих — это одно, а сотворить стих — это совсем другое. Чтобы сочинить стих, нужно знать язык, грамматику, грамматические правила — правила стихосложения. Это игра словами. И если ты сведущ во всей этой игре, ты можешь сочинить стишок. С точки зрения техники он может быть безупречным, однако у него будет одно лишь тело — душа его будет упущена.

Душа случается лишь тогда, когда художник исчезает в искусстве — когда он больше не отделен. Когда художник творит в такой отрешенности, что его здесь нет, то, когда ему приходится подписывать свою картину, он испытывает неловкость, потому что ему известно, что это сделал не он. Это сделала за него некая неведомая сила. Он знает, что был одержим — таков опыт всех по-настоящему великих художников на протяжении веков: чувство одержимости. Чем более велик художник, тем больше проявлено у него это чувство.

А величайшие среди них — Моцарт, Бетховен, Калидаса, Рабиндранат — самые великие, абсолютно уверены в том, что они были ни чем иным, как полым бамбуком, и что через них пел Бог. Они были флейтами, однако песни были не их. Они текли через них, но они исходили из какого-то неведомого источника. Они не мешали — и это все, что они делали. Но сами они не создавали этого. Вот в чем парадокс!

Настоящий творец знает, что он этого не создавал. Через него работал Бог. Он овладел им, его руками, его существом и что-то через него создал. А он был инструментом.

Настоящее искусство — то, где художник исчезает — тогда вопрос об эго не ставится. Тогда искусство становится религией. Тогда художник — мистик — не только безупречный технически, но и подлинный экзистенциально.

Ты меня спрашиваешь: «В свое время Вы говорили о совершенстве и творчестве. Какова же взаимосвязь между творчеством и совершенством?»

Первое: чем меньше в творчестве художника, тем больше в нем совершенства. А когда художник абсолютно отсутствует, тогда творчество абсолютно совершенно. Такова пропорция — и вы должны это запомнить. Чем больше присутствует художник, тем менее совершенным будет произведение. А если художник слишком присутствует, произведение будет тошнотворным, невротичным. Это будет всего-навсего эго, а чем еще ему быть? Эго — это и

есть невроз

И нужно запомнить еще одну вещь: эго всегда хочет быть совершенным. Эго безудержно стремится к совершенству. Эго всегда хочет быть выше и лучше других. Поэтому оно и стремится к совершенству. Однако совершенство никогда не бывает возможным через эго. Поэтому такое усилие абсурдно. Совершенство возможно только тогда, когда нет эго. Но в таком случае вообще не думают о совершенстве.

Поэтому настоящий художник никогда не думает о совершенстве. Он и понятия не имеет о совершенстве. Он просто позволяет себе сдаться, отпустить себя, а там будь что будет. Разумеется, настоящий художник всегда думает о целостности, но никогда не думает о совершенстве. Он хочет быть в этом целиком — только и всего. Когда он танцует, ему хочется исчезнуть в танце. Он не хочет быть здесь, потому что присутствие танцора только помешает танцу, помешает грации, течению. Когда же танцора нет, все громоздящиеся скалы препятствий исчезают, и мягко струится тихое течение.

Разумеется, настоящий художник думает о целостности — как быть целостным? — но никогда не думает о совершенстве. И вся красота в том, что целостные и есть совершенные. Те же, кто думают о совершенстве, никогда не бывают совершенными, никогда не бывают целостными. Скорее наоборот: чем больше они думают о совершенстве, тем невротичнее они становятся. У них имеются идеалы. Они всегда сравнивают и всегда проигрывают!

Если у вас есть идеалы и если вы думаете, что не будете считать себя совершенными до тех пор, пока эти идеалы не осуществляются, то как вы можете быть целостными в своем действии? Если вы, к примеру, думаете, что должны быть такими танцорами, как Нижинский, как тогда вы сможете быть целостными в своем танце? Вы неотрывно смотрите, наблюдаете за собой, пытаетесь улучшить, боясь сделать какую-нибудь ошибку, вы разделены. Одна ваша часть танцует, а другая — судит, выносит приговор, критикует, глядя со стороны. Вы разделены, вы расколоты.

Нижинский был совершенным, потому что он был целостным. Во время танца он проделывал такие прыжки, что люди были не в состоянии поверить своим глазам, даже ученые, и те были не в состоянии поверить своим глазам. Его прыжок противоречил закону гравитации — а ведь этого не должно было происходить! Когда же он снова опускался на землю, он опускался медленно, как перышко... и это тоже противоречило закону гравитации.

Его расспрашивали об этом снова и снова. Но чем больше его расспрашивали, тем больше он начинал это осознавать, и тем быстрее это начинало исчезать. И вот в его жизни настал такой момент, когда он полностью остановился, а причина была в том, что он начал это осознавать — он утратил свою целостность. Когда он это понял, оно почему-то исчезло. Обычно это случалось лишь тогда, когда Нижинский полностью терялся в танце. И в этой полной потере, в этой полной расслабленности человек двигался в совершенно другом мире, по другим законам.

Позвольте мне рассказать вам об одном законе, который науке рано или поздно предстоит открыть. Я называю его законом грации. Точно также, как и закон гравитации... о котором триста лет назад не было известно. И, тем не менее, он действовал еще прежде, чем о нем узнали, ведь, чтобы действовать, закон не нуждается в том, чтобы о нем узнавали. Закон этот действовал всегда. Он не имел никакого отношения к Ньютону или падавшему на него яблоку. Яблоки падали и раньше! И дело было не так, что сначала Ньютон открыл закон, и потом начали падать яблоки. Закон уже существовал, а Ньютон его только открыл.

Точно так же существует и другой закон: закон грации, который поднимает. Закон гравитации все тянет вниз, а закон грации все поднимает вверх. В йоге он называется левитацией. Этот закон начинает действовать в определенном состоянии отрешенности, в определенном состоянии опьяненности, опьяненности божественным, в определенном состоянии полной сдачи, безэгоистичности. И человек поднимается. Он становится невесомым.

Это происходило в случае с Нижинским. Однако вы не можете его вызвать, так как, если здесь будете вы, он не будет действовать. Это подобно камню, висящему у вас на шее. Когда это нет, вы невесомы.

А разве вы сами не чувствовали его иногда в своей жизни? Бывают ведь такие мгновения, когда в вас присутствует какая-то невесомость. Вы идете по земле, и все же ваши ноги не касаются земли, вы поднимаетесь над ней дюймов на шесть. Бывают мгновения радости, мгновения молитвы, мгновения медитации, мгновения празднования, мгновения любви, и вы бываете невесомыми, вы поднимаетесь.

И я говорю, что рано или поздно наука должна будет его открыть, так как наука верит в определенный принцип: принцип полярных противоположностей. Никакой закон не может быть одиночным: он должен иметь свою противоположность. Электричество не может функционировать только при наличии одного полюса, позитивного или негативного; необходимы оба. Они дополняют друг друга.

Науке известно, что любой закон имеет свою противоположность, которая его дополняет. И этот закон я условно называю законом фации. В будущем его, возможно, назовут как-то по-другому. Потому что ученые, если они откроют его, не назовут его законом фации. И все-таки это название представляется для него самым совершенным. Вас поднимает Бог.

Настоящий художник никогда не думает о совершенстве, и, тем не менее, действие его настолько целостно, что из него рождается совершенство. А псевдохудожник, техник, всегда думает о совершенстве, и из-за того, что он о нем думает, он не является целостным, совершенство из него не рождается.

Это может оказать вам неоценимую услугу на всех дорогах жизни — и особенно тем, кто распознает реальность бога, истины. Думайте о целостности, и совершенство само автоматически придет. Но никогда не думайте о совершенстве, иначе вы станете невротиками. Все, кто стремятся к совершенству, становятся невротиками.

Четвертый вопрос

Ошо, что такое внутреннее чувство?

Мальчик постоянно чесал себе затылок. Однажды его отец посмотрел на него и сказал: «Сынок, почему ты все время чешешь затылок?»

«Наверное, потому — ответил мальчик, — что я единственный, кто знает, как он чешется».

Это внутреннее чувство. Знаешь только ты. Никто другой не может знать. Это нельзя наблюдать со стороны. Когда у тебя болит голова, то знаешь только ты. Ты не можешь этого доказать. Когда ты счастлив, то знаешь только ты — ты не можешь этого доказать. Ты не можешь выложить это на стол, чтобы все могли поверить, вскрыть, проанализировать.

Внутреннее чувство в действительности до того внутреннее, что ты даже не можешь доказать, что оно существует. Вот почему наука продолжает его отрицать. Но это отрицание бесчеловечно. Даже ученый знает, что когда он чувствует любовь, у него бывает внутреннее чувство. Здесь что-то есть! И это «что-то» не вещь, не объект, его невозможно выложить на всеобщее обозрение. И все-таки оно есть.

Внутреннее чувство обладает своей собственной ценностью. Но из-за своей научной подготовки люди утратили доверие к своему внутреннему чувству. Они зависят от других. Ты до того зависишь, что если кто-то скажет, что ты выглядишь вполне счастливым, ты и впрямь начнешь чувствовать себя счастливым. Если двадцать человек сговорятся сделать тебя несчастным, они смогут сделать тебя несчастным. Им достаточно весь день при встрече с тобой повторять: «Ты кажешься таким несчастным, таким грустным. В чем дело? Кто-то умер или что-

нибудь еще случилось?» И в тебя закрадется подозрение: «Столько людей говорят, что я несчастен, значит, я и в самом деле несчастен».

Вы зависите от мнения других. Вы так зависите от мнения других, что потеряли все следы внутреннего чувства. Это внутреннее чувство нужно открыть заново, потому что все прекрасное, все благое, все божественное чувствуется только внутренним чувством.

Перестаньте находиться под влиянием чужого мнения. Лучше начните вглядываться... позвольте своему внутреннему чувству что-то вам сказать. Доверьтесь ему. Если вы ему доверитесь, оно будет расти. Если вы ему доверитесь, вы будете его питать, и оно станет сильнее.

Вивекананда пришел к Рамакришне и сказал: «Бога нет! Я могу это доказать — Бога нет!» Он был очень логичный, скептический человек, образованный, образованный в традициях западно-философской мысли. А Рамакришна был необразованным, неграмотным: «Ладно, доказывай», — сказал он.

Вивекананда долго говорил, выложив все имевшиеся у него доказательства. Рамакришна слушал-слушал и потом сказал- «А вот мое внутреннее чувство говорит, что Он есть, и это решающий авторитет. Все, что ты говоришь, — это аргументация. А что говорит твое внутреннее чувство?»

Вивекананде это даже и в голову не приходило. Он пожал плечами. Он начитался книг, понабрался аргументов, доказательств за и против и на основе этих доказательств попытался прийти к выводу о существовании или несуществовании Бога. Но он не вглядывался внутрь, не спрашивал свое внутреннее чувство.

Это очень глупо, но скептический ум на самом деле глуп, логический ум на самом деле глуп.

«Твои аргументы правильны, они доставили мне удовольствие, — сказал Рамакришна, — но что я могу поделать? Ведь я же знаю! Мое внутреннее чувство говорит, что Он есть. Точно так же, как говорит, что я счастлив, что я болен, что я печален, что у меня болит живот, что сегодня я себя неважно чувствую, точно так же мое внутреннее чувство говорит, что есть Бог. Это не вопрос, по которому можно спорить».

И Рамакришна добавил: «Я не могу этого доказать, но, если хочешь, я могу тебе это показать». До сих пор никто не говорил Вивекананде, что Бога можно показать. И прежде, чем он смог что-то сказать, Рамакришна прыгнул — а это был неистовый человек — он прыгнул и коснулся ногами груди Вивекананды. И что-то произошло, подпрыгнула какая-то энергия, и Вивекананда впал в транс, продолжавшийся три часа.

А когда он открыл глаза, это был уже совершенно другой человек. «Ну что ты на это скажешь? — спросил Рамакришна. — Так что, есть Бог или нет Бога? Что теперь говорит твое внутреннее чувство?»

А тот пребывал в таком покое, в таком безмолвии, которого он никогда прежде не знал. И такое ликование было внутри, такое блаженство, такое переливающее через край блаженство... И ему ничего не оставалось, как поклониться и, коснувшись ног Рамакришны, промолвить: «Да, Бог есть».

Бог не личность, а предельное чувство блаженства, предельное чувство себя дома, предельное чувство «я принадлежу этому миру, а этот мир принадлежит мне. Я здесь не чужой, не посторонний». Предельное чувство — экзистенциальное — «это целое, и я не отделен». Это предельное и есть Бог.

Но это переживание возможно только в том случае, если ты позволишь работать своему внутреннему чувству. Попробуй позволить! Дай ему как можно больше возможностей. Не ищи беспрестанно внешние авторитеты и внешние мнения. Держи себя чуть независимее. Больше

чувствуй, меньше думай.

Иди и посмотри на розу и не повторяй, как попугай: «Она красива». Это может быть всего лишь мнением, это уже говорили тебе люди, ты с самого детства слышал «Роза красива, это прелестный цветок». Поэтому когда ты смотришь на розу ты просто повторяешь, как компьютер: «Это красиво». Но действительно ли ты это чувствуешь? Действительно ли это твое внутреннее чувство? Если нет, не говори этого.

Глядя на луну не говори, что она красива — не говори до тех пор, пока это не станет твоим внутренним чувством. И ты будешь удивлен, что девяносто девять процентов мусора, который ты таскаешь в своем уме, заимствованы от начала до конца. И внутри этих девяноста девяти процентов мусора, бесполезного мусора, затерялся один процент внутреннего чувства. Отбрось же эту осведомленность и снова обрети свое внутреннее чувство.

Только внутренним чувством познается Бог.

Существует шесть чувств: пять внешних, они говорят тебе о мире. Глаза говорят тебе что-то о свете — не имея глаз, ты не узнаешь света. Уши говорят что-то о звуке — не имея ушей, ты ничего не узнаешь о звуке. И существует шестое чувство — внутреннее чувство, показывающее и говорящее тебе что-то о тебе самом и о высшем источнике всего сущего. Это чувство и нужно открыть.

Медитация же есть ничто иное как открытие этого внутреннего чувства.

Последний вопрос:

Ошо, время от времени я потворствую сексуальности и потом чувствую сильное разочарование. Тогда я двигаюсь к другой крайности. Воздерживаюсь, однако вскоре опять начинаю чувствовать неудовлетворенность и двигаюсь к другой крайности

Это замкнутый круг, и яв него пойман. Что мне делать?

В замкнутый круг пойман практически каждый — не в один, так в другой потому что ум не способен существовать без замкнутого круга. Кто-то слишком много ест и, обрстая жиром, начинает нервничать и бросается в диеты, посты, ест меньше, однако, испытывая голод опять начинает нервничать и в результате ест больше... и т. д., и т. п.

Ум существует по принципу часового маятника: он движется от одной крайней точки к другой. И вы не можете выбраться из этого замкнутого круга. Когда маятник движется вправо, на самом деле он набирает импульс к движению влево. А когда маятник движется влево, он набирает импульс к движению вправо. Это замкнутый круг, очень тонкий замкнутый круг.

Когда ты разочаровываешься в сексуальности, что происходит? Ты начинаешь интересоваться воздержанием, всеми этими великими идеями брахмачарьи, утверждающими, что воздержание — это жизнь, что воздержание — это энергия. Тогда ты начинаешь читать книги о воздержании и чувствуешь глубокую убежденность. И дело не в том, что эти книги правы: ты чувствуешь себя убежденным, потому что не доволен тем, что потворствовал сексуальности. Ты будешь воздерживаться, а между тем это другая крайность.

И вскоре твоя сексуальная энергия превращается в проклятие, вскоре ты почувствуешь, что сексуальность готова вот-вот прорваться. И теперь ты начинаешь подумывать о журналах вроде «Плейбоя» и порнографии. А если ты не заглядываешь в подобные журналы, ты создаешь свою личную порнографию в собственных снах. Или же ты сидишь, закрыв глаза, и пытаешься медитировать, и, несмотря на это, ничего не происходит — одна лишь порнография. Теперь накопился такой сильный энергетический импульс, что он стремится двигаться к другой крайности. И рано или поздно тебе придется начать это движение.

Ты спрашиваешь меня: «Что же делать?»

Учиться срединному пути. Учиться золотой середине. Учиться оставаться ровно посередине. Стоит только маятнику остановиться посередине, как часы останавливаются. Если ты останавливаешься посередине, ум исчезает. Ум — это время, часы. Вот одна история:

Дела преуспевающих коммивояжеров шли лучше не придумаешь. Рубин и Кохен сбывали одежду по баснословным ценам. Сид Метовский каждую неделю зарабатывал по четыреста долларов, но, несмотря на это, корабль его бизнеса явно наскочил на мель. Партнеров беспокоило только одно: в самом разгаре своего успеха Метовский взял за правило приписывать в верхнем углу громадного счета за проделанную работу дополнительный пункт в пятьдесят долларов с пояснением: «Человек не деревянный».

Но когда этот разорительный пункт появился в третий раз, Кохен посмотрел на Рубина и сказал: «Ну, и что мы будем с этим делать?»

«Ладно уж, принимая во внимание ту прибыль, которую он нам приносит, давай лучше закроем на это глаза и выплатим», — ответил Рубин.

Однако на следующей неделе пришло три чека по пятьдесят долларов, и на каждом было написано: «Человек не деревянный».

Рубин и на этот раз призывал к снисхождению, однако терпение Кохена лопнуло. «Три раза за два дня!» — заорал он.

«Мисс Якобс! — вызвал он свою секретаршу — Пошлите Метовскому телеграмму: «Дорогой Сид, человек не деревянный, это верно. Но и не железный».

Нужно остановиться где-то ровно посередине. И если вы понимаете, то это очень и очень просто. Будьте естественны. Будьте спонтанны. Будьте просты. Когда чувствуете голод — ешьте. Когда не чувствуете голода — не ешьте. Люди очень странные: когда они не чувствуют голода, они продолжают есть, а когда они чувствуют голод они постятся. Вы идете наперекор природе, отсюда ваши страдания. Лучше плавно и бесшумно двигайтесь с природой.

И, опять-таки, это то, что я называю сдачей! Принимайте все, что естественно. Забудьте обо всем, чему вас учили ваши махатмы. Думайте о махатмах, как думают о патологии, не слушайте их — они исказили ваш ум. Махатма — это такой малый, который, потратив невероятные усилия на то, чтобы расколоть орех, ест скорлупу и выбрасывает ее содержимое — да еще начинает учить этому других.

Остерегайтесь махатм. Будьте обычными, увидите красоту обычности. Будьте просты! Не будьте ни от этого, ни от другого мира, ни материалистами, ни спиритуалистами, ни противниками денег, ни сторонниками денег. Будьте же просты и естественны! Принимайте все, чем бы оно ни было, и двигайтесь согласно своей естественной склонности, потенциальности.

Не устанавливайте программы своей жизни. Живите от мгновения к мгновению. Не составляйте расписания. Не создавайте стиль. Не вырабатывайте характер! А только медленно-медленно, от мгновения к мгновению двигайтесь, живите, бросая и принимая вызов, отвечая на него — и постепенно вырастет большое осознание. И тогда вы начнете все ближе и ближе подходить к центру всего этого.

И настанет такой день, когда вы окажетесь ровно посередине, и ум остановится. А быть за пределами ума — значит быть в Боге. Это и есть та работа, которую должны проделать мои саньясины. Вы не должны потворствовать и вы не должны воздерживаться. Вы не должны надстраивать над собой никакой структуры. Вам нужно жить без структуры, с сознанием, с творчеством, с чувствительностью. Вам нужно жить от мгновения к мгновению, без всяких идеалов, без всяких неврозов совершенства. И тогда не за горами тот великий день, когда вы однажды обнаружите, что маятник никуда не движется.

В этот день случится сатори. И первый проблеск вечной красоты и благословения природы снизойдет на вас. И вы поднимитесь над землей. И появится грация. А грация — это начало

Богa.